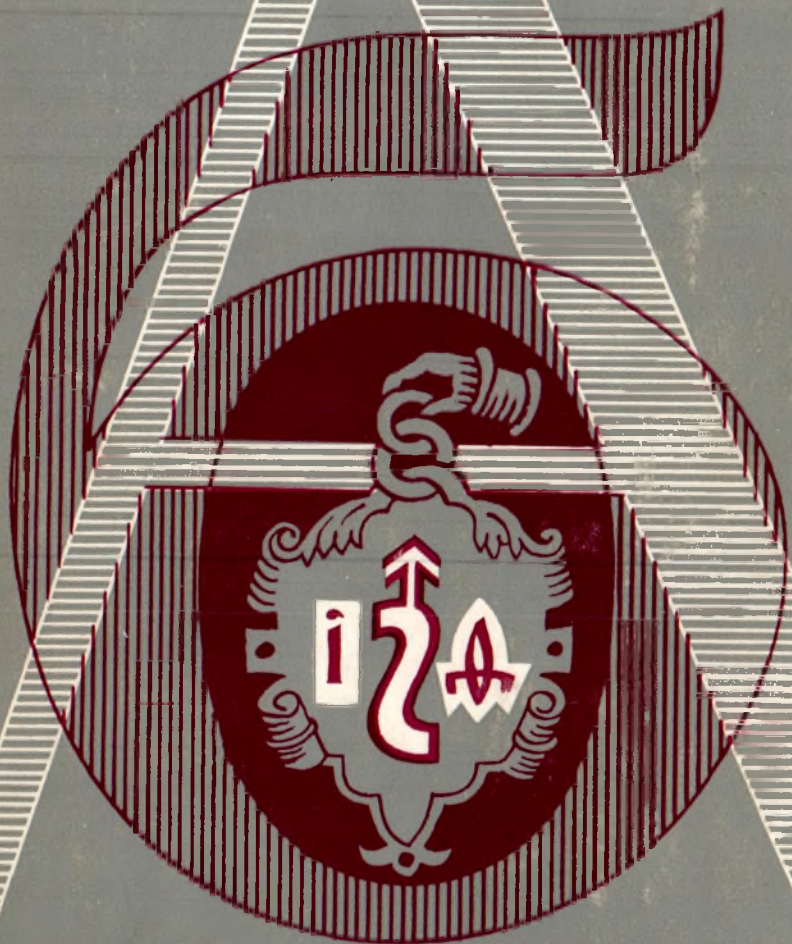

Альманах

библиофила

**АЛЪМАНАХ
БИБЛИОФИЛА**

«Форманах библиофила»
рассказывает о книгах и книжниках
прошлого и современности.

Выпуск **А** четвертый

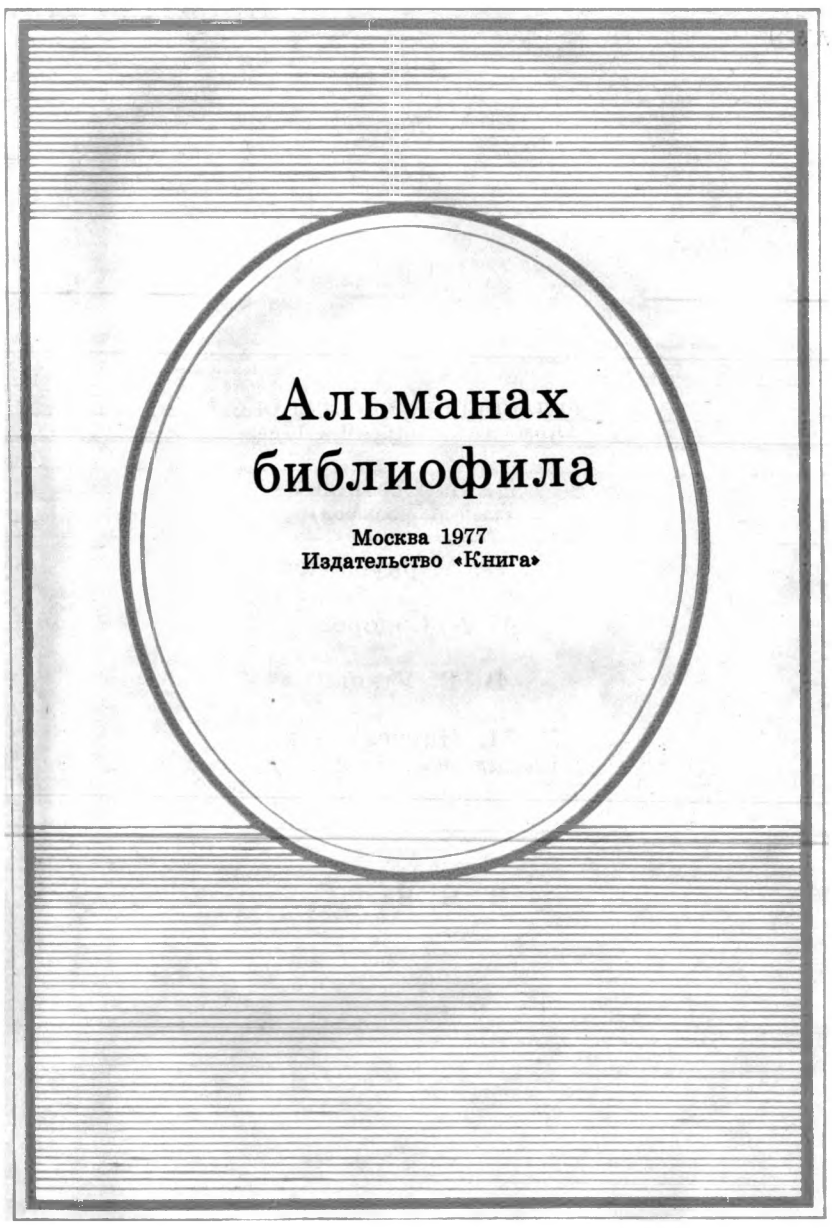
библиотеках и

библиофилах.

о поисках и находках
в книжном мире.

о делах минувших и современной жизни
книжников в разных концах нашей
страны и в других странах.

The book cover features a central oval frame containing the title. The top and bottom sections of the cover are filled with horizontal lines, while the middle section is plain white.

**Альманах
библиофила**

Москва 1977
Издательство «Книга»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
«АЛЬМАНАХА БИБЛИОФИЛА»:

Е. И. Осетров
(главный редактор)

А. И. Маркушевич

А. А. Сидоров

В. Г. Утков

Л. М. Наппельбаум
(ответственный секретарь)

Художник
В. В. Вагин

Редакция «Альманаха библиофила» составила анкету, в которой предложила обсудить некоторые актуальные вопросы библиофилии и книгоиздательского дела. Естественно, что в нынешнем, юбилейном году анкета приурочивается к 60-летию Великого Октября. Участникам обсуждения были предложены следующие вопросы:

Ваш взгляд на роль книги в современном мире;

Ваше отношение к собирательству книг и личным собраниям;

Ваша наиболее памятная встреча с книгой;

Книга и будущее.

Ниже приводятся ответы видных деятелей советской литературы и культуры — Сергея Баруздина, Татьяны Мавриной, Николая Кузьмина, Алексея Овсянникова. Анкета открывается статьей Евгения Осетрова.

В следующем выпуске «Альманаха» мы предполагаем продолжить публикацию ответов на вопросы.

ГЛАЗАМИ ВРЕМЕНИ

Время — порой совсем незаметно для нас — меняет отношение к черным строчкам на бумаге. Газету, выпущенную в свет лет, скажем, шестьдесят тому назад, мы держим с иным чувством, чем ту, что только что вышла из типографии. Дело не в том, что новости стали достоинством Истории, что со старого печатного листа давным-давно улетучился аромат краски, он пожелтел, выглядит хрупким и ломким. Запечатленное слово — окно в мир, который, став прошлым, не исчез; он живет в нас, отзываясь в мыслях и поступках, и печатные буквы представляются мне светильниками, передаваемыми от одного поколения к другому. Даже то, что находится совсем рядом, перед глазами, получает, озаряемое минувшим, новое освещение. Книга создает вокруг себя атмосферу. Вдыхая ее, мы глубже ощущаем воздух современности, ее направленность, динамизм, многоцветие.

Существует верная примета — если книга нравится с годами все больше и больше, она хороша. Далеко не всякое издание прямо в лоб говорит об эпохе. Признаки времени, показывающие, каким мир был на самом деле, могут выражаться и косвенным образом, — о них приходится догадываться. Однажды увлеченный коллекционер показал мне старую афишу, извещавшую о поэза-концертах Игоря Северянина. Сразу вспомнился рассказ Анны Андреевны Ахматовой о том, что в октябре семнадцатого года центр Петрограда был увешан красочными объявлениями, изрешеченными пулями, возвещавшими о выступлениях Игоря Северянина — тогдашнего «короля поэтов». В художественной среде был модным спор: кто выше, кто первый поэт эпохи — Александр Блок или Игорь Северянин? Словесное состязание поросло травой забвенья и сам по себе вопрос представляется праздным. Но давняя афиша, попав в любительское собрание, помогает нам сегодня восстановить окружение, атмосферу, воздух времени, которым дышали герои «Двенадцати» Блока или персонажи «Хождения по мукам» Алексея Толстого.

Никакая действительность не представляется нам вполне полной и законченной, если она не нашла еще своего воплощения в художест-

венном слове. Образ Книги, как правило, не отделим от образа Времени. Один из старых каталогов так, например, характеризует иллюстрированные издания — их высоко ценят собиратели! — середины минувшего столетия: «Все то, что за двенадцать лет происходило интересного или замечательного в русской жизни, немедленно воспроизводилось бойким карандашом неутомимаго и талантливаго Тимма, не жалевшего для своего труда ни времени, ни денег и сделавшаго из Русскаго Художественнаго Листка великолепный памятник русской общественной жизни 50-х годов. Богатство его сюжетов изумительно. В Листке можно встретить: изображения общественных торжеств, портреты знаменитых людей, рисунки к новым изобретениям, живописные виды, сцены из русских нравов и из замечательных современных событий, костюмы племен, обитающих в России, костюмы и декорации новых пьес, изображения новых произведений искусства, виды конских скачек, выставок и т. д., в безконечном разнообразии и превосходнейшем исполнении».

Я достаю с полки переплетенный том издания некогда знаменитого очерка Ивана Лазаревского — «Среди коллекционеров», украшенного заставками и виньетками на аллегорические темы, которые так любили художники «Мира искусства». Автор рассказывал о собирателях и продавцах, воспроизводя то, что видел собственными глазами: «Бродячий книжник своего постоянного угла — лавчонки не имел. С раннего утра до позднего вечера бродил он с холщовым мешком на плече. Эти мешки, очень длинные, с зашитыми концами, лишь с большой прорехой в середине, куда и вкладывались книги, представляли собой походную лавку такого книжника. Кто являлся покупателем у этих бродячих антикваров? Круг этот был очень широк. „Холодного антиквара“ в длинномолом сюртуке, смазанных сапогах, с характерным высоким треухом-картузом можно было встретить и в хоромах знати, и в богатых домах собирателей, и гвардейского офицерства того времени, и в неказистых квартирах литераторов и ученых».

Книга «Среди коллекционеров» вышла в свет в Петрограде в семнадцатом году и несомненно была свидетельницей революционных событий, которые потрясли мир. Она насыщена поэзией библиофильского и иного собирательства. Но для нас этим не ограничивается ее звучание. Разве «Робинзон Крузо» повествует только о жизни на необитаемом острове? Разве сказки Шахразады — только цепочка занимательных историй? Разбирая книжные сокровища, мы знаем, сколько жемчужных зерен можно обнаружить, отряхивая «пыль веков» от хартий...

Книга как наиболее антропоморфное из всего созданного человеком менялась на протяжении истории так же, как менялся и человек, сотворивший ее. Путь книги — путь демократизации, путь к народу, к простым людям, дорога от замков и дворцов к домам и хижинам. Книгопе-

чатание само по себе содержало, как утверждал Виктор Гюго, зародыши всех революций. Достаточно посмотреть, как менялся внешний вид книги, ее образ, содержание и облик — от роскошных переплетов семнадцатого и восемнадцатого столетий до «летучего дождя брошюр» семнадцатого года, чтобы понять, как грандиозные социальные катаклизмы самым решительным образом сказались на судьбе и характере изданий.

Если возможна аллегория, воспроизводящая смысл, назначение и сущность книги нового времени, то ее надо представить в виде взметнувшегося над землей Огня, мгновенно осветившего жизнь и путь миллионов. Недаром говорилось, что литература нового мира вобрала в себя все «самое молодое, самое крепкое, самое пламенное».

Увлекательно обратиться к истокам давних книжных рек и посмотреть, как начиналась кипучая — не имеющая равных по размаху — работа, сделавшая нашу Родину страной читателей, где книг и брошюр на душу населения приходится в три раза больше, чем в среднем на человека во всем мире. Перелистываем старую газетную подшивку. Зимой восемнадцатого года «Правда» сообщила о правительственном решении издать для народа Белинского, Герцена, Грибоедова, Гончарова, Гоголя, Достоевского, Жуковского, Кольцова, Крылова... Самое же грандиозное книжное предприятие тех незабываемых лет — издательство «Всемирная литература». Вся его судьба и прежде всего работа Максима Горького, — и теперь, спустя десятилетия, — представляются гражданственным и интеллектуальным подвигом. Не хватало самого насущного. Группа писателей и деятелей культуры предприняла попытку издать для народа наиболее выдающиеся произведения мировой художественной литературы — с античности до наших дней. Максим Горький с воодушевлением писал, что все книги «Всемирной литературы» составят „обширную историко-литературную хрестоматию“, которая даст читателю возможность подробно ознакомиться с возникновением, творчеством и падением литературных школ, с развитием техники стиха и прозы, со взаимным влиянием литератур различных наций и вообще всем ходом литературной эволюции в ее исторической последовательности».

Нельзя в наши дни без волнения брать в руки тома «Всемирной литературы» — «Сатирикон» Петрония или древнегреческий роман «Левкиппа и Клитофон». В свет появилось сто двадцать книг! Один критик назвал «Всемирную литературу» не издательством, а «великим мечтанием о победе книги над хаосом». Мы не можем без благодарности думать о подвиге переводчиков — поэтов и прозаиков, ученых, полиграфистов: полуголодные, они работали в помещениях, где замерзала вода, и создавали книги, которые послужили фундаментом культуры нового общества. В каталоге «Всемирной литературы», вышедшем в свет в девятнадцатом году одновременно на нескольких языках, Максим Горький писал: «Литература — сердце мира, окрыленное всеми радостями и всем

горем его, мечтами и надеждами людей, отчаянием и гневом их, умилением человека перед красотой природы, страхом перед ее тайнами; это сердце неутомимо и бессмертно бьется жаждой самопознания: как будто в нем все вещества и силы природы, создавшие в лице человека высшее выражение своей сложности и разумности, стремятся уяснить сущность и цель своего бытия. Литературу можно также назвать всевидящим оком мира, оком, взор которого проникает в глубочайшие тайники жизни человеческого духа; книга — простая вещь, так привычная нам — есть, в сущности своей, одно из величайших и таинственных чудес земли: кто-то неведомый нам, иногда говорящий языком непонятным, отдаленный от нас на тысячи верст, начертал на бумаге различные соединения трех десятков знаков, именуемых буквами, литерами, и, глядя на них, мы, чуждые и далекие создателю книги, таинственно постигаем смысл всех слов, идей, чувств, образов, любуемся описаниями картин природы, восхищаемся красивой мерностью речи, музыкой слова...»

Перенесемся в наши дни, когда издательство «Художественная литература» завершает выпуск двухсот томов «Библиотеки всемирной литературы», куда вошли лучшие книги, созданные от былинных времен до наших дней, от «Илиады» до Твардовского. Не случайно, «Библиотека всемирной литературы» получила всесветное признание как одно из наиболее колоссальных книжных предприятий двадцатого столетия.

Поразительна судьба книг Шолохова, его знаменитых романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина», представляющих шаг вперед в художественном развитии всего человечества. Недаром донскую станицу Вешенскую называют литературной столицей мира. Есть крылатая фраза о том, что великие реки породнились с писательскими именами, поэтому и говорят люди, что Нева — это Пушкин, Днепр — Шевченко, Волга — Максим Горький, а Тихий Дон — Шолохов. Открываешь шолоховскую книгу и сразу попадаешь в мир крупных исторических деяний и больших человеческих страстей; живой мир, который бесконечно дорог и близок миллионам людей. В шолоховских книгах ощущается горько-солёный запах степи, раскинувшейся под низким донским небом, ковыльный простор с курганами, в мудром молчании берегущими казачью славу...

...Всякий раз, когда я вхожу в библиотеку, мною овладевает особое настроение. Торжественные ряды изданий многое говорят сердцу и уму. «Певцы красноречивы, прозаики шутивы в порядке стали тут», — восторженно писал Пушкин-лицейст, любясь книжными полками. Даже вид многоцветных корешков, кожаных переплетов, отливающих золотым тиснением, титульных листов, набранных старинными шрифтами, создает ощущение гостеприимного радушия. Фамилии же авторов заставляют мысленно преодолевать пространства и столетия. Читая книгу, изучая

ее, постигая написанное, вызываешь к жизни не только образ Автора, но и всех тех, чьи мысли он выражал. Я протягиваю руку, перелистываю страницы — их шелест сладостен, — и слышу: «В пещерах потайных, от всех людей далеких, о мире позабыв, я складывал стихи, и Эхо мне в ответ звучало...» Со мною, переведенный с французского, говорит Ронсар.

Бальзак считал, что книгопечатание приблизило будущее, ибо с появлением литер все выросло — кругозор, зрение, слово и человек. Но можно сказать и о том, что книгопечатание сегодня, как и вчера, позволяет нам встречаться с теми, кто жил до нас, т. е. путешествовать с увлекательнейшими собеседниками по близким и невероятно удаленным эпохам. Книги — путеводные огни памяти человечества. Николай Федоров, мыслитель-утопист, бывший, кстати говоря, библиотекарем Румянцевского музея, мечтал, что на зданиях будущего будет изображаться открытая книга, залитая лучезарным сиянием, ибо она, книга, содержит всю думу человеческого рода.

«Галактика Гутенберга» в современном мире теперь равнозначна «расширяющейся Вселенной». Мне как-то пришлось любоваться книгами, выпущенными в течение одного дня в нашей стране. Перед глазами находилась библиотека, освоить которую было совсем нелегко. Читатель в самом деле находится перед Гималаями книг. Когда мы говорим о «книжном голоде», то все-таки не надо забывать, что понятие это сугубо условно. Мы — великая книжная держава мира. Никогда еще столько слов не предавалось печати. Никогда еще на прилавки не выбрасывались такие огромные кипы типографской продукции. Никогда столь многочисленные армии — авторов и издателей — не трудились во имя читателя.

Говорят, что стиль — это человек. Но с еще большим основанием можно сказать, что вкус — это человек. Познакомившись с кругом чтения даже совсем незнакомого нам человека, мы можем почти все рассказать о нем. Вкус не сваливается с неба, как библейская манна. Вкус надо воспитывать, образовывать, самообразовывать. И здесь во всем объеме встает проблема выбора книги.

Мрачные пророчества о конце «галактики Гутенберга» представляются мне иллюзорными. Кто-кто, а книжники прекрасно знают, что апокалипсические предугадания, возвещавшие о последних днях, не являются невидалью.

История Книги — история многократного возрождения человека и человечества, личности и всей культуры. Человек с книгой — всегда на голову выше того, кто пренебрегает духовной памятью былого.

КНИГА ОСТАНЕТСЯ КНИГОЙ...

Книга для меня — самое главное в жизни. Я не преувеличиваю. И если говорить о современном мире, то мне очень хотелось бы пометать, мне хотелось бы, чтобы во всем мире книга была таким же достоянием каждого человека, как у нас в стране. Но увы, мир наш огромен и сложен, и, с одной стороны, не все имеют возможность читать хотя бы в силу элементарной неграмотности, а с другой, — книги на Западе очень дороги. Кроме всего прочего, в США, да и в других капиталистических странах, люди почему-то мало читают. По крайней мере, гораздо меньше, чем мы.

В «Книжном обозрении» была моя беседа с директором Ленинской библиотеки Н. М. Сикорским, где я уже высказался по поводу личных собраний книг.

Собирательством книг я никогда специально не занимался. Если у меня нет какой-либо книги, я беру ее в библиотеке, а не бегу в магазин. Что же касается распределения книг из издательств в публичные библиотеки и книжные магазины, то мне кажется естественным, что предпочтение отдается библиотекам, хотя едва ли в ущерб личным собраниям следует решать острую проблему нехватки книг в стране.

И еще о собирательстве. Приведу два примера.

У меня сейчас дома собралась довольно большая библиотека книг с автографами. Так сложилось, хотя специально я такую библиотеку не собирал. Конечно, приятно...

Но более приятно сознавать, что вот уже не первый год, мы, «дружбинцы», создаем уникальную коллекцию книг с автографами на строительстве Нурекской ГЭС. Сейчас в этой коллекции более семи с половиной тысяч томов — книги известных советских писателей, ученых, художников, актеров, военачальников, зарубежных литераторов, деятелей международного коммунистического и рабочего движения, друзей Советского Союза.

Отвечая на следующий вопрос анкеты, мне опять придется сослаться на свое недавнее выступление в печати. В беседе с корреспондентом

«Литературной газеты» я рассказал о первых своих встречах (если так можно выразиться: я был тогда членом литературной студии Московского городского дома пионеров) с живыми писателями. Это были одновременно и встречи с книгами, потому что Аркадий Гайдар, например, в студии читал нам свою «Голубую чашку», Рувим Фраерман знакомил нас с первыми главами «Дикой собаки Динго». Читали нам свои произведения Лев Кассиль, Сергей Михалков, Агния Барто. Конечно, эти встречи запомнились на всю жизнь, но не только потому, что мы виделись и разговаривали с живыми писателями, эти встречи (осознание подобных фактов приходит позднее, с годами) воспитывали в нас читательский вкус, любовь к слову, книге...

Но если попытаться выделить *наиболее памятную* встречу с книгой, то надо признаться, что это была книга не современного писателя и даже не всемирно признанного классика; как это ни странно, необычайно сильное, неизгладимое впечатление на меня произвела книга стихов малоизвестного поэта пушкинской поры Веневитинова. Я не расставался с этой книгой, казалось бы, далекой от нашего времени, нашей эпохи, с ее пристрастиями и кумирами. В душе моей, конечно, жили и стихи наших современных поэтов. Но вышло так, что стихи именно этого поэта помогали мне на фронте. Его трагическая судьба потрясла меня в детстве. Кроме того, Веневитинов был моим ровесником, а точнее, был чуть старше меня, когда я ушел на фронт... Случайной ли была эта встреча (со стихами Веневитинова я познакомился еще до войны и еще тогда полюбил его чистый и проникновенный голос) или не случайной, трудно сказать. Но так было...

Книга останется книгой и через несколько веков. Ее ничем не заменить. Я люблю посмотреть телевизор, послушать радио, сходить в кинотеатр, где сейчас, кстати, идет немало фильмов, поставленных по какому-либо литературному произведению. Сейчас стало модой — экранизировать прозу. Я не сторонник экранизации. Почему? Да прежде всего потому, что книга рассчитана на индивидуальное восприятие. Мне хочется остаться наедине с книгой, вчитаться в нее, вдуматься. А кино нередко препятствует сосредоточенному «общению» с книгой, заслоняет ее произвольными толкованиями смысла.

Впрочем, книга и без наших слов уже завоевала будущее...

Москва

Татьяна Маврина
Лауреат Государственной премии СССР
и Международной премии имени Х.-К. Андерсена

О СКАЗКАХ

Из приветствия на международном конгрессе
по детской и юношеской литературе в Афинах
1 ноября 1976 г.

Для меня работа над детскими книжками, пожалуй, скорее удовольствие, чем тяжелый труд. Это скорее отдых — уходить мыслями и чувствами в детские годы, свои и не свои. Даже кропотливая работа над макетом книги: высчитывание строчек, букв, страниц — тоже занятие скорее приятное. Я всегда это делаю сама, часто даже пишу тексты от руки, чтобы не получилось «нескладицы» с вставлением типографского набора в рисунок.

Я люблю сказки за то, что они далеко уводят в места столь прекрасные. Лучше скажу словами начала русских народных заговоров: «...из двери в дверь, из ворот в ворота, через дымное окно, через подпольное бревно, через дыру огородную — выйти в чистое поле», т. е. в мир фантазии!

В заговоре перечислены все возможные выходы из избы — из обычной жизни. Так и мы, художники, идем к сказкам, к своему чистому полю, через все возможные выходы: через облака на небе, лес в инее, синее море, всякие путешествия, изучение старинного быта, народной речи, разглядывание кругом всего в музеях и в жизни, через чтение хороших книг.

Вечная проблема, как обрабатывать сказки для детей? Мне кажется, надо по возможности сохранять весь сказочный декор: особые, сейчас не употребляемые народные слова, обороты народной речи, присказки, концовки, полустихотворные фразы народного типа — то, что делал великий Пушкин.

Всякому городу нрав и права,
Всякому сердцу своя есть любовь.

К этим строкам нашего народного философа Г. С. Сквороды мне хочется еще прибавить: у всякого народа есть свои излюбленные сказки. Такую цитату я привела неспроста. Моя родина — Нижний Новгород — город музеев. Он оставил мне на всю жизнь любовь к истории и народному искусству.

С 1921 г. Москва стала моей второй родиной, со всей красотой ее окрестностей; ей посвящены многие серии моих работ акварелью, гуашью, темперой.

В 1970 г. я подготовила из материалов своего путешествия на родину в г. Горький книгу «Городецкая живопись» в память о заволжских мужиках-художниках, любимых еще в те годы, когда мы играли в лошадок, семеновских и городецких.

Книгу «Загорск» я сделала, конечно, и вспоминая детство, и завороженная московской узорной красотой.

Мои последние книги: «Как у бабушки козел» и «Плетень» — обе 1976 г., — я делала с особым удовольствием. Там действующие лица — животные. Приглашать животных участвовать в человеческих переживаниях — это, наверное, и есть та нужная в воспитании детей сказка, которую, если поглядеть повнимательней, найдешь во всякой стране и старине любой давности. Даже в священных книгах на полях звери, в буквах — тоже, в заставках и орнаментах — тоже. «Звериной» эмблемой сказок мне хочется считать знаменитых зайчиков из нашей старинной рукописи, так выразительны их говорящие фигурки: «Давай убежим», или «Давай тут поселимся», или что-нибудь другое они говорят о своей заячьей жизни. Мою статью в журнале «Семья и школа» (1972, № 4) я так и озаглавила: «О чем говорят зайчики?»

В книжке «Как у бабушки козел» мы с автором, обрабатывающим фольклорный текст этой сказки, выбрали из всех вариантов счастливый конец, очень редко встречающийся, впервые нами напечатанный в детской книжке: «Поскакал козел домой». Обычный конец сказки: «Куда ножки, куда рожки, куда весь козеленок», т. е. волки растерзали хвостливого козлика. Помня свои детские слезы, я возвращаю козла бабушке-Варварушке с особым удовольствием.

Вторая книжка «Плетень» — из народной потешки. Текста для книжки оказалось маловато и я добавила еще три персонажа: синицу, сороку, воробушка. И конец сказки увела в бесконечность, в так любимый детьми повтор:

Воробушек хвалился, да спать завалился.
Когда он проснется, сказка снова начнется...

Опять плетень, опять ежи, медведь, лиса.

По долгому своему опыту работы над сказками я пришла к выводу, что лучше всего язык народа сохранился в заговорах. Потому что в них не полагалось менять слова, иначе они потеряют свою магическую силу. Сказка же переходила из уст в уста, изменяясь, дополняясь, согласно времени. А. С. Пушкин — в самом своем волшебном стихотворении применил метод заговоров, метод повторов: «Там чудеса, там ле-

ший бродит...» Все повторяющиеся «там» легче всего переносят читателя в сказочный мир.

И опять из заговора: «Ложусь спать на горах, кладу шесть дум в головы, одна разговаривает, другая спрашивает, третья звенит, четвертая шумит, пятая смеется, шестая плачет» — все вместе — целый мир, мир, нужный каждому человеку.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТАРЫМ РУКОПИСЯМ

Теперь постараюсь ответить на вопросы прямо.

О всех людях сказать трудно, какую роль играет книга в их жизни, скажу лишь про художников-графиков. Все любят и собирают книги. Сейчас никто не решится сказать так, как сказал в свое время знаменитый художник Айвазовский: «Зачем мне читать, я и так сам все знаю» (цитирую по памяти из письма А. Чехова к брату, посетившему Айвазовского в Феодосии). Сейчас читают все. Таково наше время.

Я с детства была окружена книгами, в шкафах и на полках. Те, что лежали на полках, были очень пыльные. И было их великое множество. Даже чердак был завален. Там копаться — все равно, что в земле искать старинные клады.

Книги заполняют жилое пространство, от них нет спасения, но без них не проживешь.

Из далекого прошлого вспоминать и нет времени, да и охоты пока еще нет.

Какие же книги поразили в сердце за последние годы?

В 1958 г., в поисках сказочных чудес, я попала в хранилище рукописей Ленинской библиотеки, тогда еще в старый Пашковский дом.

В архитектурных масштабах этого дома можно потеряться, очень много там торжественных лестниц и колонн.

Из переполненного читального зала — дверь в «Отдел рукописей». Железная, тяжелая, высоченная, похожа на вход в «пещеру сокровищ».

А около сокровищ испокон веков драконы-охранители. В наши дни они помолодели, подобрели. Встретили меня, хоть и сурово, но благосклонно, и показали все книжные драгоценности.

Держать в руках даже простую вещь, которой 500 лет, и то удивительно и сверхъестественно, тем более хрупкую книгу. И не только держать в руках, а еще ставить на пюпитр, прижимать колышками, перелистывать, еле касаясь пальцами страницы (в верхнем углу) старого пергамента, и разглядывать ритмично написанные листы с узорными буквами и миниатюрами.

Началось мое путешествие по лицевым рукописям.

Хороши особенно были два Евангелия: «Хитрово», дар боярина

Хитрово — Троицко-Сергиевой Лавре, как написано в дарственной, «ради древнего письма».

Боярин, наверное, не хотел держать у себя такую драгоценную рукопись и отдал ее в монастырь, чтобы за надежными стенами она сохранилась в веках. Она там и сохранилась в своем дорогом переплете, уже XVII в. из рыжего бархата — красного с желтыми цветами, писанная на пергаменте с миниатюрами и украшениями.

Согласно традиции, цветные фронтисписы-евангелисты закрыты занавесочками из тафты — «завесы». Получался как бы маленький книжный театр.

В этой рукописи — и знаменитый, хорошо известный по репродукциям ангел рублевского письма. Вот я его вижу живого, натурального. Он мастерски вписан в золотой круг. Но я была несколько разочарована глухими и тусклыми красками, мне показалась эта миниатюра, тонкого и очень искусного письма, по сравнению с иконами Рублева, не очень интересной. И одно крыло нарисовано как-то неубедительно.

Заставки же и особенно раззолоченные заглавные буквы, вроде ювелирных изделий, вклепанных в листы пергаменты, хорошо живут на страницах рукописного текста, везде разные, очень смелые, иногда объемные. Особенно поражают буквы с «голубыми дракончиками».

Весь этот декор повторяется с еще большей смелостью, с более густым интенсивным цветом в тех же «голубых дракончиках», с тем же выпуклым неразгаданным золотом в стеблях букв в другой рукописи того же времени — Евангелии Кошки (по имени боярина Кошки).

Два славных имени Феофана Грека и Андрея Рублева связывают с этими великолепными книгами. Я, конечно, чувствовала себя именинницей, держа их в руках...

На этом я закончу свои воспоминания о старинных рукописях. «Путешествие» было очень длинным, я не ушла из библиотеки, пока не пересмотрела все лицевые рукописи по каталогу, но об этом я напишу в другой раз, вернее, продолжу свою старую рукопись тех лет.

А на последний вопрос не знаю, что и ответить. Я старовер в этой области, я даже новую верстку с трудом перевариваю...

Москва

А ВОЗМОЖНО ЛИ БЕЗ КНИГ САМО БУДУЩЕЕ?

На все вопросы анкеты, по-моему, и лучше, и полнее ответили бы сами библиофилы. По крайней мере, в своих ответах я буду вольно или невольно ссылаться на их суждения, ибо как редактору газеты мне приходится просматривать и читать ежедневно десятки, а то и сотни читательских писем. Конечно же, в большинстве из них речь идет о значении и роли книги в нашей жизни. О том, что книги у нас издаются огромными тиражами, но приобрести их порой труднее, чем автомобиль. И это не только дань моде. Это, прежде всего, свидетельство духовного роста людей, их приобщения к непреходящим, вечным ценностям.

Еще не так давно не только за рубежом, но и у нас велись оживленные дискуссии на тему: что вечно — книга или другие средства массовой информации и пропаганды? Жизнь показала, что это надуманные споры. Теперь всем ясно, что никакой угрозы книге со стороны радио или телевидения не было и не может быть. Чем активнее телевидение и кино вторгаются в книгу, тем в большей степени повышается интерес к самим произведениям. Книгу не оставляют, говоря: мы, дескать, об этом уже кино смотрели, — а вновь и вновь обращаются к ней. Три варианта романа «Как закалялась сталь» мы видели на наших экранах, а интерес от этого к книге только повысился, хотя она была популярна и без кино и телевидения. Ту же закономерность — повышение интереса к произведению — можно увидеть и на примере экранизаций романов и повестей Чингиза Айтматова, Петра Проскурина, Анатолия Иванова, Юлиана Семенова и других.

Ничто не мешает книге. Любознательность человека настолько велика, что ни одно средство не в силах утолить его жажду больше знать о мире.

Еще раз подчеркиваю, что все это я говорю, исходя не только из своего личного опыта. Многие идеи, мысли, сведения подсказаны мне обширной почтой, которая питает нашу газету. Именно письма позволяют мне говорить о книжных проблемах с точки зрения самих читателей.

Кроме обычных писем-рецензий на книги писателей, мы получаем огромное число своеобразных писем-исповедей. Часто в таких исповедях люди пишут и о том, как трудно стало «охотиться» за книгой, а особенно — подписаться на собрание сочинений. Работникам книжной торговли приходится сдерживать натиск тысяч и тысяч желающих — истинных книголюбов и тех, кто, следуя моде, также решил украсить книжные стенки. Каждый магазин, как сообщают читатели, находит свои способы защиты от настойчивых подписчиков. Делаются попытки скрыть дни и часы проведения подписки, не дается полная и четкая информация об авторах, сочинения которых будут выходить в ближайшее время. Естественно, что у людей возникает недоверие к любой поступающей информации. Что из этого получается — все хорошо знают. Выстраиваются очереди, в которых люди «стоят» неделями, месяцами, годами. И все же подписаться на книгу не удается.

Не так давно я видел очередь на Кузнецком мосту, которая тянулась до Петровки. Огромнейшая очередь, а книги достанутся только 150—200 счастливицам. Кому? Тем, кто более ловок, кто лучше работает локтями. Словом, подписка на книгу весьма напоминает живую лотерею.

На самом деле, а почему бы лотерею, которая ныне стала весьма эффективной, не использовать при проведении подписки на собрания сочинений? Зачем заставлять книголюбов устраивать «схватки» у магазинов и прилавков?

Допустим, готовится подписка на десяти томник Пушкина. Люди заранее приходят в магазины и записываются в книгах очереди. Всего в каком-то магазине, к примеру, записалось пять или десять тысяч человек. Затем под присмотром специального жюри разыгрываются номера, как, скажем, в спортлото. Никаких махинаций, никакой неразберихи и толкотни! Номера победителей вывешиваются в зале магазина и читатель спокойно оформляет подписку.

Это не моя идея. Такое решение подсказывают читатели в своих письмах. Идея обсуждалась в Главкниге. К сожалению, отнеслись к ней скептически. Понятно, что и она имеет свои недостатки. И все же предложение это хоть как-то решает проблему подписки.

Что касается личных собраний и собирательства книг, то, на мой взгляд, собирать все книги подряд более вредно, чем полезно. Во-первых, тратятся деньги — и немалые, — во-вторых, расходуется время, и в-третьих, книги занимают много места в квартире, библиотекой такой пользоваться трудно. А самое главное многие книги «не работают», в лучшем случае они прочитываются один раз, а потом стоят без дела.

Лучше всего собирать библиотеки, целиком сориентированные на профессиональные интересы владельца. Но кроме непосредственного

дела, у человека ведь есть еще и мир особый, мир увлечений, и он был бы беден без книг. Этот уголок должен быть совершенно безупречен.

Я знаю, что у библиофила П. С. Краснова собрана прекрасная библиотека произведений Грибоедова. У другого страстного библиофила — Н. И. Суroveжина — есть в библиотеке все, что связано с жизнью и творчеством Ершова. В своем роде и в своей области они — великолепные знатоки и аккуратные люди.

Ленинградский коллекционер Н. С. Тагрин собрал 200—300 тысяч открыток о своем родном городе. Когда архитектору или режиссеру нужно восстановить какую-нибудь деталь быта, подробность, он, не долго думая, обращается к Тагрину, ибо уверен, что тот ему поможет лучше любого специалиста.

Это высший принцип собирательства, когда человек избирает что-то одно и тщательно, до мелочей, его прорабатывает.

Я жил в Сибири, было мне тогда года четыре, читать я еще не умел. Но впечатление, которое на меня произвело чтение «Песни про купца Калашникова» (читал ее вслух брат матери, он был студентом), потрясло меня. Конечно, я не понимал тогда всего содержания, но я ощутил в полной мере волшебную силу слова. И это впечатление не могла заглушить, перекрыть ни одна книга впоследствии.

Говоря о книге и будущем, нельзя не вспомнить о прошлом, о том, что наша страна и до 1917 года была одной из самых читающих в мире. И книг в ней выходило больше, чем в других странах. Дело только в том, что сейчас число читателей неизмеримо выросло. Но книгу у нас издавна любили и относились к ней с почтением и уважением.

Когда я был в командировке в Норвегии, мне приходилось бывать на частных квартирах, и если у владельца двадцать — тридцать книг, считалось, что это уже библиотека. Если же в доме было до ста книг — это, по их меркам, уже прекрасная библиотека. А у нас, пожалуй, у каждого в доме наберется до ста книг, и никому и в голову не придет гордиться такой библиотекой!

На последний пункт анкеты мне хотелось бы ответить так: было бы само будущее, а книга будет человеку помогать преодолевать любые трудности. А если учесть, что о будущем заботится весь наш строй, партия и правительство, за судьбу книги можно не беспокоиться. Чем совершеннее будет наша жизнь, тем выше будет и роль самой книги в жизни каждого. А возможно ли теперь без книг само будущее?..

ВОСПОМИНАНИЯ О КНИГАХ

Не помню где, в какой книге и у какого автора вычитал я такое изречение: «Привычка к чтению это ненаказуемый порок».

Порок это или добродетель — решить не берусь, но я смолоду был запойный читатель и страстный охотник до книг. Читать я научился пяти лет, а покупать книги начал с семи.

Помню пестрый, увешанный сытинскими лубками ларек на бульваре, где торговали книжками «для простого народа». Листовки в 16 страниц стоили две копейки, а книги потолще, в цветных обложках, — пятак.

Были книжки «божественные»: о святых мучениках и подвижниках — «Житие Евстафия Плакиды», «Путешествие Трифона Коробейникова по святым местам», были и светские — «Анекдоты о шуте Балакиреве», «Предание о том, как солдат спас Петра Великого от смерти», «Два колдуна и ведьма за Днепром», «Гуак или непреоборимая верность». Были песенники, в которых наряду с модными песнями — «Очаровательные глазки», «Чудный месяц плывет над рекой», «Сухой бы я корочкой питалась» — можно было встретить и Пушкина — «Под вечер, осенью ненастной», Лермонтова — «Выхожу один я на дорогу», Некрасова — «Белый день занялся над столицей».

Кроме книжного ларька на базаре была в городе книжная лавка уездного земства. Тут продавали книжки издательств «Посредник», «Донская речь», «Вятского губернского земства». За две копейки можно было купить нравоучительные рассказы Льва Толстого — «Где любовь — там и бог», «Бог правду видит, да не скоро скажет» и другие. «Донская речь» выпускала дешевые книжки рассказов Короленко и Горького, Вятское земство печатало отдельными выпусками рассказы Тургенева из «Записок охотника».

Я не знал тогда, что вот я и вступил в область великой русской литературы.

Пушкин, Гоголь, Лермонтов... Не помню, когда я впервые услышал их имена, как будто они были всегда, как небо над головой. А зритель-

но: это одностомники с картинками и в нарядных переплетах, которыми награждали в школах за хорошие успехи.

Переход от копеечного бюджета к рублевому произошел в 1904 г., когда у меня завелись собственные деньги, заработанные перепиской (пишущих машинок в ту пору у нас в городе не было).

Я подписался на «Журнал для всех». Этот ежемесячник был очень популярен в провинции из-за его дешевизны: всего один рубль в год. Мне повезло: как раз в этом году он сменил свою скромную наборную обложку и стал выходить в новом оформлении художников Билибина, Лансере, Чемберса и в каждом номере теперь печатались статьи по искусству Сергея Маковского. С иллюстрациями: о парижских салонах, о петербургских выставках, о Штуке, Клингере, Родене, Менье, о Рерихе, Рябушкине, о художниках русской сказки — Поленовой, Малютине, Билибине.

В «Журнале для всех» я прочитал впервые стихи Брюсова, Балльмонта, Блока, Бунина. В 1905 г. в этом же журнале были напечатаны воспоминания об А. П. Чехове его брата Михаила. В них цитировалось большое письмо Антона Павловича к брату Николаю «о личной порядочности». В восьми пунктах этого письма излагались правила самовоспитания: «Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только „Пиквикка“ и вызубрить монолог из „Фауста“... Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...» Эти восемь заповедей я списал себе в тетрадку и запомнил...

Годы 1905 и 1906 памяты появлением небывалого числа сатирических журналов: «Зритель», «Пулемет», «Стрелы», «Сигнал», «Жупел», «Красный смех», «Адская почта», «Скоморох», «Леший» — и сколько еще! В столицах их конфисковывала полиция, но отдельные номера попадали в нашу провинциальную глушь, переходили из рук в руки и жадно прочитывались. Их агитационное действие на умы читателей было огромным.

В те же годы вышли в свет книги Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» и Кропоткина «Записки революционера», в журнале «Стрекоза» были опубликованы «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» и «Сон Попсва» Алексея Толстого.

У меня сохранились от тех времен несколько номеров «Пулемета» и «Зрителя» и единственный номер «Жупела» со знаменитым билибинским «Ослом», в котором читатели узнавали Николая II.

Кажется, в те же годы мне удалось всякими правдами и неправдами получить дозволение брать книги из библиотеки уездного клуба. Там были все русские классики в изданиях Маркса в приложениях к журналу «Нива»: Гоголь, Тургенев, Достоевский, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Чехов — и западные авторы в издании Пантелеева: Гофман,

Эдгар По, Марк Твен, Брет Гарт, Теккерей, Доде. Большое впечатление произвели на меня романы Виктора Гюго. Я был в восторге, читая «Человека, который смеется», «Собор Парижской богородицы», «Труженники моря», «Отверженные». В библиотеке клуба я обнаружил и «декадентские», как тогда называли, стихи Бальмонта: «Будем как солнце...» и «Горящие здания» в издании «Скорпиона». Я ими увлекался, а мой ментор и оракул — страховой агент Федор Васильевич Алексеев — этих увлечений не одобрял: «Эка тебя, Николай, куда заносит!»

Двадцать лет моей жизни прошло при Толстом.

В начальной школе я учился по его учебникам и очень огорчался, не находя в них картинок, которые были в «Родном слове» Ушинского. Потом читал его книжки, изданные «Посредником». В 1899 г. в журнале «Нива» начал печататься его роман «Воскресение» с прекрасными, во всю страницу, иллюстрациями Л. Пастернака. Мне было девять лет и вряд ли я мог тогда вникнуть в моральные проблемы романа, но вот своеобразие толстовской мысли и толстовской прозы я чувствовал: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дышали каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, — весна была весною даже и в городе».

Так как никто не руководил моим чтением, то никто, слова богу, не сказал: «Тебе еще рано», и благодаря этому я и теперь, перечитывая роман (в «Ниве» его сильно обципала цензура), всякий раз с радостным волнением вспоминаю те первые впечатления: толстый том «Нивы» и рисунки Пастернака, уже неотделимые от «Воскресения»: «Лихач Нехлюдова», «Закуска у Корчагиных», «У пасхальной заутрени», «Нехлюдов у окна девичьей»...

Позднее, в реальном училище, я прочитал «Войну и мир» и «Анну Каренину», и мир толстовских образов остался в памяти так крепко, как личное знакомство с живыми людьми.

В 1908 г. Толстому исполнилось восемьдесят лет. Я помню юбилейную статью Блока «Солнце над Россией». Она празднично верно выражала общие чувства: «Часто приходит в голову: всё ничего, все еще просто и не страшно сравнительно, пока жив Лев Николаевич Толстой...»

А после его смерти, как посмертный дар русскому народу, вышел целый том его неизданных произведений, и каких! — «Хаджи-Мурат», «Живой труп», «Отец Сергей», «Фальшивый купон», «Посмертные записки старца Федора Кузмича», «Дьявол» и другие. По его завещанию — наследники отказались от авторских прав на эти произведения, и они печатались во множестве дешевых изданий.

Помнится мне, как появилось на свет новое чудо: *carte postale* — художественная открытка, черная и цветная, с репродукциями картин Третьяковки, Русского музея, Дрезденской галереи. До сих пор у меня целы купленные в детстве открытки с офортами Рембрандта, с рисунками Гольбейна, а также открытки Красного Креста с картинами Бенуа, Сомова, Билибина. Сколько радостей дали они мне!

В те годы у меня стал заметен особый интерес к изобразительному искусству. На моих книжных полках стояли «История живописи» Р. Мутера, «История русской живописи» А. Бенуа, «Страницы художественной критики» С. Маковского, монографии художников из серии Кнакфуса — Дюрер, Боттичелли, Ходовецкий, Мендель, Бердслей (изд. «Шиповник»), Ропс (изд. Бутковской).

Мне было пятнадцать лет, когда я с наивной самонадеянностью провинциала послал свои «виньетки» в редакцию журнала «Золотое руно». В ответном письме сообщалось, что виньетки понравились одному из членов редакции — С. Соколову, хозяину издательства «Гриф» — и он берет их для своих изданий, а вместо гонорара посылает мне первый номер журнала «Золотое руно». Этот номер, изданный с неслыханной роскошью и в невиданном формате, был посвящен творчеству Врубеля, в те годы почти неизвестному. Я видел его впервые и влюбился с первого взгляда.

Это был мой первый гонорар и первые шаги в качестве художника книги.

Москва

Христо Радевский

СОВЕТСКАЯ КНИГА

Ты — это не чтиво
богатым в угоду,
не ревность и вопль,
не отчаянный крик,
Ты — зов на борьбу,
и ты знамя похода,
Ты —
воля и разум.
Ты — молот и штык!

Перевод с болгарского А. Гатова

Книга и Жизнь

А. Глухов

«ОТ ВСЕЙ ДУШИ РЕКОМЕНДУЮ...»

...Работа И. И. Степанова представляет сжатый трактат всей проблемы электрификации в ее полный рост...

Г. М. Кржижановский

Эта удивительная книга вышла в свет с двумя напутствиями. Одно из них — В. И. Ленина, и начинается оно словами, вынесенными в заголовок этого очерка. Автор другого — Г. М. Кржижановский. Что же это за книга — когда, кем и для кого была написана? Как издавалась? Какова ее судьба?

Написана она была на заре Советской власти и называлась так: «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». Год издания — 1922. Автор ее — крупнейший партийный деятель, публицист и популяризатор Иван Иванович Скворцов-Степанов, член партии с 1896 г. За его плечами — нелегкий путь профессионального революционера: тюрьмы, ссылки, постоянные преследования. После Октября — он член Военно-революционного комитета в Москве, первый нарком финансов Советской Республики, вместе с тем это известный историк, экономист, пропагандист и популяризатор марксизма-ленинизма; он — переводчик и редактор трех томов «Капитала» К. Маркса.

В. И. Ленин лично поручил И. И. Степанову написать популярную книгу о плане ГОЭЛРО, об электрификации страны. У нас есть возможность проследить и за рождением этой книги, и расшифровать слова «лично поручил». Первая зафиксированная дата — 17 июля 1921 г. Владимир Ильич запрашивает телефонограммой из Горок И. И. Скворцова-Степанова, как «двигается работа» над книгой, когда она будет закончена? Нетрудно предположить, что разговор о книге был ранее этой даты, что Скворцов-Степанов обещал написать, но столько дел... И вот первый запрос, первое напоминание. У Владимира Ильича много разных дел: военных, организационных, сугубо партийных, однако о поручении он не забыл — «как движется работа»? Скворцов-Сте-

панов ответил, что он перегружен работой в Госиздате, что ему нужен двух-трехмесячный отпуск для такой серьезной литературной работы. Предоставить отпуск не удалось — не было возможности. Но Владимир Ильич о книге не забыл. Следующая дата — 20 сентября 1921 г. Ленин распорядился, чтобы автору будущей книги подобрали всю русскую литературу по электрификации, включая местные издания, вдобавок дали бы новую литературу на немецком языке — о состоянии электрификации в разных странах мира. В книге поручений В. И. Ленина по СНК и СТО — запись: «Исполнено 21 октября». В этот же день Ленин пишет письмо в Оргбюро ЦК партии: «Ввиду просьбы Ив. Ив. Скворцова (Степанова), прошу отменить его командировку и сослать его вместо этой командировки *в один из подмосковных совхозов*, на молоко, чтобы он в 1—1½ месяца, не отвлекаясь другими делами, кончил предпринятую им литературную работу». Окрыленный поддержкой и вниманием, Скворцов-Степанов с увлечением продолжал работу, или, как он сообщал В. И. Ленину, «электрифицировал с остервенением».

Вначале автор намерен был ограничиться кратким изложением вопроса в сравнительно небольшой брошюре. Однако в процессе изучения и обобщения материала стало ясно, что размеры брошюры слишком малы и для раскрытия темы нужна обстоятельная книга — необходимо охватить и сложные вопросы экономики страны, и проблемы новой экономической политики. Талантливый популяризатор все более и более увлекался разработкой темы, предложенной Лениным. В одном из писем он сообщает Владимиру Ильичу, что у него выходит «не брошюра из разряда пресловутой „производственной пропаганды“, а более обстоятельная работа» (письмо от 20 января 1922 г.) И в этом письме он подчеркивал: «Надо увидеть Вас, когда будете в Москве, по обыкновению на пять минут, чтобы подвинтить себя. Вы, как умный эксплуататор, превосходно повышаете работоспособность. Крепко жму Вашу руку. Спасибо Вам за то, что засадили за такую работу».

В начале марта 1922 г. книга «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» была закончена. Ее с полным правом можно назвать первым популярным трудом по энергетике страны, поскольку до революции подобных работ не было. Это была вместе с тем и первая научно-популярная книга для трудящихся страны Советов.

Уже во введении автор четко определил читательский

адрес: сделать вопросы электрификации понятными для самых широких читательских масс, в первую очередь для рабочих.

Центральное место в книге отведено плану ГОЭЛРО. Это была страстная, убедительная пропаганда идеи электрификации страны. Причем технические проблемы автор раскрывал в связи с политической, классовой борьбой. В книге показана органическая связь электрификации с общим ленинским планом строительства в нашей стране. «Перед советским народом, — писал автор, — стоит задача не просто восстановить хозяйство страны, но и перестроить его на новой технической основе. Это невозможно без электрификации. Это невозможно, наконец, без общего плана работы, без примерных расчетов. А план по электрификации России как раз и позволяет представить общий вид возрожденного хозяйства. Отказаться от него — значило бы отдаться во власть случайного, капитулировать перед ним, идти с завязанными глазами...»

В коротком предисловии Скворцов-Степанов прежде всего отметил, что «книга вообще не была бы написана, если бы В. И. Ленин не засадил меня за нее и не достиг долгосрочного освобождения меня от других партийных и советских поручений».

Многими идеями этой книги автор обязан Г. М. Кржижановскому: заваленный делами, он находил время на долгие разговоры со Скворцовым-Степановым, читал его очередные главы, выдвигал новые и новые идеи. Впервые Скворцов-Степанов почувствовал, до какой степени облегчается труд, когда товарищи оказывают помощь, бескорыстно «дают снова и снова обирать себя».

Автор поблагодарил также ближайшего сотрудника Кржижановского — А. В. Виноградова, который просмотрел законченную рукопись, и других товарищей.

Иллюстрации в книге подобраны так, что они дополняют текст, обогащают его, а все в комплексе дают наглядное представление о развитии техники, о применении человеком различных видов энергии — от мускульной до электрической.

В приложении к книге дан список литературы (50 названий) — как для тех читателей, которые хотели бы углубить понимание вопросов, поставленных в книге, так и для тех, кто нуждается в разъяснении сложных вопросов. В приложении помещена карта электрификации России.

Книга закончена и отдана автором на строгий суд Г. М. Кржижановскому. Он пишет к книге обстоятельное предисловие, в котором отметил, что работа эта «является как нельзя более своевременной», что ее автор «вдумчивый экономист и крупный популяризатор» с отменным успехом справился с поставленной задачей... Под предисловием дата — 15 марта 1922 г.

И, наконец, еще одна дата — 19 марта 1922 г. В этот день Владимир Ильич, познакомившись с законченной работой И. И. Скворцова-Степанова, послал ему «привет и поздравление с великолепным успехом». 29 марта Ленин попросил Секретариат ЦК дать автору отдых, в котором он *абсолютно* нуждается».

18 марта Ленин написал предисловие к книге — оно впервые было опубликовано в «Правде» 21 марта 1922 г.

Книгу И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР...» Ленин назвал образцом того, как надо учить трудящихся не «полунауке», а всей науке. Рекомендуя эту книгу вниманию всех коммунистов, Ленин подчеркнул, что «автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов». Далее в предисловии говорилось: «Автор прекрасно сделал, что решил писать книгу не для интеллигентов (как у нас принято писать книги, подражая худшим манерам буржуазных писателей), а для трудящихся, для настоящей массы народа, для рядовых рабочих и крестьян». Ленин особо отметил VI главу, где дано «прекрасное изложение значения новой экономической политики», и указатель литературы, помещенный в приложении.

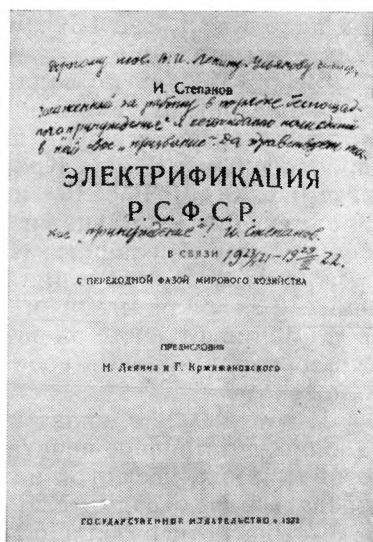
В этом предисловии, очень сжато, кратко, сформулированы мысли о важности популярной литературы, о необходимости культурной революции, об опасности скептицизма, а также даны конкретные указания, в каком направлении нужно развернуть пропаганду научно-технических знаний, подчеркнута роль народного учителя, который должен не только сам овладеть этими знаниями, но и «умел бы пересказывать это просто и понятно ученикам школы и крестьянской молодежи вообще».

Ленин мечтал о том, чтобы «в каждой уездной библиотеке (а затем и в каждой волостной) было по несколько экземпляров этого „пособия“; — чтобы при каждой электрической станции в России (а их свыше 800) не только была эта книга, но и читались обязательно общедоступные народные

чтения об электричестве и об электрификации РСФСР и о технике вообще...»

В конце марта 1922 г. научно-популярный труд «Электрификация РСФСР...» вышел в свет. Один экземпляр автор подарил Ленину с надписью, в которой в сжатой форме отразилась история создания книги: «Дорогому тов. В. И. Ленину-Ульянову автор, засаженный за работу в порядке беспощадного „принуждения“ и неожиданно нашедший в ней свое „призвание“. Да здравствует такое „принуждение“! И. Степанов. 23. X 1921—29. III. 1922».

Набиралась и печаталась книга, как значится в выходных данных, в Государственной типографии № 20. Такой номер получила после победы Октября типография «Товарищества И. Н. Кушнерева и К^о» — старейшее предприятие Москвы (основано в 1869 г.). К началу первой мировой войны типография, насчитывающая до 800 рабочих, оснащается новейшими печатными машинами. Рабочие «Кушнеревки» имеют славные революционные традиции, они активно участвовали в сентябрьской забастовке и в декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве. Рабочие этого предприятия в тяжелейшие дни октября 1919 г. обратились к В. И. Ленину с просьбой печатать его труды только в их типографии. В письме есть такие строки: «Это ваше согласие удесятит наши силы для дальнейшей работы, и это будет нашей гордостью». В архивах сохранилась и записка В. Д. Бонч-Бруевича в Госиздат В. В. Воровскому, написанная по указанию В. И. Ленина, в которой поддерживается просьба рабочих. В записке говорится, что «так как эта типография с самых первых дней перехода из частных рук в руки заводского комитета рабо-

Обложка первого издания книги
И. И. Скворцова-Степанова
с дарственной надписью
В. И. Ленину

чих находилась при ЦК РКП(б), желательного пойти навстречу в этом вопросе...»

Зимой 1920 г. по заданию В. И. Ленина за считанные дни — надо было успеть к началу работы сессии ВЦИК — рабочие этой типографии выпустили тиражом 1000 экземпляров брошюры Г. М. Кржижановского «Основные задачи электрификации России» и цветную карту к ней. Наборщики замерзшими пальцами набирали текст брошюры, эпиграф к которой гласил: «Век пара — век буржуазии, век электричества — век социализма». Брошюра вышла своевременно. 2 февраля 1920 г. на первой сессии ВЦИК VII созыва В. И. Ленин отметил энергию рабочих типографии бывшей Кушнерева, в краткий срок издавших брошюру Г. М. Кржижановского.

И вот, в 1922 г. снова книга об электрификации страны. Рабочие типографии печатали книгу «с изумительной быстротой», чтобы, несмотря на позднее окончание рукописи, не опоздать к XI съезду РКП. Изготовлена была книга не только быстро, но и с большой тщательностью. Скворцов-Степанов в предисловии подчеркнул, что этим он обязан «типографским рабочим 20-й Государственной типографии вообще и в частности заведующему этой типографией П. М. Бокову...»

Спрос на книгу Скворцова-Степанова был так велик, что уже в том же году потребовалось второе издание, а в 1925 г. вышло третье издание под названием «Электрификация СССР в связи с переходной фазой мирового хозяйства».

* * *

Значение книги не только в том, что по этому «пособию для школ» учились те, кто впоследствии претворял в жизнь ленинские идеи электрификации, кто создавал и осваивал сложнейшую технику. Бесспорно, книга внесла свой вклад в выполнение и перевыполнение плана ГОЭЛРО. Значение книги и в том, что она стала образцом конкретной постановки проблем социалистического строительства, оказала большое воздействие на развитие нашей печати, на развитие научно-популярного жанра.

Для нас же ценность книги И. И. Скворцова-Степанова еще и в том, что она теснейшим образом связана с именем В. И. Ленина, который был вдохновителем автора этой книги.

Москва

ИСТОРИЯ И ЖИЗНЬ СТРАНЫ В ЭКСЛИБРИСАХ

С первых послеоктябрьских дней наше изобразительное искусство служит делу революции, делу народа. Это в полной мере относится и к разнообразным видам графики — от политического плаката до произведений малых форм. Все лучшее, истинно талантливое, что создано за шестьдесят советских лет нашими художниками, в том числе в области малой графики, вошло в сокровищницу отечественной культуры.

Как атрибут книжной, а следовательно и общей культуры, как произведение искусства графики экслибрис привлекает к себе с каждым годом все большее внимание. Сохраняя верность своему изначальному назначению — быть охранной грамотой книги, советский художественный экслибрис стал вместе с тем и явлением общественным, он рассматривается сегодня как своеобразная энциклопедия профессий, интересов, увлечений многих тысяч друзей книги. Несомненным подтверждением тому служит интерес к публикациям в массовой печати и к выставкам экслибриса, рост числа собирателей, появление новых клубов экслибрисистов, ныне под эгидой Всесоюзного общества книголюбов. Показательно и обращение к этому роду графики сотен художников-профессионалов и любителей.

С первых шагов советское искусство экслибриса обрело, оставаясь верным лучшим традициям отечественной классики, новое содержание, новую тематику.

В 1925 г. видный мастер графики П. Шиллинговский создает превосходный экслибрис для Библиотеки имени В. И. Ленина в городе на Неве, где он жил и работал. Ильич изображен на гравюре выступающим перед рабочими и крестьянами. Через год Т. Белоцветова на книжном знаке для краснофлотца Г. Ф. Селезнева воссоздает профильный

(силуэтный) портрет Ленина; включенные в сюжет ленинградский мотив и раскрытая книга означают тягу к знанию солдат революции. Ленин за работой над книгой — такую тему экслибриса для библиотеки Ленинградского университета избрал Г. Гидони (1929 г.). В 20—30-е гг. к образу великого вождя обратились, выполняя книжные знаки, художники И. Томковид, С. Телингатер, М. Фрам, Н. Дмитриевский и др.

Ленинская тема — неисчерпаемый источник вдохновения для наших художников. Постоянно пополняется коллекция советского книжного знака работами, посвященными Ильичу. Большое число таких экслибрисов было создано к полувековому юбилею Советской власти и к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Выдающийся украинский мастер, народный художник СССР В. Касиян для Ленинианы в своей личной библиотеке создал ксилографию с портретом Ленина в центре композиции, а эстонский график, народный художник СССР Эвальд Окас выполнил офорт с изображением профиля вождя. Вильнюсский художник И. Климанскас воссоздал образ Ильича на экслибрисе для Института истории партии при ЦК Компартии Литвы.

Один из старейших московских графиков Г. Кравцов создал книжные знаки для библиотеки Шушенской мемориальной зоны, члена Коммунистической партии Л. А. Фотиевой, работавшей с В. И. Лениным в Совнаркоме. Он же выполнил проект экслибриса для Музея В. И. Ленина. Ряд знаков исполнил рижанин А. Юпатов, и среди них два для Музея революции Латвийской ССР.

Три экслибриса на ленинскую тему сделали москвичи Е. Голяховский, А. Калашников и В. Фролов для библиофила В. Н. Алексева, который собрал уникальную коллекцию прижизненных изданий трудов Ильича, литературы о нем.

Здесь названы лишь некоторые ленинские книжные знаки. На выставках, которые организуются ежегодно в разных городах страны, таких знаков — сотни. В 1976 г. одну из крупнейших экспозиций «Образ В. И. Ленина в экслибрисе» подготовила секция любителей книги Одесского Дома ученых, посвятив эту выставку XXV съезду КПСС. На ней было представлено около 300 работ.

На протяжении шести десятилетий Советской власти художники вводят в сюжеты книжных знаков мотивы, связанные со строительством новой жизни. Один из первых та-

Художник
Г. Белоцветова
(Москва)

Художник З. Зузе
(Рига)

ких экслибрисов был адресован библиотеке отделения Госиздата в Петрограде (художник С. Иванов на фоне городских зданий изобразил рабочий митинг, а в центре композиции поместил раскрытую книгу). В начале 20-х гг. мастера графики создают книжные знаки с индустриальными пейзажами. Дымящие заводские трубы, дома-новостройки, освещенные восходящим солнцем, — на ксилографии художника А. Лео «Из книг В. Н. Коломарова». Началу социалистической индустриализации посвятил В. Фаворский сюжет книжного знака для Сергея Пятинина (1925 г.).

Хамовнической районной школе фабрично-заводского ученичества (в Москве) экслибрис сделал (в 1926 г.) другой известный мастер — М. Маторин: на черном округлом поле красивой вязью дана аббревиатура «ФЗУ», сверху — маленькая звездочка.

Выразителен экслибрис Библиотеки Государственного издательства РСФСР, выполненный Н. Пискаревым в 1923 г.: книжные полки, молния-стрела, идущая от них, указывает на работающую печатную машину (ею управляет мастер), на высветленном бумажном листе девиз: «Книга народу». Позднее художник сделал столь же выразительный знак для библиотек Домов Красной Армии с фигурой советского воина в центре композиции.

На одном из знаков художника Н. Алексева, относящемся к середине 20-х гг., мы видим праздничную демонстрацию, идущую в направлении к раскрытой книге, на ко-

торой известная марка ГИЗа. Тяга широких масс к знанию показана многими художниками на экслибрисах разных лет.

Интересно решен книжный знак Е. Бургункера для библиотеки Гослитиздата (1935 г.) — Серп и Молот, символизирующие союз рабочего класса и крестьянства, раскрытая книга, а на ней Пегас. Иными словами, художественная литература неразрывно связана с интересами народа. Гравюра изящна, хорошо скомпонована.

В искусстве экслибриса находят отражение темы гражданской войны, бессмертного подвига фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны.

Превосходный экслибрис создал народный художник СССР проф. И. Кузминский для видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства А. Снечука — могучая фигура рабочего с развернутым знаменем в руке олицетворяет верность идеалам социалистической революции.

Бойца, стоящего на страже завоеваний Октября, изобразил и П. Павлинов на гравюре «Из книг В. П. Никифорова» (1932 г.). Белорусский скульптор А. Грубэ в своем единственном экслибрисе, сделанном в 1927 г. для А. Барановского, отобразил эпизод гражданской войны: красноармейцы освобождают из тюрьмы политических заключенных. (С. Фортинский ошибочно приписал эту работу белорусскому художнику А. Н. Тычине. См.: «Книга. Исследования и материалы», 1960, сб. 2, с. 351, а также: Белорусский книжный знак. Минск, «Беларусь», 1975, с. 51.)

«Мы — красная кавалерия и про нас былинники речистые ведут рассказ...» — песня эта живет в наших сердцах. Вместе с «речистыми былинниками» подвиг буденовцев воспевают и миниатюрная гравюра саратовского художника В. Мощенко — экслибрис для С. М. Буденного.

В числе последних ксилографий москвича В. Фролова — две с красным всадником в центре сюжетной композиции. Красноармейца и матроса изобразил Н. Калита на экслибрисе для И. Лившица (офорт, 1967). Подобного содержания книжные знаки есть у Г. Кравцова, В. Марьина (Томск), З. Зузе (Рига) и многих других художников.

Среди наших книголюбов — большое число участников Великой Отечественной войны, во всех общественных и в большинстве личных библиотек имеется литература, посвященная военному времени, — документальные сборники,

Художник В. Егоров
(Москва)

Художник В. Марьин
(Томск)

монографии, романы, повести, стихи, мемуары. Естественно, что и в книжном знаке эта тема не могла не найти отражения. Особенно много знаков военной тематики создано к 30-летию Победы. Сюиту гравюр в честь городов-героев и героической Брестской крепости исполнил А. Калашников. Лучшая из них посвящена Москве — художник изобразил Кремль и вечный огонь на могиле Неизвестного солдата. Ксилограф С. Мочалов запечатлел в экслибрисе тему обороны Ленинграда.

Молодой московский график В. Егоров сделал знак для личной библиотеки генерала армии, дважды Героя Советского Союза П. И. Батова. На экслибрисе изображен фрагмент мемориала в Волгограде.

Краснодарец В. Пташинский, выполнивший два знака к юбилею Победы, «напоминает» в них о сражениях за Крым. В партизанский лесной край переносит «действие» своей линогравюры днепропетровский график В. Хворост — на экслибрисе для легендарного вожака народных мстителей Федорова изображен партизан, спасший советских людей от фашистской расправы. Военная тема — и на его гравюрах для московских художников Н. Бута и Н. Овечкина, которые участвовали в сооружении диорамы, посвященной

битве за Днепр. Несколько экслибрисов для фронтовиков сделал кемеровский художник Н. Кофанов.

Подобно тому, как в литературе очерк и стихотворение по горячим следам откликаются на важные события в жизни народа и страны, так в искусстве графики книжный знак оперативно отражает наше время.

Вскоре после полета первого человека в космос художник Г. Кравцов награвировал для Юрия Гагарина экслибрис, который теперь известен во всем мире. Вологодские мастера графики Н. и Г. Бурмагины поздравили космонавта П. Беляева, совершившего успешный полет во Вселенную, подарив ему экслибрис. Из Томска от В. Марьина получили знаки Н. Рукавишников и другие космонавты. Сразу после совместного полета «Союз» — «Аполлон» волгоградский художник В. Киселев создал книжные знаки для советских космонавтов А. Леонова и В. Кубасова, а также для их американских коллег. Эта сюита впервые была показана на международной выставке «Книга-75».

В честь Международного года женщины в 1975 г. был сделан ряд знаков, адресованных нашим современницам. Владимирский график В. Леонов выполнил великолепный экслибрис для прославленного колхозного вожака, дважды Героя Социалистического Труда Прасковьи Малининой. Лирична гравюра с изображением букета цветов, которую сделал другой владимирский мастер, Б. Французов, для народной артистки СССР Юлии Борисовой. Воспоминание о фронтовой юности избрал темой знака для поэтессы Юлии Друниной зеленоградец В. Чефранов; на экслибрисе эстрадной певицы Нани Бреговдзе, им же исполненном, звучит грузинский национальный мотив.

Перед тем как вступила в строй самая крупная в мире доменная печь в Кривом Роге, на этой всесоюзной ударной стройке девятой пятилетки побывал художник В. Хворост, работающий в издательстве «Проминь». В результате возник замысел сделать не только серию линогравюр с доменными «пейзажами», но и экслибрисы для участников стройки. В экспозиции, посвященной ДП-9, были представлены его миниатюрные гравюры, на которых значились имена строителя Героя Социалистического Труда И. Бакунца, парторга цеха С. Нескоромного, академика З. Некрасова и др.

1976 год вошел в историю как год XXV съезда КПСС. К этому всемирно-историческому событию ряд художников

Художник Э. Лепп
(Таллин)

Художник М. Паньков
(Сочи)

создал книжные знаки в подарок делегатам высшего партийного форума. На московском заводе «Серп и молот» Героя Социалистического Труда, делегата XXV съезда КПСС Виктора Ключева знают не только как замечательного сталевара, но и как страстного книголюбца. В его домашней библиотеке — сочинения В. И. Ленина, сборники речей и статей товарища Л. И. Брежнева, тома русской и зарубежной классики, советская литература, подписные издания. Для личной библиотеки знатного рабочего экслибрис сделал зеленоградский художник Е. Желтухин. Этот знак портретный — сталевар изображен наблюдающим за плавкой.

В композицию книжного знака для своего земляка Николая Злобина, тоже Героя Социалистического Труда и делегата XXV съезда, В. Чефранов ввел многоэтажный дом-новостройку, книгу и мастерок, в перспективе намечен тончайшей линией силуэт Московского Кремля.

Большую группу в многотысячной коллекции советской графики малых форм составляют юбилейные экслибрисы. Отмечая вместе со всем народом 70-летие первой русской революции, художники создали ряд гравюр, посвященных этой знаменательной дате. Владимирцы В. Леонов и Б. Французов представили на конкурс, объявленный библиотекой Краснопресненского района Москвы, по три работы. Волгоградец В. Киселев выполнил знак для Краснопресненского отделения ВОК. Тема знака: 1905 год — мощный удар по самодержавию.

В год 175-летия со дня рождения А. С. Пушкина «фонд» великого поэта пополнился новыми работами художников из разных городов страны. Серию знаков на темы «Евгения Онегина», «Медного всадника», «Цыган», «Повестей Белкина» создал старейший саратовский мастер рисунка Б. Протоклитов. Каждая из этих миниатюр имеет в композиции силуэт великого поэта. График из Луцка Н. Шамрила, завуч здешней художественной школы, сделал в технике гравюры на линолеуме экслибрисы с портретом Пушкина и с воспроизведением одного из рисунков — для А. Сибиряковой, а по мотивам «Сказки о золотом петушке» для председателя Московского клуба экслибрисистов С. А. Вуля. Содержание этой сказки обыграл в одном из сюжетов и москвич Б. Левшин. Несколько знаков создал Ф. Молибоженко из Новороссийска.

Когда отмечалось 150-летие восстания на Сенатской площади, декабристскую тему воплотили в экслибрисах В. Егоров (для академика М. В. Нечкиной), Е. Желтухин (для академика М. П. Алексева и поэта А. Суркова), художник из Выборга В. Шпигов (для книголюба Ф. Клименко) и другие.

В честь 200-летия Большого театра В. Чефранов выполнил книжный знак прославленному артисту балета, лауреату Ленинской премии В. Васильеву (сцена из спектакля «Спартак»), Е. Желтухин — для личной библиотеки Е. Образцовой (в роли Кармен), В. Леонов — для Н. Павловой.

Здесь, естественно, называются лишь отдельные работы художников-экслибрисистов, но и они дают представление о тематическом разнообразии и основных направлениях развития у нас искусства книжного знака.

Большую группу экслибрисов составляют знаки, посвященные памятникам истории и культуры. Значимость этой тематики с особой силой проявляется в свете недавно принятого Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры.

Несколько лет назад Вологодская картинная галерея устроила специальную выставку «Памятники истории и культуры народов СССР на книжных знаках», на которой были представлены работы около ста художников. Можно смело сказать, что у нас нет ни одного мастера графики, который бы обошел эту тему в своих книжных знаках. Интересная выставка экслибрисов, посвященных Вильнюсу, была проведена в столице Литовской ССР.

Художник
Е. Голяховский
(Москва)

Художник Б. Францов (Владимир)

Ежегодно пополняется эта часть коллекции. Вот лишь некоторые, взятые наугад, экслибрисы самого последнего времени — «Медный всадник» и Адмиралтейская игла на знаках ленинградца В. Шапиля, пороховая башня и церковь святого Якова, увенчанная петушком, — на ксилографиях народного художника Латвии П. Упитиса, Самарканд — на гравюре В. Морозова для врачей Гореловых и рисунке ташкентского художника В. Кедрина для В. Королюка. Великолепие древнерусских памятников сумели передать А. Калашников, А. Наговицын, Г. и Н. Бурмагины, В. Сергеев, Г. Ратнер, В. Куров и многие другие. Седой Кремль и рядом дом-новостройка — на одном из лучших знаков П. Кузаныяна (для архитектора Патвакана Сардаряна), ленинские мемориальные места в Сибири — на знаках Н. Кофанова, памятники Томска — на линогравюрах В. Марьина.

Самостоятельная группа экслибрисов — портретные знаки, прежде всего те, на которых воспроизведены образы знаменитых людей прошлого и нашего времени. Такие знаки есть у многих художников. Белорусским мастером Е. Тихановичем создана настоящая портретная галерея: Пушкин, Лев Толстой, Лермонтов, Гоголь, Чехов, Крылов, Кольцов, Купала, Колас, Райнис, А. Франс, Бетховен, Шопен, Циолковский, академик Губкин, Юрий Гагарин... — полсотни гравюр и офортов!

Как уже отмечалось, на многих произведениях малой графики «присутствует» книга, символизирующая жажду знания, царство света и мудрости, могучее чудо из чудес.

Художник Э. Окас
(Таллин)

Художник
А. Калашников
(Москва)

Заслуженный художник Украины С. Гебус-Баранецкая изображает девушку в национальном костюме, подносящую, как «хлеб-соль», на расшитом рушнике книгу. Книга солнцу подобна — таков смысл автоэкслибриса белорусского графика П. Герасимовича и знака новороссийца Ф. Молибоженко для Я. Швыдкова. Счастливых людей с книгами в руках можно увидеть на офортах народного художника СССР Э. Окаса, линогравюрах заслуженного художника Армении А. Мамаджаняна, рисунках бакинской художницы Е. Шалыгиной.

Совершенно очевидно, что довольно часто на книжных знаках фигурируют литературные сюжеты. Существует серия, например, посвященная Дон Кихоту (с большой полнотой она представлена у ленинградского библиофила Я. Добкина). Горьковского Данко, Павла Корчагина, молодогвардейцев, Ивана Шадрина и других героев советской литературы и искусства изображают мастера экслибриса.

Из «профессиональных» знаков (здесь есть учительские, медицинские, геологические, спортивные, для ученых разных специальностей) остановимся на тех, которые выполнены для писателей. Палитра этих черно-белых миниатюр многоцветна, ибо в ней отразились все краски писатель-

ских интересов и содержание их книг. Трудно даже перечислить «писательские» книжные знаки, которые созданы художниками за многие годы. Большая выставка этих экслибрисов, подготовленная журналом «Вопросы литературы» к VI съезду писателей СССР, собрала около 500 работ более ста художников из разных республик. Широкий резонанс в печати (о ней писали «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Книжное обозрение» и другие газеты) говорит о том, что эта экспозиция привлекла внимание общественности, способствовала популяризации искусства малой графики.

Особо следует сказать о детском экслибрисе. Его массовость — это явление исключительно советского характера. Книга прочно входит в нашу жизнь с самого раннего детства. У большинства ребят есть свои, пусть небольшие, библиотечки. И совершенно естественно, что раздел детского книжного знака постоянно пополняется. Экслибрисы для детей отражают разнообразие их интересов, содержание литературы, входящей в круг их чтения. Тема охраны природы, вообще занимающая достойное место в графике малых форм, на детском экслибрисе воспринимается особенно остро. Прививать ребенку любовь к родной природе, к миру растений и миру животных — одна из благороднейших целей воспитательной работы. «Живой уголок» на книжных знаках способствует этим целям. Вот на лесной полянке ежика читает книгу ежатам — московские художники В. Ковенацкий и В. Кердимун сделали этот знак для Каримы Сибиряковой, ученицы 12-й спецшколы-интерната. Известный мастер графики В. Фролов населил многие свои гравюры лесными гостями. Белочка «явилась» в Северодонецкую детскую библиотеку, медведь едет в санях на «Танюшиной книжке», а у Ани Ивенской на экслибрисе-офорте «поселилась» семья медведей.

Итак, даже краткий обзор развития советского экслибриса дает представление о необыкновенной тематической

Художник
С. Гебус-Баранецкая
(Львов)

широте отечественных книжных знаков, о поразительной чуткости мастеров малой графики, оперативно откликающихся на события, которыми живет наша страна. В советском экслибрисе отражена славная история нашего народа, его созидательный труд, интернационализм, борьба за мир.

* * *

Следует остановиться на творчестве хотя бы некоторых художников, которые вносят вклад в развитие советского экслибриса.

Деять международных наград получил на конкурсах экслибриса за минувшие 6—7 лет московский мастер *А. Калашников*. В последние годы он выполнил свыше трехсот ксилографий. Большой успех выпал на долю серий книжных знаков для создателей советской авиационной техники (демонстрировались на выставке «50 лет гражданской авиации СССР») и в честь советских пограничников (для заставы им. А. Терлецкого, памяти пограничников — защитников Брестской крепости, для библиотеки журнала «Пограничник», для А. Кетова, Г. Власенко, К. Никитина и др.). Каждый новый экслибрис работы А. Калашникова встречается с большим интересом. Так было и с книжным знаком космонавта Б. Волынова, выполненным в те дни, когда он летал на корабле «Салют-5», и опубликованным в печати ко времени окончания полета. Художник постоянно совершенствует свое мастерство.

Активно работает в жанре малой графики один из видных наших мастеров деревянной гравюры, ученик В. Фаворского, *Г. Кравцов*, отметивший недавно свое 70-летие. Художник, как уже говорилось, чутко откликается на события нашей жизни, охотно дарит знаки общественным организациям (им созданы экслибрисы для главного книгохранилища страны — Библиотеки имени В. И. Ленина, для музеев Революции и Вооруженных сил, столичного Планетария, школы № 613, Первой московской библиотеки на общественных началах, ВГБИЛ и др.). Книголюбы разных городов украшают свои книги знаками работы Г. Кравцова. В небольших по размеру, выразительных по композиции гравюрах Г. Кравцова древний летописец соседствует с нашим современником, солнечный клоун с Петрушкой, девушка в татарском национальном костюме — с рабочим-лесорубом. Изыщество и совершенство экслибрисов Г. Кравцова снискали им широкую известность.

К старшему поколению творцов советского книжного знака принадлежит народный художник Латвии, профессор *Петерис Упитис* (р. в 1899 г.). Число экслибрисов его работы превышает 350, из них, пожалуй, половина датирована последними пятью-шестью годами. Они превосходны по манере исполнения (все — гравюры на дереве), по ясности замысла и гармоничному сочетанию белых и черных пятен. Сюжеты их разнообразны: *Дон Кихот* и его оруженосец, красавица *Рига* (родной город П. Упитис любит самозабвенно), околица деревни со старыми ветряными мельницами, древний Египет... Работая в Художественной академии Латвии, П. Упитис воспитал десятки мастеров национальной графики. Лучшие из его учеников, например *З. Зузе*, стали видными художниками-графиками.

Сравнительно недавно *С. Гебус-Баранецкой* присвоено звание заслуженного художника Украины. При этом были отмечены ее успехи в области графики малых форм. Значительное место в творчестве С. Гебус-Баранецкой занимает экслибрис. Более ста новых ксилографических книжных знаков исполнено ею за последние несколько лет. Когда рассматриваешь эти гравюры (белые штриховые композиции на черном поле), безошибочно определяешь профессию или круг интересов книголюбца. Так, на знаке для врача-педиатра *Г. Баранецкой* изображен малыш, который тянется с букетиком цветов к медицинской эмблеме.

Уверенно вошел в мир экслибриса новороссийский художник *Ф. Молибоженко*. Настойчивая учеба у мастеров, напряженный труд довольно быстро выдвинули его в ряд признанных художников книжного знака.

Прошло немногим более семи лет со времени появления на выставках его первых экслибрисов, а ныне их уже около полтора десятка.

Тончайшая линия создает узорный наряд, который сродни русским кружевам. Можно только дивиться этой красоте и волшебной ажурности, созданной штихелем на самшитовой доске (два знака для *Н. Соколовой*, экслибрисы *А. Пахмутовой*, *Т. Галиной*, *Г. Минаевой*, *М. Павловой*, *И. Христовой*).

Нельзя не отметить сюиту экслибрисов *Ф. Молибоженко* для болгарских друзей — *К. Васевски*, *П. Барсукова*, *К. Илиева*, *М. Делева*, *Е. Костова*. Новороссийским мастером использованы здесь интересные сюжетные решения, подсказанные болгарской национальной традицией.

* * *

В 70-е гг. мы стали свидетелями рождения в стране нескольких национальных ветвей экслибрисного искусства.

Начало кабардинскому книжному знаку положено творчеством молодого талантливый графика *Германа Суфадиновича Паштова*. Им создано около 70 экслибрисов, причем большая часть — за три года (1974—1976). Издательство «Эльбрус» (г. Нальчик) выпустило в конце 1975 г. отлично оформленный альбом лучших его знаков (в этом же издательстве вышли оформленные Г. Паштовым книги, удостоенные конкурсных наград). В предисловии к альбому известный исследователь графики С. Ивенский пишет: «Достаточно один за одним посмотреть его экслибрисы, чтобы увидеть и понять, насколько интимной, любимой и отрадной областью творчества служит для их автора книжный знак». Гравюры пронизаны светлым мироощущением и часто переносят нас в его родной горный край. Любимая отчая земля зримо «присутствует» в знаках для писателей А. Кешокова, К. Кулиева, И. Кашежевой, дирижера Ю. Темирканова.

Художник из Молдавии *Петр Влах* — первый график гагаузов (небольшой народности, живущей в Молдавии). В его работах звучат гагаузские национальные мотивы. Знаки для библиотеки колхоза в селе Беш Алма и для Историко-этнографического музея, находящегося в том же селе, для хирурга И. Борисова и этнографа Караоглу и другие экслибрисы художника свидетельствуют об удачных поисках и несомненном росте его мастерства.

* * *

В последнее десятилетие стали издаваться популярные книги об экслибрисе, подборки книжных знаков, иллюстрированные каталоги многочисленных выставок. В 1967 г. издательство «Книга» выпустило альбом «Экслибрис СССР». Через год появилась работа Е. Минаева «Экслибрис» («Советский художник»), а в 1970 г. он же в соавторстве с С. Фортинским издал — вновь в издательстве «Книга» — капитальный труд под таким же названием. Эти издания, а также Памятки двухсот заседаний Московского клуба экслибрисистов сыграли немалую роль в распространении сведений об истории книжного знака, его мастерах.

В начале 1971 г. издательство «Советская Россия» порадовало поклонников малой графики превосходно изданным альбомом «Экслибрисы художников Российской Феде-

рации». Думается, однако, что ничем не оправданные цветные подкладки портят восприятие черно-белых гравюр, зачастую приглушают их звучание.

Издательство «Книга», продолжая работу по пропаганде советского экслибриса, выпустило альбомы книжных знаков А. Калашникова, В. Фролова, Г. и Н. Бурмагиных, П. Упитиса, М. Верхоланцева. В серии «Книжные знаки мастеров графики» изданы иллюстрированные брошюры о творчестве В. А. Фаворского, А. И. Кравченко, Е. Н. Голяховского, В. А. Фролова, Г. А. Кравцова, М. В. Маторина. Готовит к печати эту серию Московский клуб экслибрисистов.

В 1973 г. издательство «Художник РСФСР» опубликовало монографию С. Ивенского «Мастера русского экслибриса». Жаль, что в целом серьезное исследование не лишено просчетов. В число мастеров книжного знака, которым посвящен специальный раздел, включены художники, сделавшие по одному-два знака, вместе с тем работы ряда видных графиков (заслуженного художника РСФСР А. Ушина, волгоградца Р. Копылова и др.) здесь не представлены.

Экслибрисы 35 художников содержит малоформатный альбом «Белорусский книжный знак», вышедший в Минске. Такое издание осуществлено впервые, его подготовили и сопроводили обстоятельной статьей старейший мастер графики А. Тычина и художник В. Шматов. В Ереване — тоже впервые — появились два каталога республиканских выставок, они знакомят с армянским экслибрисом.

Материалы о книжных знаках все шире печатаются в газетах и журналах. Большое внимание графике малых форм уделяют «Литературная газета», «Советская культура», «Книжное обозрение» и журнал «В мире книг».

Видимо, настало время для научного осмысления, глубокого анализа художественных особенностей и книговедческой роли советского экслибриса.

И еще об одном. В статье «Нужен полный свод книжных знаков!» («Книжное обозрение», 1970, № 21) Евг. Осетров писал, что «пришла пора всерьез подумать об издании полного свода книжных знаков — и старых и новых». Надеемся, что Всесоюзное общество книголюбов сумеет осуществить этот давний замысел.

ЗАМЕТКИ О СОВЕТСКИХ МИНИАТЮРНЫХ ИЗДАНИЯХ

История возникновения миниатюрных изданий уходит в далекое прошлое и измеряется веками. Печатные миниатюрные издания известны были уже в инкунабульный период, рукописные — в античное время.

Сейчас миниатюрные издания выпускаются более чем 120 издательствами мира, имеются магазины, которые специализируются на продаже только миниатюрных книг (Лондон), созданы музеи миниатюрных изданий (Япония), во многих странах работают десятки клубов любителей таких книг (СССР, Венгрия, Япония, США и др.).

В настоящее время миниатюрные издания печатаются не только в тех странах, в которых уровень полиграфии достаточно высокий, но и в развивающихся странах, в таких, например, как Маори, которая три года назад выпустила несколько миниатюрных книг.

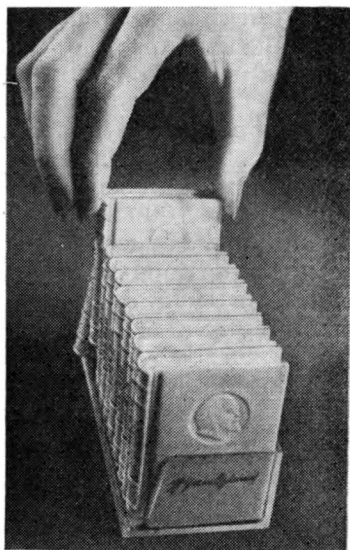
Что же это за издания, какие книги называют миниатюрными?

Согласно многовековой традиции (международного стандарта пока нет) ни в одной стране мира не считают миниатюрным издание, если формат его превышает 100×100 мм (без переплета), такие книги не включают в библиографические указатели и в международные каталоги по обмену. Причем, в ряде стран условный формат миниатюрных изданий еще меньше: в Венгрии до 70×70 мм, в ГДР — до 75×75 мм.

Миниатюрные книги завоевали симпатии читателей: ими удобно пользоваться (99,9% их читаются невооруженным глазом), они изящны по форме, не требуют большой площади для хранения, экономичны с точки зрения расхода бумаги, отличаются высокой культурой художественного оформления и полиграфического исполнения.

*Первая советская
миниатюрная книга*

*Десяти томник избранных
трудов В. И. Ленина*

В нашей стране книги-малютки появились около 200 лет назад. Первые книги были религиозного содержания. Позже в миниатюрном формате стали публиковаться главным образом произведения классиков литературы: Гоголя, Грибоедова, Кольцова, Крылова, Лермонтова, Некрасова, Никитина, Пушкина. В начале XX столетия, видимо, под влиянием грозных событий 1905 г., царская цензура разрешила издателю В. О. Жеглинскому в Вологде (1908 г.) легально выпустить в миниатюрном формате биографии революционных деятелей: К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова и др.

По данным библиографического указателя «Миниатюрные книги СССР» («Книга», 1975), фонд дореволюционных миниатюрных изданий насчитывает 234 названия, которые бережно хранятся в государственных библиотеках и в личных коллекциях книголюбов.

За годы Советской власти, с 1917 по 1974 г., было издано 232 названия миниатюрных книг. По сравнению с таким же отрезком времени в дореволюционные годы выпуск их увеличился более чем в два раза.

Тематика советских миниатюрных изданий многообразна, они, как правило, хорошо иллюстрированы, нередко издаются на нескольких языках, расширена география их выпуска.

Первая советская миниатюрная книга была издана в 1921 г. в г. Кинешме. Это текст Конституции РСФСР. Она напечатана на оберточной бумаге, переплетена в серый картон. Тираж 1000 экземпляров, формат 35×50 мм.

За первое десятилетие Советской власти вышло всего семь миниатюрных изданий (одно в 1921 г., три в 1922 и по одному в 1925, 1926 и 1927 гг.), причем тиражи этих книг были ничтожны.

Почетное место в тематике советской миниатюрной книги занимает Лениниана, а также издания, пропагандирующие идеи великого Ленина, Коммунистической партии Советского Союза, документы Советского государства и международного коммунистического движения.

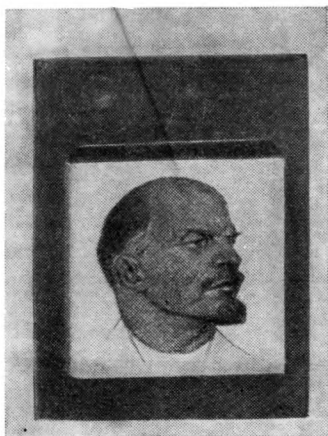
Большинство миниатюрных изданий, связанных с именем Владимира Ильича Ленина, — его труды или книги о нем — вышли к 100-летию со дня рождения вождя.

Высокий уровень художественного оформления и полиграфического исполнения отличает десятитомник избранных трудов В. И. Ленина, изданный в Киеве на украинском языке (формат 40×57 мм). Издание имеет пластмассовый цвета слоновой кости переплет и специальную художественно оформленную подставку. С большой любовью изданы миниатюрная восьмитомная Лениниана (Пермь), трехтомник и двухтомник избранных трудов В. И. Ленина в Москве (Политиздат), пятитомник — в Алма-Ате на казахском языке.

Из произведений В. И. Ленина чаще других в миниатюрном формате издавались «Задачи союзов молодежи» (Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.); изданы они на многих языках народов страны.

Общее признание получила самая маленькая в мире книга о В. И. Ленине, одновременно и самая маленькая советская книга (ее формат 16×16 мм), которую к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича выпустил коллектив 5-й Московской типографии Союзполиграфпрома. Это отрывок из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», иллюстрированный 11 репродукциями портретов вождя.

В Ленинграде вышла в двух томах краткая биография Владимира Ильича, набранная и отпечатанная студентами

*Самая маленькая в мире
книга о В. И. Ленине*

*Доклад Л. И. Брежнева
«50 лет великих побед
социализма»*

издательско-полиграфического техникума; издательства «Планета» и «Московский рабочий» выпустили в миниатюрном формате книгу В. В. Волковой «Ленин в Горках»; в Ашхабаде издан миниатюрный томик «В. И. Ленин в туркменской поэзии»; издательство «Беларусь» (Минск) опубликовало сборник стихов «Ленин с нами»; в четырех городах вышла на разных языках поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»; в Таллине напечатана на эстонском языке книга-малютка «Три стихотворения о Ленине». Она набрана ручным способом старейшим наборщиком коммунистом Отта Элланди (формат 30 × 40 мм).

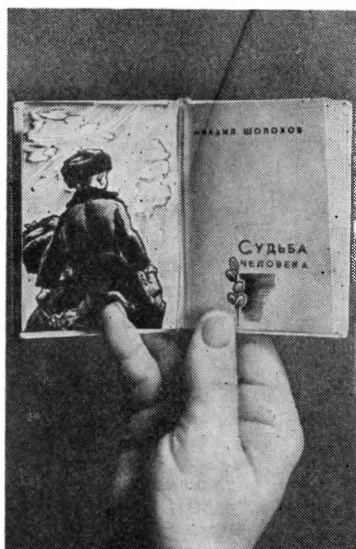
Книги, посвященные вождю революции, издавались в Ереване, Казани, Фрунзе, Йошкар-Оле и в ряде других городов.

Много миниатюрных изданий во всех республиках было выпущено к 50-летию юбилею Союза ССР.

Особое место среди них занимают изданные в миниатюрном формате доклад «50 лет великих побед социализма» и заключительная речь Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза товарища Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 3—4 ноября 1967 г. (формат 70 ×

*Поэма В. Маяковского
«Владимир Ильич Ленин»*

*Рассказ М. Шолохова
«Судьба человека»*

× 94 мм). Это издание, так же как и миниатюрный четырехтомник его речей и статей «Ленинским курсом», выпущенный издательством «Прогресс» к XXV съезду КПСС, является программным документом, мобиливающим советских людей на новые победы в строительстве коммунизма.

К 50-летию юбилею Великого Октября издательство «Художественная литература» выпустило библиотечку стихов советских поэтов «Пою мое отечество» в 17-ти томах. Поэты каждой союзной республики представлены отдельной книгой (поэзия РСФСР — в двух томиках). В этой антологии многонациональной поэзии помещены стихи более чем на 70 языках народов СССР, причем многие из них до 1917 г. не имели своей письменности.

В советское время, как и в дореволюционные годы, продолжается выпуск изданий в миниатюрном формате произведений классиков отечественной литературы. Так, в издательстве «Художественная литература» вышли «Граф Нулин», «Пиковая дама», «Лирика» и «Стихотворения»

Книги издательства
«Художественная
литература»,
выпущенные в серии
«Лирика»

Сборник стихов
Василия Каменского

А. С. Пушкина. Особенно хорошо, с большим художественным вкусом и изяществом, изданы два последних томика; Свердловское издательство выпустило «Евгения Онегина»; в Ленинграде напечатана «Сказка о рыбаке и рыбке»; в Кишиневе — «Здесь лирой северной...»

В Ставрополе изданы «Последние стихи» М. Ю. Лермонтова. Издатели сопроводили сборничек репродукциями картин поэта, созданных им на Кавказе во время ссылки, и факсимильно воспроизвели надписи В. Ф. Одоевского в тетради, подаренной поэту; Ростовское издательство во время Великой Отечественной войны выпустило «Тамань», а к 125-летию со дня рождения поэта восточную повесть «Демон».

К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова ярославские книголюбцы издали миниатюрную книгу, в которую вошли три произведения поэта: «Мороз Красный нос», «Русские женщины», «Дедушка». Сторонки переплета этого издания сделаны из трехслойной фанеры, на дереве хорошо смот-

рятся тисненными черной краской профиль поэта и маленькая ветка рядом с цифрой «150»; в Барнауле с оригинальными иллюстрациями художника Ю. Кабанова вышли «Русские женщины»; бывшая типолитография «Печатник» в Москве выпустила «Генерала Топтыгина».

В 1957 г. в Москве проходил Международный фестиваль молодежи. К этому событию был приурочен выпуск Государственным издательством художественной литературы миниатюрного издания произведений М. Горького «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» (формат 32 × 43 мм). Книга давно стала библиографической редкостью. Спустя десять лет Волго-Вятское издательство выпустило миниатюрную книгу, в которую кроме «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике» вошла легенда о Данко из рассказа «Старуха Изергиль».

Много миниатюрных книг вышло с произведениями В. В. Маяковского. Поэма «Владимир Ильич Ленин» издавалась в шести издательствах, в том числе на калмыцком и латвийском языках. В Москве вышло совсем крошечное издание, посвященное детям, — «Дети, будьте как маяк» (размер ее 18 × 22 мм). Оно известно всего лишь в нескольких экземплярах. Интересную миниатюрную книгу выпустило в 1930 г. с эпиграфом «Слушайте, товарищи потомки, агитатора, горлана-главаря» Красноярское краевое издательство. Портрет поэта овальной формы, размером с двухкопеечную монету вмонтирован в переплет рядом с тисненой факсимильной подписью поэта. К 10-летию со дня смерти поэта вышли три миниатюрные книги: в Горьком и Харькове — с избранными произведениями, в Ростове — «Памятка для читателей — Владимир Владимирович Маяковский».

Читателю всегда радостна встреча с творчеством М. А. Шолохова. География шолоховских миниатюрных изданий довольно широка: они выпускались в Москве, Ростове-на-Дону, Нальчике, Куйбышеве, Львове. Чаще всего это были произведения «Судьба человека» и «Нахаленок». В 1968 г. издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» выпустило миниатюрный томик «Избранное», куда вошло 16 рассказов и «Донские зарисовки» к роману «Тихий Дон», исполненные художником Ю. Ребровым. Перед титулом помещена факсимильно воспроизведенная надпись: «Всегда с радостью бываю у молодых молодогвардейцев! Даже вроде и сам молодею... М. Шолохов». Книга издана к 50-летию ВЛКСМ.

Особенностью советских миниатюрных книг является то, что многие из них выходят на языках народов СССР и печатаются не только в центральных городах страны. Часто эти издания выпускаются параллельно на двух языках: переводятся на русский язык и, наоборот, с русского на языки народов СССР. В ряде республик вышли миниатюрные издания одновременно на многих языках, например львовское издание «Вечный революционер» Ивана Франко напечатано на 30 языках, в том числе на 20 языках народов СССР, книга Д. Гулиа «Наша партия» издана в Сухуми на 43 языках народов СССР; «Сломанные сосны» Яна Райниса на 52 языках, в том числе на 32 языках народов Советского Союза.

Больше всего миниатюрных книг издано в Российской Федерации. Многие из них печатаются с маркой издательства «Художественная литература».

С 1967 г. в этом издательстве стала выходить серия изящно оформленных томов «Лирика». Первый из них был посвящен творчеству Есенина, затем были опубликованы лирические стихи Некрасова, Пушкина, Лермонтова, а в 1975 г. вышел томик «Фронтная лирика». Все эти пять томов (формат 52 × 70 мм) — лучшие советские миниатюрные издания. Супербложки, портреты четырех поэтов и рисунки для всех книг выполнил известный художник Н. Калита.

Из московских миниатюрных изданий нельзя не отметить прекрасные книги, выпущенные издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: сборник «Поэмы, баллады, стихи» и «Письмена» Расула Гамзатова. «Поэмы, баллады, стихи» дважды переиздавались с дополнениями не только текста, но и названия. Год выхода первого издания установить не удалось, не помогли в этом и работники типографии, но поскольку в сборнике помещен «Гимн демократической молодежи мира» Льва Ошанина, написанный в 1947 г., можно предположить, что книга вышла в самом конце 40-х гг.

Миниатюрные книги издательства «Молодая гвардия» получили высокую оценку читателей, каждая из них — образец большого искусства авторов, издателей, художников, полиграфистов.

Доброй славой в стране пользуются пермские миниатюрные книги. Вместе с серией «Лирика» они входят в золотой фонд советских миниатюрных изданий. В Перми вышло много миниатюр, заслуживающих внимания: «Стихи» Ва-

силия Каменского, «Голос мужества» (военная лирика), «Стихи о матери», «Плоды раздумья» Козьмы Пруткова, «Весна победы», «Совесть века» и ряд других книг.

Книга «Весна победы» посвящена подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. В небольшом томике с переплетом из голубого балакрана опубликованы стихи 56 поэтов Российской Федерации, многие из которых сражались на фронтах Отечественной войны. На суперобложке название книги заключено в золотой венок из хлебных колосьев. Десять иллюстраций художника В. Вагина удачно сочетаются с общим замыслом издания.

Художественное оформление большинства пермских книг связано с именем этого яркого, своеобразного по стилю художника, щедро отдающего миниатюрным изданиям свои творческие замыслы.

Миниатюрная книга «Плоды раздумья» К. Пруткова представляет собой совершенно необычное издание хотя бы потому, что в нем нет ни одного наборного знака, вся книга от первой до последней страницы нарисована В. Вагиным. Отлично исполненный оригинал, прекрасные иллюстрации, кожаный переплет с золотым тиснением, специальный плексиглазовый футляр с поролоновой подкладкой — все это украшает книгу и доставляет радость каждому, кто берет ее в руки.

Большой победой пермяков было издание в миниатюрном формате «Стихов» Василия Каменского. Художник «одел» томик в красный сафьян. Золотые литавры и тиснутые черной краской шрифт и силуэт поэта прекрасно сочетаются с цветом переплета. Текст набран вручную, читается свободно, иллюстрации напечатаны четко; высокая культура издания книги сказывается и в оформлении закладки — к шнуру прикреплен крошечный металлический герб города.

Знакомство с миниатюрными книгами Российской Федерации будет неполным, если не сказать об изданиях, представляющих фольклор и лирику горских народностей, населяющих Дагестан, Кабардино-Балкарию, Осетию, Карачаево-Черкессию. Миниатюрная книга пословиц и поговорок Кабардино-Балкарии «Так сказали мудрецы» вышла в Нальчике в 1967 г., оформил книгу В. Овчинников; Дагестанское книжное издательство выпустило сборник стихов «Строки горской лирики»; в Орджоникидзе вышла книга стихов К. Хетагурова «Осетинская лира (Думы сердца, песни, поэ-

мы и басни)»; Ставропольское книжное издательство напечатало стихи и прозу писателей о Карачаево-Черкессии «Откровение гор».

Серьезно работают над изданием миниатюрных книг в Казахстане. Кроме известного пятитомника избранных работ В. И. Ленина казахское издательство «Жазуши» выпустило на казахском языке две прекрасные книги: М. Горький «В. И. Ленин» и Джамбул «Стихи о Ленине». Разошлись они моментально и ныне стали большой редкостью. На международной выставке в Москве «Книга-75» демонстрировалась микрокнига на казахском языке — «Избранная лирика» С. Сейфулина (1975), тираж которой всего лишь три десятка экземпляров. Книга имела большой успех у посетителей выставки.

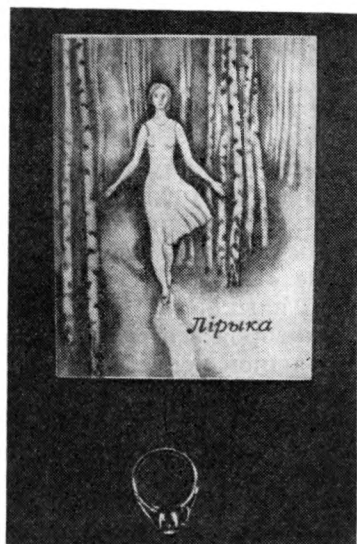
Чувства огромной благодарности к издателям и полиграфистам испытывают читатели, встречаясь с миниатюрными книгами, изданными в Белоруссии. Всеобщее восхищение вызывают два крошечных томика стихотворений Якуба Коласа и Янки Купалы, подготовленные на общественных началах и вышедшие на русском языке в год 50-летнего юбилея Страны Советов. Выпуск миниатюрных изданий на общественных началах стал доброй традицией белорусских издателей.

К 50-летию Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Белоруссии издан на белорусском и русском языках сборник «Орлятам», в который вошли стихи Янки Купалы, Якуба Коласа, Петруся Бровки, Аркадия Кулешова, Максима Танка. Сборник издан в красочной суперобложке, на переплете тиснута автографы поэтов.

Тепло встречена читателями изданная в 1972 г. в миниатюрном формате книга Петруся Бровки «Ты — моя пчелка» (на белорусском и русском языках; перевод Якова Хелемского). Рисунок на суперобложке и иллюстрации выполнил художник В. Баровка. В выпускных сведениях указаны полиграфисты, которые работали над этой книгой.

В 1972 г. издательство «Мастацкая літаратура» напечатало на белорусском языке стихотворения Янки Купалы (художник Б. Заборов) и Якуба Коласа (художник В. Шарангович).

Одно из первых мест по выпуску миниатюрных изданий занимает Украина. Тиражи украинских миниатюрных книг достигают нескольких десятков тысяч. Например «Образное слово (Постоянные народные сравнения)», выпущенное в

*«Ты — моя пчелка»
П. Бровки. Лирика*

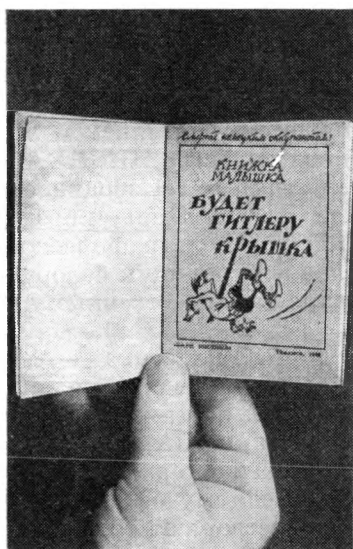

*Сборник стихов
Мирзо Турсун-заде
«Дорогая моя»*

1974 г., было напечатано тиражом 40 тыс. экземпляров. Оно издавалось несколько раз и ранее (начиная с 1966 г.). Сорокатысячным тиражом напечатаны «Песни из полонины», 50 тыс. экземпляров — тираж гимна «Вечный революционер» Ивана Франко.

Прекрасные миниатюрные книги выходят с маркой издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». В 1969 г. к 50-летию ЛКСМ Украины издана книга «Багряный запев»; в честь 25-й годовщины победы над фашистской Германией это же издательство выпустило стихи «Побеждать и жить».

Среди литовских миниатюрных изданий читателям особо понравились книги стихов Витауса Монтвила «Туда, где солнце», автор которых погиб в борьбе с гитлеровскими захватчиками, Людаса Гиры «Алые маки»; поэма Эдуарда Межелайтиса «Человек» опубликована в Вильнюсе в 1965 г.; Латвийское издательство «Лиесма» напечатало в миниатюрном формате «Сломанные сосны» Яна Райниса и «Ave Sole»; стихи эстонского поэта Марта Рауда, посвященные

*Сатирические стихи
«Будет Гитлеру крышка»
Г. Крейтана (1942 г.)*

*«Басни» Сергея Михалкова
(1977 г.)*

В. И. Ленину, вошли в миниатюрное издание «Три стихотворения о Ленине».

Немного миниатюрных книг издается в Грузии, но те, что вышли с марками издательств «Ганатлеба» и «Мерани» заслуживают самой высокой оценки, особенно это относится к шедеврам классической грузинской поэзии: «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, «Стихотворения и поэма» Николоза Бараташвили. Обе книги приурочены к юбилейным датам, первая — к 800-летию, вторая — к 150-летию со дня рождения поэтов. «Витязь в тигровой шкуре» печатался с перевода на русский язык, сделанного Н. Заболоцким, «Стихотворения и поэму» Николоза Бараташвили перевел Б. Пастернак. Иллюстрации к поэме Шота Руставели исполнил С. Кобуладзе, художественное оформление Э. Бердзенишвили и З. Капанадзе. При оформлении книги использованы сюжеты памятников древнегрузинской материальной культуры. Интересно оформлена суперобложка книги Николоза Бараташвили художником И. Васильковским

(портрет поэта — работы Ладо Гудиашвили): на золотой пластинке черный бешено мчащийся благородный конь, преследуемый вороном с дурным глазом. Образ взят из грузинской мифологии.

К 100-летию со дня рождения классика армянской литературы Ованеса Туманяна (1969) издательство ЦК КП Армении выпустило в миниатюрном формате «Избранное», куда вошли стихи, четверостишия, легенды, баллады и поэма «Ануш». Печаталась книга на Минском полиграфическом комбинате им. Якуба Коласа. По славной традиции белорусские товарищи подготовили ее издание на общественных началах.

В 1974 г. к столетнему юбилею другого классика — Аветика Исаакяна — издательство «Айастан» выпустило в двух томах «Избранное». Многие произведения поэта переведены на русский язык такими мастерами слова, как А. Ахматова, А. Блок, В. Брюсов, Б. Пастернак, Н. Тихонов, К. Чуковский. Оба томика по своему художественному оформлению и полиграфическому исполнению удовлетворяют требованиям самого взыскательного читателя.

Большим успехом пользуются двухтомник стихов армянских поэтов о Советской Армении: «Страна моя Армения» и «Привет тебе, Армения», изданный в Ереване в 1970 г., «Интимные страницы» Г. Саряна и другие миниатюрные издания, напечатанные на армянском языке.

Особенностью туркменских миниатюрных изданий является то, что большинство из них сделано не набором, а выгравировано на металлических пластинах и отпечатано с авторских досок художника В. Когдина. Первую такую книгу стихов классика туркменской поэзии Махтума-кули Когдин отпечатал сам в 1967 г. как сувенирное издание Художественного фонда Туркменской ССР. Два исполненных В. Когдиным последующих издания — стихи к 200-летию юбилею великого национального поэта Кемине и сборник стихов «В. И. Ленин в туркменской поэзии», посвященный 50-летию Туркменской ССР, отпечатаны на Ашхабадском полиграфическом комбинате печатником Б. Гурьяновым.

С любовью и уважением относятся читатели к миниатюрным книгам, выпускаемым издательством «Ирфон» Таджикской ССР. Сборничек стихов и поэм Мирзо Турсунзаде «Дорогая моя» — одна из лучших книг республики. В 1972 г. в Душанбе на таджикском и русском языках вы-

шел сборник стихов «Песня дружбы». В нем опубликованы произведения известных поэтов республики: Мирзо Турсунзаде, Боки Рахимзаде, Мумина Каноата, Гулчехры, Абулкосима Лахути и др. Выходят в Ашхабаде миниатюрные книги и общественно-политической тематики.

К сожалению, очень мало миниатюрных книг издается в таких союзных республиках, как Азербайджан, Киргизия, Молдавия, Узбекистан. Будем надеяться, что в ближайшие годы миниатюрные издания этих республик займут достойное место в ряду других подобных изданий братских народов. Особенно это пожелание относится к издателям и полиграфистам Киргизии, которые даже в грозные годы войны выпускали прекрасные миниатюрные книги.

О миниатюрных изданиях военных лет мы знаем пока очень мало. Известно лишь около двух десятков книг, половина которых датирована особенно трудными для Родины 1941—1942 гг. Это сборник частушек «В бой за Родину» (1942), изданный в Архангельске, книга Б. Горбатова «О жизни и смерти», напечатанная в Ворошиловске (1941), сатирические стихи «Будет Гитлеру крышка» Г. Крейтана (1942), изданные тбилисской газетой «Заря Востока» 25-тысячным тиражом, и ряд других изданий. Миниатюрные книги, изданные на фронтах Великой Отечественной войны и в партизанских отрядах, в тылу врага, представляют для нас особую ценность. Необходимо приложить все усилия, чтобы было найдено их как можно больше.

Пусть не сетует на нас читатель, если не обнаружит здесь той или иной известной ему миниатюрной книги, размер настоящей статьи не позволяет упомянуть каждое название, да мы и не ставили перед собой такой задачи. Важно было дать основные направления, по которым развивалась и развивается советская миниатюрная книга, и проиллюстрировать этапы этого развития, назвав отдельные, наиболее характерные издания.

Интерес к миниатюрным книгам за последнее время особенно возрос, в ряде стран в 70-х гг. возникли десятки клубов любителей этих изданий. В СССР первый такой клуб начал свою деятельность в Москве в 1971 г.; ныне на его базе Центральное правление союзного добровольного общества любителей книги создало научно-методическую секцию миниатюристов страны. Кроме Московского клуба, с его помощью организованы и начали работать четырнадцать секций-клубов любителей миниатюрных книг. По решению

ЦП ВОК секции миниатюристов будут организованы во всех союзных республиках, что позволит объединить собирателей этого вида изданий в единую организацию и вместе с одноclubниками по интересам в братских социалистических странах в ближайшие годы организовать первую в мире международную выставку миниатюрных книг стран социалистического содружества.

За последние годы миниатюрные книги как особый вид печатной продукции получают научное признание: впервые в истории о них шел разговор на секции теоретических проблем библиофильства Второй Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения в Москве (апрель 1974 г.); в издательстве «Книга» (1975) вышел двухтомный библиографический указатель «Миниатюрные книги СССР» — первая в мире общенациональная библиография отечественных миниатюрных изданий с начала их появления до нашего времени (1788—1974).

Москва

Библиотека и студия

А. Сидоров
чл.-кор. АН СССР

МОСКОВСКИЕ КНИГОЛЮБЫ

Страницы воспоминаний

Случайно ли, что для меня первую общественной организацией, первым коллективом, созданным в условиях Октября, оказалось объединение собирателей, в первую очередь — книги? В более раннем месте моих «Воспоминаний»¹ упомянуто было и Общество любителей старины и Выставка «красивой книги» 1918 г. Здесь надо говорить о другом: о круге лиц, связанных культурными интересами к благороднейшему созданию человеческого гения — к книге. «Книга — огромная сила», — сказал Луначарскому Ленин...

Свою работу, посвященную портретным зарисовкам друзей по литературе, В. Г. Лидин назвал «Люди и книги». О советских библиофилах начала XX в., включая сюда и 1920-е гг., рассказал П. Н. Берков, обильно используя рукописные материалы современников. На эти темы я часто говорил на мемориальных вечерах разных лет. В серии «Деятели книги» и, увы, в некрологах, частых в сборниках, посвящаемых книжному делу, даны подробные, документально обоснованные сведения о людях, без труда которых, порою весьма заметного, иногда скрытого в тени повседневной работы, не существовала бы в том виде, как она есть сейчас, культура книжного дела нашей страны.

И вместе с тем говорить о людях и о книгах начальных этапов развития советского строительства Нового, небывалого Мира и Дела — все еще надо. Для меня, как современника 1920-х гг., через полсотни лет имена авторов полузабытых книг, участников любительских редкостных сборников и журналов (ценных ли? — это другой вопрос), — живы, за ними встают конкретные, индивидуальные личности с разными судьбами, с различными положительными (или не

---

¹ Альманах библиофила. Вып. 3. М., 1976, с. 17—31.

очень положительными) чертами характера, с заслугами, порою забытыми или не известными, но такими, что о них надо знать всем, с промахами, о которых надо уметь столь же тактично сказать или умолчать. В одной из своих книг А. Б. Чаковский приводит эпитафию на могиле некоего (реального? изобретенного автором?) ученого: «Здесь лежит тот, кто никогда не боялся делать ошибок и не боялся в этом признаваться». Цитата приведена по памяти... В ее свете мне и надо и хочется «оживить» иные имена друзей моих тех лет, в первую очередь друзей книги 1920-х гг., насытить рассказ живыми чертами, теми характерными штрихами мелких или важных фактов, которые как то самое «чуть-чуть», что надо, по словам живописца Карла Брюллова, добавить к портрету, — как «изюминка» в характеристике персонажа литературного произведения, поминаемая Львом Толстым...

Удастся ли это — иной вопрос...

О попытках создать объединения или кружки книжного, библиографического (основанного давно, с 1900 г. существовавшего при Университете) или даже чисто библиофильского характера, как я уже говорил, подробно повествует в своей незаменимой книге П. Н. Берков. Начало 1920-х гг. ознаменовано было и выходом в свет ряда книг о книге, теоретических, методологических, разных: имена М. Н. Куфаева, А. М. Ловягина, Н. М. Сомова и еще других вызывали интерес и дискуссии, — но не в «наших» рядах. Нас, мое поколение, группу старших товарищей, связанных с книгоиздательством (А. М. Кожебаткин и Д. С. Айзенштадт вкуче с молодым «богачом» Вишняком издали в 1917 г. мои книги о Бердслее и Родене под фирмою «Венок»), с книготорговлей, вовсе не только антикварной, с книгособирательством, интересовала именно книга, вновь отысканная старая или только что выпущенная новая. Лики книголюбия — тысячеобразны. Можно думать, что люди, самые разные, любили, ценили книгу, относились к ней каждый по-своему. Двух *абсолютно* во всем похожих библиофилов я на своем веку не встречал! Одни в книге видели только «лекарство для души», утверждая, что целебное средство может быть одинаково бесценным в флаконах различнейшего вида, на который внимания не обращают те, кто нуждается в содержимом их. Другие «любовались» внешностью. «Красавец-книга», — выразился один мой друг поэт о томе XVIII в. в цельнокожаном красном переплете. Третьи в книге искали толь-

ко имя ее автора или знаменитого издателя, еще иные — художника. И все же семья любителей, друзей, поклонников книги была налицо во всей ее многоликости и частой несогласности. Библиофилия как любовь к книге отождествлялась и с наукою точной библиографии и со страстью собирательства чего-либо — марок или фарфора. В Обществе любителей старины книги на аукционах попадались рядом с чашками старинных сервизов, в Библиографическом обществе качество издания оценивалось по его полноте. Слов Ленина, написанных еще в конце XIX в. мужу сестры: «Типографская аккуратность и изящность издания очень важны», — мы тогда не знали.

А потребность в объединении лиц, книги любящих, изучающих, интересующихся ими, нарастала. После вызвавшей общее сожаление смерти первого защитника у нас термина «книговедение» Н. М. Лисовского, сам председатель библиографического общества, всеми любимый и уважаемый Б. С. Боднарский говорил мне, молодому приват-доценту, о желательности иметь рядом с «ученым» еще и «любительское» общение книжников между собою. А переехавший из Петрограда В. Я. Адарюков в кругах Отдела по делам музеев Наркомпроса, в отделе гравюр Румянцевского музея рассказывал о старом петербургском «Кружке любителей изящных изданий», кончившем свое существование вместе со старым, дореволюционным строем, рассказывал, скорее, скептические анекдоты — о «долговязом» Евграфе Рейтерне, прозванном Жирафом Жирафовичем, о бежавшем от революции при помощи контрабандистов богаче-книголюбе В. А. Верещагине, о «казаке-генерале Жане Орлове» и других знатоках старой русской иллюстрированной книги, игнорировавших и современность и допетровскую Русь. Но, думается, главная причина, обусловившая создание нового, серьезного, объединившего всех нас «Русского общества друзей книги» лежала в том, что Москва тогда, кризисная и полуголодная, была буквально наводнена книгами — ликвидированных и перевезенных в Москву из окрестных усадеб, поместий, монастырей библиотек, что выбрасывались на рынок целые библиотеки, потерявшие своих прежних владельцев, что торговали книгами все и везде, обменивая их на продукты питания.

Централизованный книжный фонд обслуживал государственные учреждения, музеи и библиотеки и все-таки оставался неисчерпаемым.

Я помню эпизоды начала 1919 г., когда был я еще библиотекарем Музея изящных искусств при Московском университете. Зима. Подсобного рабочего персонала или какого-нибудь транспорта нет. Наш милый директор В. К. Мальмберг мне сказал: «Берите санки и поезжайте на Садовую за книгами». Это значило, что я должен был взять маленькие салазки для перевозки дров и тащить их с Волхонки на Садовую-Кудринскую, что я и исполнил, снабженный неким мандатом. Был молод и здоров, московские улицы вполне безопасны для движения, просто пустынно. Я бодро двигался с салазками через Москву и в одном большом пустом доме на Садовой помню зал, посередине которого — навалом пирамида книг в кожаных переплетах. Милая девушка (она оказалась дочерью бывшего в свое время сосланным в Сибирь сановника Лопухина, разоблачившего провокатора Азефа), проверив мой мандат, сказала, указав на груды книг посередине зала: «Выбирайте». Это были остатки того библиотечного «приусадебного» фонда, которые были свезены на Садовую после того, как лучшее и наиболее нужное уже отобрали Румянцевская и Университетская библиотеки. Помню разрозненные фолианты в кожаных переплетах XVIII в. с суперэкслибрисами, «увражи» главным образом французские, книги по архитектуре и по каким угодно темам. Редкости, действительно, не попадались, но тащить обратно с Садовой на Волхонку салазки с грудой книг, в каждой из которых — либо экслибрис с гербом старинного рода, с таблицами гравюр на меди, воспроизводящими старых мастеров, либо иллюстрации, посвященные городам или дамским модам, было и трудно и приятно. Физической такой работы чуждаться тогда не приходилось никому.

И был особый «спортивный» или романтический азарт и восторг в поисках старой, неожиданной, неведомой или, наоборот, давно желанной и искомой книги в развалах Смоленского рынка, в опустелых залах брошенных владельцами усадеб, в квартирах Москвы, где соседи предлагали «разобрать» остатки имущества бывших владельцев. Советское государство рано и правильно навело порядок в распределении библиотечных фондов. Отдел по делам музеев Наркомпроса, где работала наша историко-художественная университетская молодежь, сделался центром встреч и местом увлекательнейших рассказов о поездках в Подмосковье и отдаленные центры, где могли сохраняться книжные и галерейные художественные ценности. В Отделе

этом, помещавшемся в Мертвом переулке Кропоткинской улицы, я познакомился с В. Я. Адарюковым, там работали МИХИМ и СЕТИМ, там зародился и РОДК — Русское общество друзей книги, создавшееся просто и легко после встреч В. Я. Адарюкова с Б. С. Боднарским, с Обществом любителей старины, с работниками библиотек.

А главное — это масса книг, которые требовали распределения, учета, оценки, изучения! Остатки «книжного фонда» с Садовой нашли себе последний приют в одном из получердачных помещений Академии художественных наук на Кропоткинской, но еще долго можно было там рыться среди сотен старых разрозненных томов, находя и кое-что неожиданно интересное. Перешедшее в настоящий культ собрание экслибрисов, в первую очередь старинных, гербовых, рождалось как раз тогда, питалось теми же истоками, как и рождавшееся Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ), объединившее иные «наши» кадры, как журнал «Среди коллекционеров», бывший, ставший и остающийся доселе источником многих сведений по истории молодого советского коллекционерства, собирательства иного типа и назначения, нежели было оно до Октября.

Не «снобизм» собрания и хранения редкостей, а стремление сберечь памятник культуры и использовать его в интересах строительства Культуры Новой руководило нами (если не всеми, то многими из советских собирателей Искусства и Книг)...

В маленьком, ныне ненаходимом издании «Русское общество друзей книги», выпущенном в 1922 г., упоминается дата — 20 сентября 1920 г. — как первое собрание группы основателей будущего Общества. Четыре имени — они и в моей памяти подтверждены — В. Я. Адарюков, Д. С. Айзенштадт, А. М. Кожебаткин и я. Представители музейного мира из Петербурга — Петрограда и Москвы (Адарюков и я) — пайщики «Книжной лавки поэтов», бывшие издатели «Венка», каждый знавший и любивший книгу по-своему. Да, нужно было новое объединение. Не ученый СЕТИМ и не специально-библиографическое общество, уже бывшее налицо. Слово «библиофилия» оказалось нерусским и несовременным. «Друг книги»... название родилось само собою. И в противовес петербургскому «Кружку любителей изящных изданий», или московской Выставке «красивой книги», или Обществу любителей старины — *друг Книги* всякой,

старой и новой, по-своему оказался термином самым простым и емким.

Ибо книголюбие, любовь к книге, потребность в ней, общения с нею, стремление иметь ее постоянно с собою или столь же постоянно любить изучение старинных или недоступных изданий в тихих залах общественного книгохранилища — тысячеобразны. Была, оставалась, одинаково жила в каждом из нас своя и подлинная любовь к книге! А главным, простейшим и человечнейшим из всех слов о книге, которых сказано неисчерпаемо много, остается, может быть, старинное (кем впервые выраженное?) французское речение: «Если ты любишь книги — ты мой друг!»

Мы и назвали общество Русским обществом друзей книги — РОДК. Был выработан устав, представленный на утверждение целым рядом деятелей культуры, стоявших на советской платформе, в основном деятелей Отдела по делам музеев (И. Э. Грабарь, А. М. Эфрос), профессоров, писателей, артистов. Среди подписей «учредителей» была и моя подпись. 9 октября 1920 г. было выбрано правление РОДК в составе, предварительно обдуманном инициативной группой и активистами Отдела музеев. Состав первого правления стоит помнить: для меня каждый его сочлен — живой человек. Первым и до конца бессменным председателем правления РОДК был единодушно избран В. Я. Адарюков, старейший среди нас. Его «товарищами» — М. П. Келлер, как несравнимый ни с кем знаток западной книги, и А. М. Кожебаткин — русский, бывший деятель издательств и в то время владелец превосходной библиотеки. Меня, как имеющего звание профессора, избрали ученым секретарем, секретарем-делопроизводителем — Н. В. Власова, всеобщего популярного работника Отдела по делам музеев, хранителя пустовавшего тогда здания бывшего знаменитого московского «Английского клуба» на Тверской, предназначенного для Музея истории Москвы, ставшего Музеем Революции, «казначеем» — А. М. Макарова, одного из деятельнейших сочленов общества, членами правления — Д. С. Айзенштадта, ставшего его, может быть, подлинною «душою», и двоих деятелей Отдела по делам музеев — Н. Г. Машковцева, искусствоведа, и Н. Б. Бакланова, ученого историка архитектуры, вскоре, однако, переехавшего в Ленинград. Не все члены правления были в новом обществе активны. Н. Г. Машковцев, кого знал я длительно, себя «нашел» значительно позднее, в Академии художеств

1940-х гг., в 1920-х работал в Третьяковской галерее. Настоящим «книжником» Н. Г. Машковцев не был. Не столь долго оставались «товарищами председателя» М. П. Келлер и А. М. Кожебаткин. Подлинным, длительным, авторитетным и активным членом правления, заместителем В. Я. Адарюкова, а, быть может, в конце десятилетия настоящим руководителем общества стал П. Д. Эттингер. Функции «главного специалиста по русской книге» сохранял В. Я. Адарюков, по западной именно П. Д. Эттингер; М. П. Келлер довольно скоро покинул Москву и распродал свою библиотеку, причем ряд изданий, в ней хранившихся, попал ко мне. На почве персональных, для меня оставшихся неясными, столкновений не был переизбран на свой пост А. М. Кожебаткин, другом книголюбия оставшийся, но вынужденный продать свою библиотеку, причем разными путями и ко мне попала ее значительная часть — по существу никому в годы ранней революции неинтересные иноземные философские и близкие к ним творения таких писателей, как Яков Беме или Эммануил Сведенборг, — бывшая, по словам Кожебаткина, раньше собственностью Владимира Соловьева, философа, поэта и мистика, авторитетного в годы раннего символизма, значит и для меня...

... Но это все — как бы внешнее. О РОДКе имеется уже целая литература, но живые люди его с их «изюминками» и живыми деталями влекут меня к себе больше...

В. Я. Адарюков — естественно первый из друзей моих по книголюбию 1920-х гг., чьи «лирические» портреты (нет, только не «дружеские шаржи», какие можно приложить к ним) я попытаюсь дать... Бывший кадровый военный, причастный к петербургскому «свету», В. Я. Адарюков принял советский строй прямо и честно, давно уже со службы перейдя и в Петербурге в музейный мир. Его специальностью, в какой он имел мало соперников, сделалась портретная печатная графика. В графике — до него почти не изученная литография, искусство XIX в., станковая, скорее нежели книжная. Был В. Я. Адарюков, который по годам мог быть мне отцом, моим личным откровенным другом, моим «председателем» по РОДК, моим сослуживцем по кабинету гравюр слитого с Музеем изящных искусств в 1927 г. Отделения искусств Румянцевского музея, где работал до тех пор В. Я. Адарюков. Ни малейшего конфликта не возникало между нами, хотя в годы музейной работы В. Я. Адарюков однажды сильно «подвел» меня, дав для одной эпи-

зодической выставки в Доме ученых совсем неподходящий портретный материал. Адарюкова я искренне любил и ценил за его дружелюбность и открытость, ясную память и нескрытый критический ум. Обреченность царистского режима он видел и не жалел о его гибели. Вспоминал один эпизод. Был он, оказывается, очевидцем (как и известный советский писатель, мемуарист А. А. Игнатьев) церемонии коронации Николая II в Кремле. Рассказывал, как были расставлены там вдоль дворцовых лестниц в роли часовых солдаты — кирасиры в полном обмундировании, обязанные неподвижно стоять неопределенное время в течение торжеств дня и ночи, как — характерно для исключительной безалаберности всего происходившего — забыли сменить один из караульных постов — и рухнул на ступени лестницы, загрохотав оружием и кирасой потерявший сознание часовой... «Мне, и не только мне, показалось это плохим предзнаменованием для начинающегося нового царствования», — рассказывал мне Адарюков.

Был он, конечно, настоящий друг книги. В Петербурге собрал значительную для своего времени историческую библиотеку, с особенным вниманием относился к истории и биографиям декабристов, которых он подлинно читал. Собрал все, что можно было из литературы о декабристах, в том числе иноземной. Встречался (точнее он об этом мне, к сожалению, не рассказал) с Л. Н. Толстым как раз на почве интереса знаменитого писателя к деятелям 14 декабря 1825 г. Великолепно владея французским языком, познакомился В. Я. Адарюков и с Анатолем Франсом. Свою библиотеку должен был продать перед переездом в Москву, поступила она в ленинградскую Публичную библиотеку. Как ученый и «портретовед» был В. Я. Адарюков в Москве хорошо знаком с работами историков революционных движений, ценим ими (в частности, известным историком-марксистом С. И. Мицкевичем). Но был именно знатоком, не искусствоведом, обобщений чуждался и к теоретическим проблемам книги, споры о которых в 1920-е гг. то вспыхивали очень ярко, то затухали, — относился «со стороны». Но не к людям. Неизменно доброжелательный и вежливый, он оставил по себе чудесную память у всех его знавших и прощавших ему его слабости («изюминки») — чуть нафабранные черные усики, известного рода галантность к дамам, любовь к «преферансу» по вечерам и собирание гербовых экслибрисов. Был В. Я. Адарюков в Москве собирателем

именно книжных знаков — не книг, превосходным каталогизатором портретов и первым в музейном мире стал для гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств собирать вырезки портретов, гравированных на дереве, из старых иллюстрированных журналов, безжалостно уничтожая их ножницами ради какой-либо портретной физиономии... Оставил автобиографический очерк и воспоминания о встречах и знакомых по дореволюционной художественно-музейной жизни Петербурга-Петрограда...

Его полным антиподом был для нас и для меня лично второй по величине деятель РОДКа, на два года младший, чем В. Я. Адарюков, — Павел Давидович Эттингер, поляк — по месту рождения, безупречный полиглот и служащий в Международном банке, не в музее или в каком-либо институте, по призванию журналист, а по влечениям друг и собиратель искусства, знакомый со всеми художниками Москвы, Ленинграда и большинства зарубежных центров, представитель в нашем кругу интернациональных интересов. Впрочем, интересовался П. Д. Эттингер всей современностью и в этом был скорее противоположностью В. Я. Адарюкову, историку, не критику. Сближала их, скорее, не книга, а гравюра, причем все симпатии В. Я. Адарюкова влекли его к Ровинскому, к XIX в., к иконографии, к портрету, а симпатии П. Д. Эттингера были отданы, скорее, «модерну», во всяком случае современности и новой московской школе, в частности — молодежи. П. Д. Эттингер был всю жизнь холост, жил один в большой комнате, получившей известность как «пещера Эттингера», где не помнятся мне лично книжные шкафы, но были большие столы с наложенными на них в порядке, ведомом, возможно, только владельцу, пачками книг, исключительным подбором иностранных художественных журналов, каталогов, проспектов, альбомов, вырезок и писем. Не менее общительный, нежели Адарюков, был П. Д. Эттингер сотрудником всех и всевозможных органов художественно-научной информации. Когда в начале Октябрьской революции наши зарубежные враги стали распространять клеветнические рассказы о «грабеже» музеев и о гибели культурных ценностей в молодой Советской стране, именно П. Д. Эттингер первым сумел дать на Запад правильную информацию об огромных обогащениях наших музейных и библиотечных хранилищ. Не случайно в более позднее время именно П. Д. Эттингер получил от дружественной нам социалистической Польской Народной

Республики правительственную награду. Живой, чудесный собеседник, был Эттингер более «душою общества» в среде художников, нежели ученый Адарюков.

Надо ли насыщать «Воспоминания» мои статистикой и тематикой докладов РОДЖа? Имеется и их статистика и их характеристика в печати и в неопубликованных рукописных архивных материалах. Мне, в известной мере, не терпится перейти к более персональным аспектам «Воспоминаний»...

Но начну я все-таки с эпизода моих личных книгосборов и с милого «синьора Павэтти», как в шутку мы называли «вполне интернационального» Эттингера. Однажды в гостях у него я, в его небольшой по числу томов, но совершенно уникальной по качеству и редкости подаренных ему или полученных из-за рубежа книг по искусству, обнаружил неизвестную мне монографию о собираемом мною художнике. — «Нельзя ли ее у Вас выменять? Или приобрести?» — «О нет, — с улыбкой отвечает Эттингер. — Это и о книгах сказано: не пожелай подругу ближнего твоего». Я — «отстал». Через некоторое время Эттингер видит у меня экземпляр «Анекдотов» Гильома Аполлинера. — «Подарите мне их», — просит он с дрожью в голосе. «Пожалуйста, берите», — отвечаю я «великодушно». Со вздохом беря книжку, ему более интересную, чем мне, и вспомнив свою ветхозаветную заповедь, Эттингер говорит: «Вижу и запомню, что и закон допускает исключения»...

А кто и когда отработывал «законы книголюбия»? Где границы между библиофилией и библиоманией, не останавливающейся и перед книговоровством? Увы, на выставках книг, устраиваемых в РОДЖе, и на «обменах книг» случались, правда очень редкие, пропажи книг, и особо — с авторграфами... Моя личная библиотека, на которую я имел «охранную грамоту», ныне не досчитывает иных, как раз уникальных экземпляров... Кому они понадобились, кроме знатоков? ...Нет библиотек без пропаж книг, нет музеев без гибели или порчи картин.

Для РОДЖа я лично писал дружелюбно-шутливые стихи с «портретами» моих друзей, наших руководителей. Они долгое время были забыты и помнились до последнего времени только немногими. Были отпечатаны в минимальном числе экземпляров, считались справедливо «редкостями». В настоящее время широкого распространения библиофилии появились — абсолютно без моего ведома — их «новоделы»,

кем-то, как-то произведенные их факсимильные перепечатки, легко отличимые от первого издания тем, что не имеют они, не могут иметь моей авторской дарственной надписи, которую я снабжал каждый экземпляр моей «Кантаты» в честь основателей РОДКа и «Нового отрывка из „Дома сумасшедших“» для всех его сочленов...

Обычай товарищеских встреч, ужинов вскладчину, вечеров в честь таких заслуженных членов РОДКа, как М. В. Сабашников, вошли сами собою в обиход жизни Общества. Оно стало и осталось по-настоящему Обществом *Друзей* книги — и друг друга. За одиннадцать лет его существования при наличии свыше 100 активных его сочленов (не считая весьма многочисленных гостей) я могу вспомнить только два случая выхода из РОДКа его участников: неясный некий «скандал» с А. М. Кожебаткиным как раз на одном из вечеров РОДКа (в помещении, помнится, Архитектурного общества) и «объявленный Обществу бойкот» (как выразился Д. С. Айзенштадт) со стороны Н. Н. Орлова, предложившего правлению избрание в почетные члены одного весьма мною ценимого деятеля, который, однако, членом РОДКа и активным книжником не был, почему П. Д. Эттингер довольно решительно высказался против предложения Н. Н. Орлова, обидев, естественно, последнего...

Были в РОДКе доклады, самые разные, высокоинтересные по научно-литературному содержанию (хотя бы пушкинские и толстовские по теме, прочитанные такими авторитетными специалистами, как проф. М. А. Цявловский), по истории книги, отечественной и зарубежной (их было не столь много, но доклады М. П. Келлера, А. М. Эфроса, Я. П. Мексина запомнились), по искусству и о его деятелях, так или иначе связанных с книгой. Устраивались в связи с юбилейными датами — и без них — вечера чисто литературные с чтением произведений новых и старых. В жизни РОДКа принимали участие и писатели, и артисты, и художники. П. Д. Эттингер здесь начал свою пропаганду гравюр Фаворского с его «инициалов» для неизданного «Аббата Куаньяра» Ан. Франса и кончая прекрасно изданным РОДКом в конце его существования «Домиком в Коломне», к которому добавил В. А. Фаворский свои замечательные гравюры — «маргиналии». Когда в начале 20-х гг. в Москве работала Польская комиссия для приема передаваемых Советским Союзом Польской Республике культурных ценностей, ранее эвакуированных из Польши, П. Д. Эттингер ор-

ганизовал настоящую «культурную победу» Москвы над Польшей, побудив польских специалистов заказать для себя экслибрисы московским мастерам новой, начинающей процветать гравюры на дереве — В. А. Фаворскому, А. И. Кравченко, Н. Н. Купреянову. И сам РОДК надолго и серьезно заинтересовался экслибрисом, собирательством старого, созданием и изучением нового, отечественного и зарубежного. Я лично в одном из дружески-шутливых изданий, какие осуществлял при РОДКе главным образом Д. С. Айзенштадт, поместил стихотворную «оду экслибрису»...

Было в РОДКе место веселью, дружеской шутке, но суть всего Общества была серьезна. Я позволю себе привести здесь единственный пример моего литературно-поэтического «творчества» ранних 20-х гг. Когда вышло 2-е очень немногочисленное издание моей «Кантаты» в честь учредителей РОДКа, то один экземпляр ее был предназначен для продажи на аукционе, и на нем я оставил доселе памятный только мне одному автограф:

Кто б ни был ты, купивший это
Веселья и вина дитя,
Здесь высказанного завета
Не думай обойти, шутя!
Покорен будь любому мигу,
Жди нам обещанной зари —
И, как и мы, любовью КНИГУ
Единую боготвори!

Стихов о книге всех времен и народов такое множество... В РОДКе их помимо меня писал один из активнейших сочленов «ядра» Общества И. К. Линдеман, в прошлом инспектор в одном московском учебном заведении, историк литературы, работник ГАХН, в РОДКе ведший его протоколы (где они ныне?). Его произведения были преимущественно персональными эпиграммами. По летам И. К. Линдеман (родившийся в 1860 г.) был старше всех активных членов РОДКа. Он был, возможно, неплохим человеком, но явно не «нашего» поколения. Над увлечением экслибрисами он смеялся. Но к РОДКу относился свысока и игравший в литературно-художественной Москве видную роль А. М. Эфрос. Побывавший в Париже, сделавший небезынтересный доклад о новой французской книге, он на одном из «вечеров» РОДКа произнес запомнившийся экспромт:

А вы, друзья, как ни садитесь,
Все ж в иностранцы не годитесь!

«Быть иностранцами», конечно, не претендовали участники демократического крыла РОДКа. Молчаливый, погруженный в себя и в исключительно старопечатную и рукописную книгу М. И. Чуванов, один из немногих здравствующих ныне сочленов РОДКа, собравший изумительную библиотеку, «старообрядец», собиравший, однако, и автографы русских писателей; искренний почитатель Пушкина и его эпохи, скромный служащий, кажется бухгалтер некоего учреждения Ив. Ник. Жучков; другой добродушный толстяк из той же среды некрупных служащих И. В. Калашников — наиболее аккуратные посетители всех заседаний РОДКа, подлинные бескорыстные друзья книги, собиратели скромные, в прениях и с докладами почти не выступавшие, — как много дали они созданию того, что было в РОДКе главным: дружественной подлинно среды, единства членов Общества на почве любви и уважения к книге!

Были в РОДКе и другие лица. Все любили и уважали всегда милого, добродушного, всех примирявшего Д. С. Айзенштадта, чуждого «диктаторских» замашек, порою проглядывавших в П. Д. Эттингере, и некоторого «аристократизма» — у Адарюкова; всегда ровный, очень находчивый и остроумный в беседе, отнюдь не ученый, был Д. С. Айзенштадт прекрасным знатоком русской книги. Как один из руководителей Московской букинистической торговли и после конца РОДКа, в 30-е гг., он приглашал к себе «на чашку чая» иных близких прошлому друзей книги; мне лично было ходить к нему неловко... Мы очень ценили М. А. Цявловского, главу русских пушкинистов, П. Н. Миллера, главу всех знатоков старой Москвы.

Двое из сочленов РОДКа в памяти моей стоят особняком, совершенно друг на друга непохожие. Михаил Ильич Щелкунов, типографщик, медведь по наружности, неуклюжий и порою бестактный, но лучше всех нас знавший типографское дело, полиграфист классической школы, выработавший десятки правил для построения книги, какой она должна быть, в силу этого — хороший педагог, а как собиратель — преклонявшийся перед старыми французскими знаменитыми изданиями. Я не забуду, как, узнав через меня, что мой студент А. Н. Греч достал в своих поездках по Подмоскovie два (!) «бесхозных» экземпляра «Сказок» Лафонтена издания 1762 г., добился, чтобы я свел его с небрежно относившимся к найденным сокровищам Гречем, как он за «приемлемую» цену приобрел одну из «Сказок» и

искренно ее поцеловал... С М. И. Щелкуновым как с одним из немногих теоретиков книгоделания, «книги — как произведения мастерства» и вместе с тем как с искренне пытавшимся книговедение направить на пути марксистской социологии, многие спорили, как и со мною лично, с 1921 г. начавшим свою многолетнюю борьбу за ИСКУССТВО книги... РОДК в общем держался в стороне от теоретизирования. Любовь к книге, ее собирательство, романтика находок, весть о том, что на Сухаревке (кажется) найден том сочинений пресловутого маркиза де Сада с автографом наполеоновского маршала Нея, — волновали больше умных систем и учений о том, какую книгу следует считать «редкой»...

Том Сада с автографом маршала Нея, найденный в Москве (было высказано предположение, что происходила книга из знаменитой библиотеки Бутурлина, погибшей в 1812 г., и что Ней ее случайно нашел в Москве, расписался на ней и тут же бросил), не фикция. Самой книги я не видел, но ее подробное описание помещено в рукописном каталоге собрания «запретных книг», который я, получив его от одного академика, передал в Отдел редких книг Ленинской библиотеки. Владелец «запретной библиотеки» членом РОДКа не был, экземпляр с автографом наполеоновского маршала, как и многие иные раритеты, очевидно, ускользнул по частным каналам за рубеж...

Но я лично никогда не охотился за редкостями и ценностями в книгах и экслибрисах, даже в рисунках, интенсивно собирать которые я стал в те годы. Я в книге никогда не интересовался ее антикварно-каталожной ценой, любил книги скорее «средней» цены, не брезговал дефектными экземплярами, любил книгу самую разную: для серьезного размышления над нею, для извлечения из нее необходимых сведений, ради ее увлекательного рассказа, ради ее эстетического качества, слиянности формата, качества бумаги и шрифта с содержанием сочинений любимого автора.

Мои друзья по РОДКу настоящим «библиофилом» меня не считали. Моя библиотека и сейчас, через 50 лет, значительно изменившаяся, остается «странноватой». Рядом с вполне солидными книгами академического, научного содержания в ней много литературы для легкого чтения, хотя бы английских детективов. Я не слишком «держался» за книги. Не продавая их, менялся или просто жертвовал, дарил кому-либо ненужное мне из накопленных книг.

Жалеть о книге, «ускользнувшей из-под носа», я умел.

Но всегда был рад, когда узнавал, что эта, желанная для меня книга, гравюра или произведение графики попадали не в какие-либо частные и скупые руки, а в государственное хранилище, где я мог как-либо с ними встретиться вновь!

Все это, конечно, индивидуально. Рядом со мною в РОДКе были энтузиасты, готовые отдать последнюю копейку за прижизненное издание Пушкина или за книгу с автографом любого известного писателя. Энтузиастов, фантастов или просто чудаков я любил! Моим, может быть, самым личным, близким другом был в 20-е (и потом в 30-е) гг. Максимилиан Яковлевич Шик, полунемец, ибо воспитывался он в Берлине, прославленный подлинно безупречными переводами с русского языка на немецкий любых книг. Нас сблизила с Шиком в первую очередь эта художественная германистика, в которой не было ничего ультранационалистского. А потом — книги! Шик, невысокого роста, со шрамом на щеке от студенческого сабельного поединка, как «вольнопределяющийся» в царское время служивший в гусарах, здоровый, всегда веселый, двуязычно-остроумный, был в свое время сотрудником символистских «Весов», другом В. Я. Брюсова и его вдовы. Подобно П. Д. Эттингеру, он безупречно владел западными языками. Более высокообразованного, самобытного и разностороннего человека было бы трудно найти. Очень знающий, он своими сведениями не «бравировал», но делился со всеми охотно. Он восстанавливал передо мною живые картины 5-летия 1904—1909 гг., а затем зарубежную жизнь особо Берлина и Вены. Он был близко знаком с рядом известнейших немецких поэтов, писателей и деятелей театра тех лет. Был М. Я. Шик хорошим знакомым знаменитого английского режиссера и художника Э. Г. Крэга, и все это подавалось Шиком в виде живой и содержательной беседы, в репликах и цитатах, — всегда блестящих. Ему надо было бы писать мемуары — если бы не страсть к собирательству, к «застолью», к чему угодно. В годы РОДКа он, в поисках книг, чем занимались все мы для себя и других, открыл чудесный мир французской романтической книги и сделал это более как историк искусств, иллюстрации и издательского дела, нежели как литератор. Работать рано он начал в «Международной книге» и охотно уступал мне за низкую плату то, что международной торговле не годилось: разрозненные тома разных изданий, дефектные экземпляры или сочинения писателей, за которыми укрепилась репутация «мистиков», символистов или «почитаемых в кругах

масонов» писателей-спиритуалистов старого и нового времени. Меня влекли «готические», как их называли в Англии, полуфантастические книги «полуромантиков» со всякими фантастическими в них чудесами, не менее, нежели чистый детектив. Не столь большая, но прекрасно подобранная его библиотека романтиков соблазняла и меня и мастера деревянной гравюры А. И. Кравченко своею полнотой, доброкачественностью экземпляров и их сохранностью. Когда в конце 1920-х гг. Русское общество друзей книги перестало существовать, М. Я. Шик передал свою коллекцию романтиков в Ленинскую библиотеку, а сам перешел к собиранию марок, став одним из ведущих филателистов страны...

И еще были в РОДКе у меня друзья, с кем я сохранял связь и потом. А. М. Макаров, скромный служащий, ставший странно (более мирного человека я не знал) специалистом по вещевой истории российских войск. Э. Ф. Ципельзон, книготорговец-антиквар, собиравший книги с автографами разных писателей и порою кое-что мне уступавший из ненужного. Художники младшего, но как раз не «левого» толка, — И. Ф. Рерберг, А. А. Толоконников. От первого я получил в подарок ряд иностранных экслибрисов; от второго — акварелей, доселе украшающих мое жилье... Но художников, как и профессиональных писателей, в РОДКе было не столь много.

Как дружеский союз подлинных любителей книг, разнородных их друзей, ценивших в книгах и содержание и искусство его оформления, РОДК и делал и сделал свое дело в советской культуре 1920-х гг. Он был лишен собственной издательской базы; но гостеприимный И. И. Лазаревский всегда был готов помещать о РОДКе интересную информацию. А самый конец Общества был ознаменован событием — выпуском «Домика в Коломне» с гравюрами на дереве В. А. Фаворского, одного из шедевров советского искусства книги вообще.

...И было в РОДКе много еще интересных и достойных внимания людей — друзей! С. Г. Кара-Мурза, оставивший о РОДКе свои воспоминания, широко и талантливо использованные П. Н. Берковым в его известной книге 1971 г.; в минувшем адвокат с обширной практикой, сердцем — театрал, жаждущий знать все о всех самое необычное (говорили, что он готовил книгу о знаменитых русских самоубийцах, против чего возражали издатели «из-за мрачности сюжета»), был С. Г. Кара-Мурза частым, но не постоянным гостем за-

седаний РОДКа, зато не пропускал ни одного «пира» и стал автором «присяжной» застольной песни этих собраний на мотив кавказского «Алла-Верды». Его оценки — портреты деятелей РОДКа — неполны, но дружественны и нужны. Упомянув о моих личных докладах в РОДКе, С. Г. Кара-Мурза рассказывает о том из них, который был посвящен внешнему оформлению английских детективов, в изобилии к нам тогда попадавших; я бы предпочел упомянуть другой мой аналогичный доклад, вызвавший резонанс и в немецкой прессе: об иллюстрациях к произведениям В. Я. Брюсова, где показывал я, как некий германский художник, иллюстрируя стихотворение Брюсова «Женщина и смерть», инспирированное немецкими сюжетами серий «Плясок смерти» Гольбеяна или Бальдунга, — «обрядил» образ смерти, появившейся красавице, в «казацкий» (!) костюм...

Собирать курьезы опечаток, афоризмы, стихи на темы книги и экслибриса было дополнительным и всегда интересным занятием членов РОДКа. Неистощимым в этой части был М. Я. Шик.

Я никогда его не забуду, как и других друзей и знакомых по РОДКу. Общество, как признано теперь всеми, безусловно много сделало для нашей культуры, не только книжной. В живых из его сочленов — около 150 человек — остаются, кажется, только трое, я в том числе...

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили —
Не говори с тоской: «Их нет»,
Но с благодарностью — БЫЛИ!...

А книги 1920-х гг.? О собирательстве членов РОДКа можно было бы написать особую работу, и она, конечно, будет выполнена. Мы все знали «кто что собирает». Были специалисты-собиратели определенной книги или области, но, например, М. И. Чуванов, житель Подмосковья, один из немногих ныне живущих и активных членов РОДКа, через 50 лет собирает так же, как и тогда, старопечатные русские книги и автографы русских писателей. М. Я. Шик до своей специализации на французском романтизме собрал (как и П. Д. Эттингер) современную иллюстрированную западную книгу (эту часть он уступил мне). Собирали особенно охотно русскую поэзию, и, конечно, издания пушкинской эпохи... На товарищеских аукционах РОДКа можно было найти что угодно!

И о самих аукционах этих, проходивших обычно шумно и весело, но без нездорового ажиотажа и без присутствия лиц со стороны, неизвестных, кто мог бы внести в дружеский книгообмен ноту спекуляции (она бывала вначале на аукционах Общества любителей старины, где можно было купить и рисунок старого мастера, и фарфоровую безделушку, и книгу). Аукционы РОДКа, чисто книжные, проводимые порою шутливым Д. С. Айзенштадтом, порою более деловитым М. И. Щелкуновым, не анонсировались широко, но были доступны всем желающим, и один из них попал в современную им беллетристику, откуда заимствовал ее картину (по моему совету) покойный П. Н. Берков в своей чудесной книге о нашем библиофильстве. На аукционах можно было, понятно, ознакомиться заранее с принесенным материалом, облюбовать себе для приобретения полюбившийся экземпляр и ждать с известным замиранием сердца, когда о его продаже будет доложено. Всякий собиратель знает этот предваряющей приобретение трепет, особенно если несколько человек наметили себе для приобретения одну и ту же книгу и начинается между ними бой — кто больше даст... Все может быть в таком соревновании и забавой и чем-то нездоровым...

Но главное все же — искать и находить! Очарование *поиска* может быть и «авантюрным», и очень серьезным, требовательным и длительным. Я знал лично все виды исканий определенной книги, в том числе и расспросы знакомых: «Не знаете ли вы, где можно достать такое-то издание? Не видели ли вы его в каком-либо магазине? Или у какого-либо вашего знакомого в частной библиотеке? Не уступит ли он его? На каких условиях?»

Любую книгу в трудные годы начала Революции можно было «выменять» на продукты, на какую-либо полезную вещь у случайных владельцев остатков библиотеки, у наследников книгособирателей, уехавших, эмигрировавших или просто девшихся неведомо куда. Можно было в ранний период РОДКа или Общества любителей старины услышать: «Умер такой-то гражданин. Осталась вдова, она нуждается». — «Адрес?» — Порою — удача: найден нужный том словаря или номер периодического журнала, за бесценку или нет, чаще всего за приемлемую цену. Лично я никогда не располагал большими денежными ресурсами и почему-то испытывал всегда нечто вроде личной неприязни, когда за книгу просили слишком большую цену. Мне всегда пред-

ставлялось, что книга, самая нужная, самая редкая и ценная, *должна* быть доступна по стоимости ее будущему владельцу. «Книга — не роскошь, а друг, она должна сама прийти к своему будущему обладателю, ее ищущему»...

Иногда так и бывало. Я знал и знаю эту радость доселе, когда — просматривая книги на полках, оставшиеся после смерти знакомого со-специалиста, вдруг видел книгу, которую искал порою долго, или издание, бывшее мне раньше неизвестным. И порою мог для приобретения нужного или просто желанного экземпляра дать любую цену, не торгуясь, — что я всегда ненавидел и не умел делать. Знал горечь, когда чудесная книга оказывалась или совершенно недоступной по цене, или чем-либо испорченной. Впрочем, я научился ценить и даже любить особой «жалостливою» любовью так называемые дефектные экземпляры, обычно дешевые, пренебрегаемые знатоками, а мне, их владельцу, все же дающие радость...

Но чтобы искать и находить — надо или иметь четкий план книгособирательства, или, наоборот, не иметь его вовсе, полагаться на случай. «Вдруг подвернется что-нибудь интересное.» Это чувство знакомо всем собирателям или охотникам за книгами, гравюрами, фарфором или каким угодно объектом коллекционирования. О подлинном великом наслаждении «рыться в книгах» говорил даже Карл Маркс, отвечая на «домашнюю анкету» о любимом занятии.

Но *случайное* приобретение даже подлинного книжного «сокровища» не так радовало меня (думаю, и всех библиофилов), как находение (не «находка», это другое понятие!) искомого и желанного издания.

Здесь моя повесть имеет право стать более конкретной. И неизбежно персональной. В процессе писания «Воспоминаний» этих, говоря как раз о собирательстве, отмечаю я, что *мое* собирание — и рисунков, о чем я написал особую книгу, и библиотеки — было, в сущности, совсем непохоже на то, как собирали свои гораздо более, возможно, ценные и целостные коллекции другие, знаменитые или менее известные, но дружественные мне по РОДКу и после него искатели книг и искусства. В воспоминаниях моих я именно сейчас обязан и «покаяться», и сознаться в моих пристрастиях, порою преходящих, и быть полностью откровенным с будущим читателем этих строк...

В свое время я писал о том воздействии, которое испытал, будучи совсем еще мальчиком, от двух «взрослых» иллюстрированных изданий — «кушнеровского» иллюстрированного Лермонтова 1891 г. (кстати — года моего собственного рождения) и полного русского «Дон-Кихота» с композициями Доре. Последнее издание (Вольфа?) я ищу до сих пор, по дороге подобрав достаточно много изданий «Дон-Кихота» на разных языках, в том числе замечательно воспроизведшее иллюстрации Доре латышское. Но русского «толстого» «Дон-Кихота» не нашел... Зато — какую радость испытал от кушнеровского Лермонтова в двух томах, интересного и по иллюстрациям всех именитых русских художников того времени! Но восстанавливать погибшую в годы еще гражданской войны библиотеку моего детства я не собирался никогда. *Сам*, еще гимназистом, начал собирать книги по истории Французской революции. Исторический раздел моей библиотеки, однако, не рос: студентом я стал по специальности историком нового, западного и русского, искусства, и с уклоном в сторону графики. Здесь собирание книг по специальности стало необходимостью и страстью, живою до конца!

И еще одна подлинная любовь: к поэзии. Не к ее истории, которую я уважаю, но входить куда не дерзаю. Я собирать стал и собираю доньше любимых поэтов, никак не претендуя на полноту подбора всех и всего. В этом рано стала проявляться индивидуальная черта моего собирательства книг, по поводу которой мне много приходилось разговаривать и в РОДКе и потом. Я полностью понимаю собирателей редкой книги и безоговорочно принимаю и уважаю собирателей прижизненных изданий определенного писателя. Но... условия денежные и хорошо всем москвичам ведомый недостаток места в жилище мало-помалу сделали меня — уклоняющимся от приобретения «*Полных собраний сочинений*». В поэтико-литературной, достаточно по численности почтенной части моей библиотеки, нет ни одного имени, писателя или поэта, из числа любимых или почитаемых мною, которое бы было представлено с исчерпывающей полнотою, столь ценимой настоящими книголюбями! Меня удовлетворяли *лучшие* из книг, скажем, Александра Блока или Достоевского. Пример *одного* из пушкинских «Северных цветов» мною и ценится и остается любимым, но *все* «Северные цветы» подобрались в моей библиотеке не пушкинские, а символистские XX вв.: был же я (о чем рассказал в другом

месте) причастен к молодой русской поэзии дореволюционных и довоенных еще лет...

Так и в области, которая стала моею специальностью как раз в 1920-е гг., осталась и будет моею основной темой собирательства, откуда жив я: история *искусства книги*. Не обязательно иллюстрированной, а типичной по качеству всего, что мы включаем в понятие *издания*: характерной по типографскому оформлению, художественно-эстетическому качеству построения («архитектура», или «конструкция» книги), шрифту, и, само собою разумеется, сопровождению текста изобразительным или декоративным, органически (или даже нет!) введенным искусством. Я стал первым профессором Полиграфического института, читающим курс «Истории оформления книги», — печатной, ибо объять необъятное нельзя. Поставил себе целью иметь у себя, дома, всегда под рукою, характерные для каждого века, стиля, страны *примеры* книг. Инкунабул я имел только одну — пример — и уступил ее А. И. Маркушевичу: помогать другим специалистам — товарищам по общей дороге и по единству цели — всегда было для меня радостью. В моей библиотеке имеются примеры разнотипных изданий от XVI в. вплоть до последних лет, на нашем и на главных европейских языках. Вновь подчеркну, не самые знаменитые или недоступные лучшие, а *характерные* примеры книг разного содержания и назначения. Такие, которые я мог показывать студентам на семинарах.

Сказать, что эти книги, которые я собирал с целью «не только для себя», но и для показа, были «редкими и ценными», я не мог бы. Но «Библия» издания швейцарского первотипографа Фрошауера начала XVI в. так характерна для «готической» еще книги с «черным шрифтом» и отмечаемыми от руки красными чернилами начальными буквами! Был у меня и том посмертного издания трактата Дюрера о пропорциях, принадлежавший в свое время какому-то известному человеку, потому что некто изуродовал титульный лист, вырезав из него, очевидно, автограф владельца... Я привык не слишком горевать о потерях, о добровольно уступленных книгах моей библиотеки. Она росла органично, как, сказал бы я, настоящая роща, с разнообразными в ней растениями, цветами или, порою, сорными травами. Мне приходилось порою приобретать книги, которые я потом дарил кому-либо с радостью, если мой добрый знакомый собирал сочинения определенного писателя, «все, какие

есть», — а у меня оказывалось издание, как раз отсутствовавшее у знакомого коллекционера. Очень я не любил всю жизнь продавать книги. Предпочитал *дарить*.

Моя поздняя книга «Записок собирателя» о рисунках разных мастеров, которые собирал я наряду с книгами всю жизнь, кончалась словами: «... придет *признание*». Какой собиратель не ждет его! Но, передав безвозмездно все 4—5 тысяч мною собранных рисунков советским государственным музеям, уступив коллекцию экслибрисов (их собиранием я очень увлекался начиная позднее, с 1930-х гг.) Ленинской библиотеке, пережил я очень искреннюю радость *дара* — и чувство облегчения от ответственности за хранение ценностей уникального характера, каким был хотя бы единственный имевшийся в Москве оригинальный рисунок молодого еще Дюрера...

Одно время, в гимназии и в университете, но и позднее, в начале Революции, очень любил шахматы, сохраняю их понимание и интерес к ним до сих пор. Собрал небольшую, но достаточно полную для своего времени на русском и иностранном языках библиотеку по шахматам (руководства, сборники турнирных партий), имел для нее специальный экслибрис, сделанный Н. П. Дмитриевским. Но поняв, какую *жестокою* бывает шахматная игра для человека, теряющего свою в ней силу, я добровольно всю мою литературу по шахматам передал безвозмездно библиотеке Дома ученых. И никогда не жалел о таких изменениях «профиля» и содержания моего книгосбора.

А что касается собирания самих экслибрисов — то тема эта как раз ныне столь стала популярной, широко распространенной и хорошо по-разному освещенной не только московскими, но и во всех почти центрах страны имеющимися энтузиастами, — что здесь мне хочется ограничиться только немногим: что экслибрис, хороший и умный, я люблю доселе, все новые книги, ко мне попадающие, обязательно снабжаю одним из многих моих книжных знаков. Многих потому, что библиотека моя имеет ряд разных разделов, что на иноязычную книгу предпочитал всегда наклеить экслибрис с латинской надписью, на русскую — со словами «Из книг» или «Из собрания»... И никогда не претендовал на то, чтобы считать мои взгляды на экслибрис, мои вкусы примером для всех!

Но главным для нас, книголюбов, собирателей, коллекционеров, любителей, — оставался вопрос — как было до-

ставать книги в условиях очень расстроенного быта и решительно всего, какой вспоминается Москва в годы перед 1920-м и непосредственно после него.

Для членов РОДКа, как и для других библиофилов Москвы, источником приобретения искомых или интересных книг оставались аукционы, о которых упоминалось выше, «книжные лавки» — «писателей», «поэтов», «деятелей искусств» — еще другие, мне менее известные. Здесь можно было и самому поискать на полках желаемое и встретить за прилавком знакомого; «торговали» очень культурно и осторожно книгами такие мои знакомые, как Г. Г. Шпет — потом вице-президент ГАХН; Б. Р. Виппер (в лавке «деятелей искусств», впрочем недолго); Сергей Есенин (об этом рассказывает А. Мариенгоф в своем «Романе без вранья»); В. Шершеневич; реально работавший и оставшийся в букинистическом деле до конца Д. С. Айзенштадт, который по-настоящему знал и любил книги. В «Лавке поэтов» у него можно было за вполне нормальную цену достать редкость, главным образом нового происхождения. Начиная с 1921 г., стали выходить, прежде всего в тогдашнем Петрограде, одно за другим чудесные библиофильские, сравнительно малотиражные иллюстрированные издания отдельных избранных произведений классиков, ставшие сразу объектом собирательства всех нас. Первою была, помнится, «Бедная Лиза» Карамзина с рисунками М. В. Добужинского, прекрасно отпечатанными на хорошей бумаге, остатки какой еще хранились в некоторых типографиях в количестве, которое удовлетворить нового, массового книгопотребителя не могло, но было пригодным для издания сравнительно небольшой чисто любительской изящной книжки...

В Москве сохранялся еще старый, можно сказать «классический» букинистический магазин П. П. Шибанова. Здесь было иное. Книги ценились дороже, их внешность была лучше. Когда я для второго тома «Книги в России» стал подбирать примеры искусства русской книги XIX в., то главным источником пополнения моей коллекции «характерных» изданий был как раз Шибанов. Специалистом он был не только по старопечатной, но и классической русской книге, иногда специально переплетал (обязательно сохраняя и печатные обложки) некоторые выходившие выпусками издания. У него приобрел я такие безусловно ставшие более сохранными, хотя и утерявшие редкость «первого вида», издания, как «100 рисунков к „Мертвым душам“» или «Наши, спи-

санные с натуры русскими» 40-х гг. XIX в. Мне всегда казалось неправильным пренебрежение и букинистов и коллекционеров к русской иллюстрированной книге второй половины XIX в., она безусловно становилась в продаже более редкой и менее ценимой, нежели романтики и особенно классики начала века. Подлинную страсть к подбору прижизненных изданий великих поэтов наших можно было наблюдать и на аукционах, и в «лавках», и в более крупных по масштабу их деятельности организациях, таких, как «Международная книга». Но там, в полностью упорядоченной и широкой по масштабу книготорговле, уже было нельзя самому «рыться» на полках, ища что-либо определенное или случайно интересное, что было можно делать раньше в более скромных лавках...

А на «Сухаревку» я не ходил, она была слишком далеко от моего жилья. В нашем районе «книжный развал» был на Смоленском рынке. Был жалок. В сухую погоду прямо на мостовой или тротуаре расстилались газеты, на них владельцы старья, вещей нужных или ненужных, раскладывали все, что хотели. В том числе и книги. Я не помню ни одной более или менее интересной покупки, там сделанной лично мною или каким-нибудь знакомым...

Другое дело в «лавках» (уцелела, сохранилась и процветает доселе только Лавка писателей). Здесь был простой секрет: иметь в составе владельцев или продавцов доверенное лицо, друга, который мог для «тебя», для определенного покупателя, иногда по вполне легальному и не вызывавшему нареканий предварительному заказу или договору (лучше здесь употребить слово «уговор» или «заговор»!), подыскать, отложить, на время спрятать от других нужную или жадно желаемую книгу. Я лично не скрывал, что собираю иллюстрированные издания, книги «по искусству» и английские романы. Последние — «детективы» — стали одним из моих пристрастий в годы первой мировой войны, когда в самых открытых для всех книжных магазинах можно было без труда купить в яркой обложке, на неважной бумаге такого рода издания, для меня ставшие в конце концов потребностью. В театры и кино, когда оно перестало быть «немым», из-за усиливавшейся глухоты я не ходил. Книги заменили мне все: стали источником моей научно-педагогической деятельности и несравненным средством развлечения и отдыха. Считаю, что «книга для легкого чтения» имеет все права на существование рядом с серьезной, научной, информативной,

художественной, — понятно, остававшейся для меня *главную*. В букинистические «лавки» литература такая обычно не попадала, но мне удавалось порою именно «у писателей» или «у поэтов» найти пример иностранного библиофильского иллюстрированного издания, оставленного у нас туристом или одним из нашей же среды, побывавшим в зарубежной командировке... В «лавки» мы шли за *всякой* книгой, не обязательно редкой, ценной, антикварной. Ее апологетом и защитником выступал до конца, что естественно, П. П. Шибанов, выпустивший, когда стал работать в «Международной книге», каталоги русских редких и искомых книг, «Дезидерата русского библиофила», — каталог, сделанный не без личного пристрастия к иным действительно ненаходимым редкостям нашей истории, вроде «Библии» Скорины, за что его как составителя сильно критиковали ленинградцы. Действительно — поставить на первое место среди искомых русским книголюбом 1920-х гг. старославянскую библию было парадоксально. Кроме Шибанова московский книжный рынок 1920-х гг. старопечатной, допетровской, книгой совершенно не интересовался. Попадались раритеты, очень несовременные или несвоевременные в числе иностранных книг. После отъезда М. П. Келлера была через магазины реализована библиотека его матери, собиравшей литературу французских — но новых! — мистиков. Но ни одной инкунабулы, очень мало книг XVI в., XVII—XVIII столетий больше — вот чем характеризовался чисто «антикварный» состав и «лавок» и более поздних и солидных антиквариатов.

Зато мы все, и я в том числе, не могли не интересоваться новинками, как нашими, так и зарубежными, и не искать их. В этом отношении 1920-е гг. — расцвет Маяковского, «Лефа», Есенина, конструктивистов, частных или полугосударственных (как «Комитет популяризации художественных изданий» при Академии истории материальной культуры в Ленинграде) издательств. Книги выходили не очень большими тиражами, часть любительских экземпляров иллюстрированных книг раскрашивалась художником от руки. В «Лавке писателей» Андрей Белый предлагал покупателю им самим выполненные рукописные сборники — немногих стихотворений (помню его переводы или подражания японским) в числе пяти или шести экземпляров, которые находили быстрый спрос, по существу «книгами» не являясь. Но

и в РОДКе собирали рукописи, автографы, медали. Марок не собирали. Филателия рано обособилась от книгособираательства.

А в области последнего — основного для всех нас — нельзя было обойти и «новаций» или необычных, нового вида, изданий, попадавших к нам из-за рубежа. Связаны эти издания с именами Маяковского и Л. Лисицкого, который в некоторых своих изданиях первую букву своего имени — Лазаря — превратил в испанское «Эль»: «Это я тот самый, знаменитый и неповторимый мастер — в данном случае книги — Лисицкий». Я лично знал его по встречам в московских издательских кругах, приобрел у него графический рисунок для моего собрания и получил от него подарок — киевское издание известной еврейской пасхальной песенки о Козочке, автолитографированное — и, увы, из моей библиотеки ныне исчезнувшее вместе с другими раритетами... В ту пору Лисицкий не предвещал быть тем новатором, каким он стал несколько позднее, переехав в Германию и работая там в группе конструктивистов, опиравшихся на известный «Строительный дом» в Веймарской республике. Две работы Л. Лисицкого, опубликованные в Германии под сенью «Баухауза», принесли ему славу революционера в книжном деле. Больше всего ими восторгались молодые студенты ВХУТЕМАСа. В одном из этих двух своих книжных «взрывов» — «Для голоса» Маяковского — Лисицкий сохранил еще текст для чтения. Но собственным изобретением Лисицкого стал «Сказ про 2 квадрата», где слов почти не было, страницы были заняты борьбой черного и красного квадратов, в которой побеждал последний. Был это НЕ конструктивизм, который проповедовался в журнале «Вещь» в Москве писателем Чичериным («Кан-Фун», что расшифровывалось как «конструктивизм — функционализм») и искусствоведом А. Ганом. Руководящим для квадратов Лисицкого становился супрематизм К. Малевича.

Я не полемизировал — и тогда просто не реагировал на квадраты Лисицкого. Его последующее возвращение в Москву, его работа в области книги были для меня вполне приемлемы. К фотомонтажным книгам, точнее иллюстрациям в них, выполненным путем фотомонтажа А. М. Родченко, и я и другие относились вполне положительно. Быть может, Маяковского и надо было иллюстрировать именно так. Опыт Н. Н. Купреянова иллюстрировать книгу Маяковского «Сказку про Петю» рисунками сатирического плана

я сохраняю в моей библиотеке донныне. Книжеч Лисицкого я тогда не приобрел. Жалеть ли об этом? Не знаю... То, что Лисицкого «поднимают на щит» многие теоретики книги в наше время, мне вполне понятно. Л. Лисицкий был безусловно последовательно сильным новатором, и его импульс может быть живителен и ныне.

Я же и мы — «книголюбцы» 1920-х гг. — слишком любили книгу прежнего или обычно установившегося типа. Но и эти издания становилось все труднее доставать... Число книголюбцов росло, появлялись массовые издания и хорошего и среднего качества. Техника советской полиграфии овладела офсетом, в книгу вошел цвет. И снова — как было за всем этим уследить и пополнять собрание книг всем, что было нужно или желанно?

К рассказу о «Людах и книгах» 20-х гг., лавках, букинистической и иной книготорговле я считаю нужным кое-что добавить. Именно на рубеже десятилетий 20-х и 30-х гг. и позднее особо стали нужны как бы «посредники» или «помощники» книгособирателей, которые способствовали приобретению книг, являясь антикварами, служащими магазинов, комиссионерами или просто знающими людьми, осведомленными, где и как можно достать то или иное издание. Книги стали часто приносить нам на дом, порою вполне лояльно, порою, может быть, путем более, скажем, персональным. Собирателями, выискивателями книг в частных библиотеках, порою даже иногородних, стали эти наши друзья, о которых мы знали, что они «собирают» для того-то из нас...

Так помогал составлять, собирать — планоно или нет — изумительные частновладельческие библиотеки, ставшие потом собственностью государства: Д. Бедному — Карахан (я не знал его имени и отчества), Н. П. Смирнову-Сокольскому общий наш друг А. Г. Миронов, человек абсолютной чести, сочетавший содействие частному собирательству «любительской книги» с открытой и регистрируемой государственной книготорговлей. Были же книги и оставались ни советскому государству, ни массовому читателю не нужные, но для отдельного собирателя или желанные, или просто необходимые! «Посредник»-коммиссионер не был спекулянтом, а именно знающим потребности отдельного коллекционера человеком, без помощи которого наши библиотеки не стали бы расти...

* * *

Двадцатые годы остались в моей памяти как чрезвычайно интересная и богатая противоречивая эпоха. Основное ее отличие от текущего сегодня было, возможно, в том, что книголюбию тех лет не хватало массовости, широкого охвата, настоящей принципиальной пропаганды книги и всего книжного дела. Двадцатые годы были «зачалом» (даже не началом!) подлинного нового нашего общекультурного и серьезного книголюбия. Но было в 20-е гг. многое сделано, многое сказано, были проведены опыты, и достижения десятилетия — после проверки последующей нашей культурной историей — остались.

Москва

Н. Иващенко

ИСТОРИЯ ОДНОГО СОБРАНИЯ

О библиотеке М. И. Чуванова

Не просто сложились первые годы Михаила Ивановича Чуванова. Родители разошлись до его появления на свет. Отец, потомок крепостных графини Орловой-Давыдовой, мастеровой, жил в Москве, мать батрачила у волостного писаря в селе Вельяминове Серпуховского уезда Михаила Ульянова.

Сначала мальчик был на попечении бабушки — матери отца Анны Максимовны Чувановой и ее сестры Федосьи Максимовны, слывшей в округе женщиной просвещенной по части толкования старинных книг.

Затаив дыхание, мальчик слушал постоянные разговоры о каких-то истинах, сокрытых будто бы в книгах. Ни с чем не сравнимый аромат исходил от потрескавшейся в пути веков тисненой коричневой кожи переплетов... Может именно тогда и очаровала его книжная старина?! Может именно оттуда и идут корни, взрастившие в его душе жажду познать все то, что на ломких пожелтевших листьях оставили нам далекие предки!?

Немного спустя он уже вместе с матерью живет в семье бездетного вельяминовского писаря. Надо сказать, по тем временам писарь был человеком далеко не заурядным. Занимая казенную квартиру при волостном правлении, свой дом он заполнил книгами, газетами и журналами, разными удивительными предметами, от которых маленький Миша не мог оторвать глаз. Были тут и коллекции старинного оружия, фарфора, часов, и репродукции картин известных художников, и музыкальные панорамы...

Ульянов выписывал многие из выходивших тогда журналов. «Нива», «Вокруг света», «Пробуждение» постоянно лежали на его столе. Рассматривая долгими вечерами многочисленные иллюстрации, мальчик прислушивался к голо-

су матери, читавшей вслух по просьбе Ульянова и его больной жены. Так привелось Мише познакомиться со сказками «Тысяча и одна ночь», сказками Пушкина, Л. Толстого, рассказами Тургенева. Вероятно, не все было понятно мальчику, но, без сомнения, подсознательно укреплялся интерес к книгам, этим носителям сведений о мире, находящемся далеко за околицей Вельяминова.

По окончании церковно-приходского училища (другого поблизости не было) Миша получил от Ульянова подарок, который будет хранить долгие годы, — томик Лермонтова с золотым обрезом в красном переплете. Это была первая книга его первого собрания.

Отметив, что у мальчика хороший, четкий почерк, Ульянов стал брать его на работу в волостное правление. В виде вознаграждения каждую среду он выдавал маленькому помощнику денежную мелочь. К удовольствию писаря, тот приносил с базара не пряники, а книжки, которые иногда доставал у местных торговцев.

Вскоре здоровье Ульянова пошатнулось. Муж сестры матери, гравер по металлу Иван Васильевич Ильин, приехав в отпуск, берет мальчика в Москву и устраивает на Чаерзвесочную фабрику, бывшую Расторгуева. Пятерка в месяц и хозяйские харчи — вот вознаграждение за тяжелый труд.

На серьезного не по годам ребенка сразу обратил внимание один из лучших рабочих фабрики, сам большой любитель книг, Иван Семенович Тихомиров. Под его влиянием Миша поступает на воскресные вечерние рабочие курсы. Преподаватель русского языка составил для своих слушателей список литературы, необходимой для чтения. Было в том списке кое-что встреченное ранее в шкафах вельяминовского писаря, но большинство книг манило совершенно неизвестными названиями.

Вскоре стало ясно, что приобретение новых книг мальчику не по карману. Он становится завсегдатаем книжных «толкучек». Правда, книги, купленные на Сухаревском и Смоленском рынках, подчас уступали нарядным собратьям из магазинов Вольфа или Суворина, но разве от этого они делались менее желанными!?

Знакомится он и с некоторыми «книжниками» — владельцем букинистического киоска у Ильинских ворот Астаповым, Фадеевым с улицы Никольской, Горюшкиным и Чумаковым, имевшими небольшие палатки на Моховой, против здания Университета.

Дядя, сам собиравший старинные книги, вполне разделяет увлечение племянника. Почти каждое воскресенье Миша отправлялся пешком в Лефортово, где квартировал Иван Васильевич. Мало-помалу в добрых знакомых превращались неторопливо выступающие навстречу дома. Улицы и переулки завлекали непонятными названиями. Чем они примечательны? Кто их так поименовал? Всех, кого только возможно, расспрашивал мальчик и, чем больше узнавал, тем больше удивлялся.

Оказывается, та самая Солянка, на которой находится Чаеразвесочная с общежитием в Расторгуевских домах, потому и называется Солянкой, что в незапамятные времена здесь находился казенный соляной Двор. Давно нет ни самого Двора, ни амбаров с солью, а вот название осталось. Дом за домом проплывают мимо. Вот старая Басманная. Поди догадайся, что в XVIII в. басманом называли хлеб, выпекаемый для казны, и на улице этой проживали басманщики-пекари? Упирается старая Басманная в когда-то веселое место, скопище трактиров — вот он и есть Разгуляй! А теперь рядом и Лефортово, бывшая резиденция Лефорта, любезного друга царя Петра I. Чуть подалее расположились госпитали. Тут и переулок Госпитальный, где снимает часть комнатухи Иван Васильевич Ильин.

Часто бывал здесь и другой дядя, брат матери, закройщик обувной фабрики, большевик-подпольщик Петр Антонович Розанов. После чаепития с баранками шли его провожать до Бабьегородской плотины. Как-то Ильин, большой любитель старых историй, рассказал, что раньше там зеленело осокой обыкновенное болото. Чтобы обжить это топкое место, пришлось городить плотину. Ряды бревен-стояков забивали копрами, или как еще их называли бабами, вот вам и бабья городня — Бабьегородская плотина.

Не тогда ли и зародился тот большой интерес к истории древнейшего русского города, который Михаил Иванович пронес через многие годы? Теперь на стеллажах книголюба сотни книг по истории нашей столицы.

Частенько Расторгуевским двором, соседствующим со знаменитой Хитровкой, проходил широкоплечий человек с пышными казацкими усами и основательной тростью в руках. Мальчишки двора встречали его радостными криками. Как было ему не остановиться? За какие-нибудь полчаса он успевал рассказать не одну историю и похвалить новые книги Миши Чуванова. Это был дядя Володя, которого взрослые

почтительно называли не иначе, как Владимиром Алексеевичем и лишь за глаза, изредка, дядя Гиляй. Ребята знали — он известный московский репортер и бытописатель. На Хитровом рынке он знакомился с разными людьми — прототипами своих будущих произведений.

Думал ли тогда мальчик из Чаеразвесочной, что пройдут годы и он будет участвовать в издании одной из книг этого человека, получит от него портрет со стихотворным автографом и останется другом до самых последних его дней!?

Однако вскоре пришлось распрощаться и с Чаеразвесочной и с Расторгуевским двором. Пыль от сортировочного барабана забивала легкие. У Миши обнаружили признаки туберкулеза.

Тогда-то в типографии Рябушинского и появился новый ученик наборщика.

Он живет с матерью, перебравшейся после смерти вельяминовского писаря в Москву. В маленькой комнатке — самодельные полки, на которых, наконец, удалось разместить ему свои сокровища.

К этому времени начинают определяться наклонности молодого книголюба. Все больше времени проводит он в палатках букинистов, разыскивая рукописи прошлых веков, книги по истории искусства, по истории России, произведения русских классиков. Букинисты уже стараются попридержать те книги, которые, возможно, заинтересуют наборщика из типографии Рябушинского. Этот парень безусловно знает толк в их товаре.

Заметно сказывается влияние новой среды. В собрании Чуванова появляется литература по рабочему и профсоюзному движению — газеты «Искра», «Правда», «Наш путь», журнал «Рабочий печатного дела».

1915 год нарушает разом все замысли и планы. И сам Чуванов, и дядя Ильин получают военные повестки.

Мать Михаила Ивановича нашла место прислуги — невыгодно содержать квартиру для одной себя. Книжки решили отправить на сохранение в село Михайловское, где проживала жена Ильина.

Вернувшиеся после заключения Брестского мира дядя и племянник нашли в михайловском чулане только пустые полки. Безграмотная женщина употребила на растопку русской печки и древние рукописи, и заветный томик Лермонтова в красном переплете, и редчайшее издание «Истории

русского искусства» Грабаря, и многие другие книги... Но впереди целая жизнь. Вместо сгоревших кораблей, конечно, нужно строить новые.

В 1919 г. РОСТА направляет Чуванова наборщиком в передвижную типографию агитпарохода «Красная Звезда», отправлявшегося по маршруту Волга-Кама. В составе бригады — инспектор Наркомпроса Н. К. Крупская, политработник В. М. Молотов, журналист и писатель Д. И. Бразуля, Б. М. Волин и др.

Выпускаемые в пути газеты и листовки на многочисленных остановках раздавались населению. Под открытым небом проводились киносеансы, устраивались митинги, носившие истинно массовый характер. И все же, несмотря на большую загруженность, Чуванов выбирал время, чтобы побывать в местных книжных магазинах и лавках букинистов. Именно в этой поездке ему посчастливилось, в числе других изданий, раздобыть подлинник переводной рукописи неизвестного автора — повесть о Павле и Варнаве. Предисловие в рукописи принадлежало Феофану Прокоповичу, так же как и сам перевод, осуществленный им при содействии учеников и Патрикия Аристовского.

Кое-что удалось приобрести и в следующей поездке, на агитпоезде «Красный Восток».

Правда, здесь условия для любителя русской литературы оказались менее благоприятными — поезд проходил через районы Средней Азии.

И вот снова Москва. Михаил Иванович обосновался в поселке Ухтомская Казанской железной дороги.

Расширяется круг знакомств. В. Я. Адарюков, Б. С. Боднарский и П. П. Шибанов знакомят его с тайнами библиографии. Особенно близко довелось сойтись с Шибановым. В прошлом владелец антикварного книжного магазина, после революции Шибанов работает в антиквариате «Международной книги». В типографии «Мысль печатника» Чуванов печатает составленные им каталоги. Ими и сейчас пользуются товароведы. Разбирая вместе с Павлом Петровичем поступающие из частных библиотек книги, именно от него усвоил Михаил Иванович замечательное правило — в каждом книжном мусоре можно отыскать крупинки золота. В последующие годы он этим правилом никогда не пренебрегал. Сколько раз приходилось убеждаться, что иногда за самыми неприглядными обложками скрываются подлинно ценные находки!

Вскоре типографии сменяют издательства. Сама работа выпускающего и позднее заведующего производственным отделом способствует встречам с литераторами и искусствоведами. Писатели, поэты, художники, историки — вот новые друзья, с ними уже никогда не оборвутся связи.

Когда при Историческом музее было организовано общество «Старая Москва» под председательством художника А. М. Васнецова, Чуванов принимает в его деятельности самое непосредственное участие, так же как и в секции экслибрисистов, созданной в 1924 г. Этому своему увлечению он верен по сегодняшний день.

Не задаваясь вначале особой целью сбора автографов, Михаил Иванович испытывал невольную радость, когда получал от авторов в дар их произведения. Разве можно остаться равнодушным, если тебе говорит Мате Залка — «Крестному отцу моих книг»; или на странице альбома благодарит вместе с группой товарищей за издание альманаха «Сегодня» С. И. Вашенцев; напишет — «В знак общей любви и дружбы» — К. Паустовский, а с книгой «Море зовет» пришлет свой «Морской привет» А. С. Новиков-Прибой! Сколько тепла и глубокого уважения в автографе Н. П. Смирнова-Сокольского — «Старейшему из книжников-знатоков Михаилу Ивановичу Чуванову от всей души!» Постепенно возникал интерес к автографу как показателю взаимоотношений между людьми. «И ровеснику, и соратнику на литературном поприще. Старейшему приятелю Дмитрию Васильевичу Григоровичу — отдаю на суд и расправу посильный труд свой», — пишет на титульном листе своей книги «Вечерний звон» Я. Полонский. Разве такая надпись не обогащает внутренний мир каждого, кто с ней соприкоснется? Этих книг с дарственными надписями, бесконечно дорогими, сейчас у Михаила Ивановича более 5 тысяч...

В издательстве «Недра», возглавляемом тогда Н. С. Ангарским (Клестовым), Михаил Иванович Чуванов выступал в качестве консультанта. Здесь он знакомится с В. В. Версаевым, А. Н. Толстым, П. Романовым, Н. Никандровым, А. С. Яковлевым. Тридцатые годы — время его удачных поисков и находок. Помогает поискам книжная лавка издательства, где работали Б. Ф. Миронов, С. И. Кузьмичев, позднее М. И. Пузырев — компетентные книжники, увлеченные своим делом.

Магазины букинистической торговли стали открываться на Кузнецком, на Арбате. Их сотрудники — Д. С. Айзен-

штадт, М. И. Шишков, В. Я. Лопухов, Н. С. Бухаркин, И. И. Новоселов — всегда с удовольствием предлагали свои богатства уже известному книголюбу. Так Михаилу Ивановичу удалось приобрести монографию Николая Рериха (Рижское издание, 1939). Позже на первой странице ее появятся автографы сына художника, Святослава Рериха, и его жены.

Некоторые материалы были переданы в собрание Чуванова наследниками умерших друзей — рукописи кирилловского письма А. А. Мараевой, Р. Кистановым, Ф. Я. Мишуковым. Перешло в его руки и собрание дяди с интересной рукописью-оригиналом XVIII в. — «Поморские ответы», составленные в 1728 г. Андреем Денисовым и другими на вопросы, заданные Выгодской Пустыне иеромонахом Неофитом по заданию «императорскому», о чем говорится на титульном листе рукописи. Журналы, газеты, литературу по истории Москвы вместе с архивом и портретом М. И. Комарова передала Чуванову племянница артиста, А. И. Рыбакова. Из материалов, представляющих большой интерес, здесь оказались «История города Москвы» И. Е. Забелина, «Седа старина Москвы» И. В. Кондратьева и томик стихотворений Пушкина, которые не издавались в России до 1908 г. Судьба этого томика необычна. В «Рассказах о книгах», подаренных Михаилу Ивановичу, Н. П. Смирнов-Сокольский говорит, что весь тираж стихотворений Пушкина, выпущенный в 1908 г., пошел под нож резальной машины. До нас могли дойти лишь единичные экземпляры. Обладателем такого редкостного экземпляра и стал Чуванов.

Сейчас в его собрании насчитывается, по каталогу, более 20 тыс. наименований. Здесь Острожская Библия 1580—1581 г. — 630 листов, напечатанных литерами славянского и греческого алфавитов (по словам бывшего заместителя директора Библиотеки имени В. И. Ленина тов. Козловского, таких полных экземпляров в мире не более 40); Минеи-Четьи — книги, объединяющие несколько «Житий», и десятки томов «Жития» отдельных лиц на славянском языке; рукописи кирилловского письма XV—XVII вв.; произведения первопечатника Ивана Федорова и Петра Мстиславца; образцы иконописного искусства древних времен. Часть наиболее редких книг, как личное евангелие митрополита Филиппа Колычева, Жития Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия и ряд других, взяты на учет рукописным отделом Библиотеки имени Ленина.

Широко представлены библиография, искусствоведение и фольклор, произведения русских писателей, начиная с XVII в., а также литература по истории Российского государства и его столицы — Москвы.

Обширна переписка Михаила Ивановича. С известным историком, книголюбом, библиографом и экслибрисистом, юристом по образованию И. Н. Жучковым долгие годы вел он постоянный обмен. Такой же обмен ведется в настоящее время с преподавателем истории из Ленинабада А. И. Мазуниным, собирающим материалы о боярыне Морозовой, искусствоведом-рижанином И. Н. Заволоко, экслибрисистом, владимирским художником С. А. Смирновым и многими другими.

Поддерживается переписка с ленинградским Домом Пушкина Академии наук СССР и с воронежским музеем — земляками любимых Чувановым поэтов И. С. Никитина и А. В. Кольцова. Недавно он передал этому музею в дар через Олега Ласунского сборник стихотворений Кольцова, изданный Солдатенковым и Щепкиным в 1856 г., с автографом издателя.

Давно это собрание стало открытой библиотекой для тех, у кого книга одна из основных жизненных потребностей. Обращаются за справками историки, художники, библиографы, литераторы. Когда больной К. Г. Паустовский работал над «Воспоминаниями», по первой его просьбе Михаил Иванович передал через В. М. Лобанова необходимые писателю газеты. Здесь же обнаружил в свое время научный сотрудник Пушкинского Дома В. И. Малышев рукопись «Жития протопопа Аввакума», тогда же переданную Чувановым Дому Пушкина.

Для Михаила Ивановича это не добавочные хлопоты, от которых можно бы и отмахнуться, сославшись на занятость большой библиографической работой. Он будет со всей тщательностью разыскивать на своих многочисленных полках и стеллажах каждое ценное, на его взгляд, слово, сколько бы времени ему ни пришлось потратить.

КНИЖНАЯ СТОРОНА

Двери распахнуты настежь... Идут, идут сюда со всех десяти Рождественских улиц, из заселенного трамвайщиками Дегтярного переуллка, с утопающей в снежных сугробах широкой Лафонской площади, с Сергиевской и Захарьевской, сверкающих зеркальными стеклами опустевших барских особняков, из десятков окрестных домов, в лучшие квартиры которых новая, народная власть переселила прежних обитателей подвалов и угловых жильцов.

Как и век назад, застыл в немом величии воспетый Державиным Таврический дворец. «Великолепные чертоги», воздвигнутые замечательными русскими зодчими И. Е. Старовым и Ф. И. Волковым. «Белый мрамор и зеленый цвет, толико глазам приятные...» Былое место пышных потемкинских балов и торжественных пиршеств екатерининской знати. Здание, возрожденное к новой жизни историческими событиями девятьсот семнадцатого года.

Но какое дело до архитектурных красот и яркой росписи залов тем, кто в холодные сумрачные дни поднимается по оледенелым ступеням его парадного входа со знаменитым дорическим портиком! Сегодня ведет их под эти высокие своды жестокая нужда в хлебе насущном.

...Шла вторая зима Революции. Петроград голодал. Чтобы отвести от трудящихся угрозу голодной смерти, декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина был создан единый продовольственный орган для снабжения поредевшего населения города и губернии — Петрогубкоммуна. Руководить им партия поручила верному сыну питерского пролетариата, старому большевику А. Е. Бадаеву, не раз выступавшему с думской трибуны в Таврическом дворце.

И не по причине ли того, что историческое здание было хорошо знакомо и находилось в центре густонаселенного

района, в момент острой необходимости явилась мысль использовать его... под общественную столовую?! Вероятно, это была самая крупная среди сотен столовых Петрогубкоммуны, в которых бесплатно отпускались обеды 600 тыс. трудящихся. Улучшенное питание по детским карточкам в тех же столовых получали 240 тыс. петроградских детей.

Запомнился грубо сколоченный деревянный помост в левой стороне огромного, украшенного колоннами овального зала, который в прежние времена именовался Екатерининским. На возвышении сверкали медным блеском гигантские баки, над которыми вился аппетитный парок с кухонными запахами. Вдоль помоста час за часом двигалась терпеливая очередь исхудавших, осунувшихся людей.

В левой стороне всегда было настолько шумно и многолюдно, что большинство тех, кто возвращался к выходу, невольно привлекала и настораживала необычная тишина, царившая в правой половине зала. Строгая и неповторимая тишина, какая бывает в библиотеках!

— А что, ведь это и есть библиотека! — подойдя ближе, удивлялись посетители столовой и начинали рыться в книгах.

Кого из безвестных петроградских политпросветчиков, на чьих плечах лежала забота о продвижении книги в массы рабочих и крестьян, осенила, скажем прямо, блистательная идея свести под одной крышей два «питательных пункта» — пищи материальной и пищи духовной?! В литературе по истории библиотечного дела в Советской России, к сожалению, этот факт не зафиксирован...

Все здесь на «книжной половине» было оборудовано походному и обходилось без обычных формальностей — ни высоких библиотечных стоек, ни каталогов, ни абонементных карточек или хотя бы тетрадки для записей о выдаче книг. Два стола, прикрытых выцветшим бильярдным сукном. Покосившийся шкаф со стеклянными дверцами. Да на стенке прилеплен неказистый плакат: поверх призывных слов «Грамота — путь к коммунизму» на фоне красного рассвета скачущий на огненном коне всадник с раскрытой книгой в руках.

На столах было разложено все, что в тех условиях библиотека могла предложить читателям. Большую часть «территории», естественно, занимали книги, отпечатанные на грубой шершавой бумаге издательским отделом Петроградского Совета, от «Читай, Фома, набирайся ума!» Демьяна

Бедного до утопического романа Беллами «Через сто лет». Среди них проглядывали аккуратные томики в нарядных переплетах, пробравшиеся в окружавшее их «демократическое общество» не иначе как из покинутых владельцами и реквизированных частных библиотек. Так, по соседству с антимилитаристской книгой Барбюса «В огне. Дневник одного взвода» пыжился пухлый роман Боборыкина или Нагродской, а из-под раскатистых «Красных звонов» Василия Князева легкомысленно выглядывали «Веселые приключения Аристида Пюжоля» У. Локка...

От читателей не требовали никакого залога, им не ставили никаких отметок в трудовых книжках, заменявших в первые годы революции паспорта. Что удивительного, если за книгу не устанавливалась материальная ответственность, когда в период военного коммунизма и обеды, и квартиры, и освещение, и дрова, все, вплоть до проезда в трамваях, предоставлялось бесплатно. Куда серьезнее была моральная ответственность, помноженная на оказанное тебе широкое доверие!

Не бесконечно продолжалась та горькая зима! Пришло и для нас, детей послереволюционного Петрограда, долгожданное теплое лето. И опять оно было связано с библиотечными воспоминаниями.

На солнечной стороне тихой Стремянной улицы, находившейся неподалеку от излюбленного пристанища букинистов — огады на Колокольной улице, стоял невысокий приветливый домик, как бы опиравшийся о бок могучего шестиэтажного здания, в котором размещались типография и издательство П. П. Сойкина. Неразрывная связь этих двух строений дала повод толкам, что маленький особняк якобы тоже принадлежал знаменитому издателю-демократу, а библиотека, которая здесь обосновалась, будто бы перешла в руки государства от Сойкина.

Обратившись к авторитетному источнику — адресной книге «Весь Петроград» на 1917 г., легко выяснить, что эти толки ни на чем не основаны. Дом 10 по Стремянной улице и здешнее книжное собрание принадлежали до революции отставному майору и балетоману С. Н. Худекову, издателю популярной в обывательских кругах «Петербургской газеты» и автору редчайшей книги «История танцев». Последнюю, четвертую часть своего сочинения Худеков ухитрился опубликовать в голодном 1918 г., причем весь ее тираж погиб во время пожара. Н. П. Смирнов-Сокольский гордился,

что в его библиотеку попал один из немногих уцелевших экземпляров.

Руководящие организации тогдашнего 1-го городского района, право, не могли выбрать лучшего места для районной библиотеки. Сначала она называлась Центральной библиотекой 1-го городского района, но в 1921 г. уже целиком была предоставлена юным читателям. Не лишено интереса свидетельство справочника «Весь Петроград» на 1922 г., сообщающего, что в ту пору на весь город действовали лишь две детские библиотеки: на Стремянной, 10 и Садовой, 104.

Все здесь привлекало непритязательным комфортом, уютом, домашностью, начиная с веселых изразцов, которыми была облицована стенка парадной, и кончая монументальными кадками с растениями, расставленными в читальных комнатах. На окнах — шелковые занавески нежного кремового цвета. Кресла до того мягкие и удобные, что сядешь в одно из них и не хочется вставать. Но главное, конечно, это книги. Ими заполнены высокие полки с трех сторон. Подходи и выбирай, какую хочешь.

Вот томики Жюль Верна в серых обложках. А ниже — все сорок книг сочинений Дюма. Синие, как море, тома романов капитана Мариэтта. А вот все восемнадцать выпусков сочинений Луи Жаколио — писателя, за которого, казалось, можно отдать Луи Буссенара, Майн Рида и Макса Пембертона, вместе взятых.

Книга у меня в руках. Теперь скорее в ближайшее свободное кресло, свернуться калачиком, поджать ноги под себя и читать, пока библиотеку не закроют...

— Ну и ну, молодой товарищ! Куда это годится — в кресло с ногами? Вы ведь читали правила...

Кто же их не читал, эти правила, вывешенные у входа в библиотеку и в простенке между окнами. Они начинались внушительным обращением: «Читатель, ты сетуешь, что получаешь рваную и грязную книгу. Ты прав. Но кто виноват в этом?» Далее следовали подробные пункты о том, чего нельзя и что можно делать в библиотеке. Первый урок библиотечной этики, который получали юные книголюбцы.

Чтобы следить за неуклонным соблюдением опубликованных правил, к необузданной массе посетителей и был приставлен подросток с огненно-рыжей шевелюрой, занимавший наблюдательный пост за столиком у крайнего окна.

Не суть важно, как называлась занимаемая им должность — культработник, дежурный по залу или помощник библиотекаря, но нам, завсегдашней этой расчудесной библиотеки, он представлялся, по-видимому, не очень значительным лицом. Иначе бы не обращались к нему по-свойски, без добавления слова «товарищ», и не по фамилии, а чаще всего по имени да с приложением эпитета, связанного с цветом его шевелюры.

Но в одном отношении юноша с огненно-рыжей гривой стоял на такой недосыгаемой высоте, что с ним не мог равняться сам заведующий библиотекой Роман Львович, появлявшийся в экстренных случаях из внутренних помещений.

Он издавал журнал. Был его единоличным редактором, художником и выпускающим. Вербовал авторов и не скрывал своей радости, если в «портфеле редакции» оказывалось что-нибудь более значительное, чем благодарность за хорошую книгу или альбомные стишки «В свежем воздухе мелькает первый беленький снежок...»

Журнал назывался «Юный гражданин» и выходил раз в месяц. К чести редактора, в журнале печатались и стихи, и рассказы, и драматические произведения, а однажды — даже исторический роман с продолжением. Для читателей не было секретом, что в тех случаях, когда номер получался «жидким» и материала не хватало, редактор щедро восполнял недостачу личным творчеством.

Посему нуждается в поправке одно место в «Краткой литературной энциклопедии», утверждающей, что известный детский писатель Л. Н. Радищев (1905—1974), автор книг «День первый», «Крепкая подпись», «На всю жизнь» и других, начал печататься с 1929 г. На основании давнего знакомства, завязавшегося еще в то время, когда писатель не обижался на простецкое к нему обращение, я должен заметить, что его литературный дебют состоялся намного раньше. В середине 20-х гг. злободневные фельетоны Леонида Радищева уже появлялись на первой странице комсомольской газеты «Смена».

В номенклатуре обязанностей по библиотеке выпуск журнала «Юный гражданин» безусловно не занимал главного места, но будущий писатель отдавал своему любимому детищу столько сердца и разума, что подчас манкировал повседневными запросами любознательных читателей. Что-то, а на «библиографа» он явно «не тянул»...

Неудивительно, что заведующего тормозили чаще, чем если бы долю его забот брали на себя расторопные и опытные помощники. Но увы, квалифицированных библиотекарей в то время почти не было, и Роману Львовичу Гольдарбейтеру приходилось самому заниматься повышением квалификации своего немногочисленного персонала. В условиях бумажного голода он ухитрился в 1919 г. отпечатать под маркой библиотеки полезную брошюрку «Как надо писать библиотечную каталожную карточку». Примечательна она, между прочим, тем, что на последней странице воспроизведен... экслибрис Центральной библиотеки 1-го городского района. Это, вероятно, один из первых книжных знаков советского времени, который несомненно заинтересует коллекционеров. Художник изобразил на нем хорошо знакомую мне комнату с высокими стеллажами и кадкой с комнатным растением, а в правом углу у входа — двух взрослых читателей, за которыми робко следует, пораженный великолепием обстановки, мальчуган с книгой в руках. Как точно подмечены своеобразие и неповторимые черты тогдашнего библиотечного «быта»!

В Петрограде начала двадцатых годов, еще не оправившемся от голода и разрухи, трудно было найти другой такой теплый очаг, в котором радушно и сердечно привечали детвору крупного городского района. Впоследствии Л. Н. Радищев напомнил мне, что помимо всех книжных благ, которые могла предоставить обширная, по нашим понятиям, библиотека, каждый маленький читатель получал — подумайте только! — кружку сладкого чаю с румяной круглой булочкой. Но вот этого факта я никак не могу подтвердить, потому что, наверно, так зачитывался романами Луи Жаколио или Райдера Хаггарда, что начисто забывал о полагавшемся мне «пайке».

Р. Л. Гольдарбейтер был неутомимым собирателем книг и, как мне рассказывали, спас от расхищения и гибели немало ценных частных собраний, оставшихся в разоренных и опустевших квартирах. Не случайно, например, в библиотеке на Стремянной преобладали поистине всеохватные издания П. П. Сойкина, с которым, кстати говоря, у Романа Львовича были прочные деловые отношения. Едва возобновив издательскую деятельность после революции, Сойкин выпустил в 1923 г. «Словарь библиотекаря» Р. Л. Гольдарбейтера — книгу, положившую начало ряду изданий в помощь молодым работникам библиотечного фронта.

Где мог, Роман Львович со своим небольшим коллективом собирал книги, а книги собирали и привлекали детей.

... Ни ту, ни другую библиотеку, о которых я вспомнил в этих заметках, не назовешь храмом или дворцом знаний. Но без них жизнь целого поколения юных петроградцев, выросшего после Октября, была бы более бледной и незначительной...

Ленинград

Валерий Брюсов

ТЕРЦИНЫ К СПИСКАМ КНИГ

И вас я помню, перечни и списки,
Вас вижу пред собой за ликом лик.
Вы мне, в степи безлюдной, снова близки.

Я ваши таинства давно постиг!
При лампе, наклонясь над каталогом,
Вникать в названья неизвестных книг;

Следить за именами; слог за слогом
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое в немногом;

Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам:
«Без титула», «в сафьяне» и «редка».

И ныне вы предстали мне скелетом
Всего, что было жизнью сто веков,
Кивает он с насмешливым приветом,

Мне говорит: «Я не совсем готов,
Еще мне нужны кости и суставы,
Я жажду книг, чтоб сделать груду слов.

Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мне все равно, безумец иль пророк,

Созданье для ума и для забавы.

Я всем даю определенный срок.
Твори и ты, а из твоих мечтаний
Я сохраню навек семь-восемь строк.

Всесильнее моих упоминаний
Нет ничего. Бессмертие во мне.
Венчаю я — мир творчества и знаний».

Так остов говорит мне в тишине,
И я, с покорностью целуя землю,
При быстро умирающей луне,

Исчезновение! твой зов приемлю.

«ТАИНСТВЕННОЕ ДЕЛО — КНИГИ»

Эти заметки — на тему «Всеволод Иванов и книга».

Нет, они не о том, что «книга — источник знания». Биография Вс. Иванова, как и биография любого писателя, разумеется, подтверждает эту аксиому: автор «Бронепоезда» учился лишь в сельской школе, свои поистине уникальные знания он черпал только из книг... Однако аксиомы потому и являются таковыми, что их не надо доказывать.

Полувековая жизнь Всеволода Иванова в искусстве дает нам другой сюжет — увлекательный, напряженный. Вглядываясь в годы, наполненные для творца дерзанием, изматывающей работой, озарениями открытий, поучительно проследить: как вместе с книгой человек шел неповторимым путем нравственных и художественных обретений...

Здесь и прерву предисловие. Сам характер этих заметок требует лишь упомянуть о том, что они рождались в течение ряда лет. Изучая творчество Всеволода Иванова, автор сталкивался с огромным числом разнообразных суждений писателя о Книге. Эта тема проходит и через многие воспоминания о Вс. Иванове его родных, друзей. В статье использованы также и мои беседы с членами семьи Всеволода Иванова, любезно открывшими мне доступ в личный архив писателя.

ТРУДЕН ЛИ ЭТОТ ПУТЬ?

Есть несколько этапов в нашем общении с Книгой. Этапы эти сокровенны, единственны, личны, но почти неизбежны для каждого человека.

Такие этапы были и у Всеволода Иванова. Конспективно наметим их — воспользуемся признаниями самого писа-

теля, разбросанными по его статьям, дневникам, воспоминаниям.

Первый этап начинается в детстве. В небольшом сибирском поселке с песенным названием — Лебяжье. На выпрошенные у отца пятаки мальчик покупает на сельской ярмарке тоненькие брошюрки — чтиво в девяносто шесть или сто двадцать страниц, вроде: «Как львица воспитала царского сына» или «Чудесные похождения прапорщика».

Однажды в потоке книжного ширпотреба мелькнуло имя — Горький. Имя, которое было тогда «легендой — громадной, пламенной, воинствующей». За чтением при керосиновой лампе прошла вся ночь. Иванов не скрывает: рассказы оказались не очень понятными «детской душе. Но на сердце они оставили томление удалой тоски и исступленной, кипучей, молодой и золотой страсти...»

Чудес не бывает. Потом, после знакомства с произведениями Горького, снова приходили к подростку разные книги. Они были, как люди на его пути: «книги встречались легкие, крылатые; встречались и кроткие, очарованные, отуманенные, таинственные».

К счастью, в четырнадцать лет он прочитал чеховскую «Степь». Встреча была и радостной, и опять неожиданной. Вот и окончательно опрокинуты представления мальчика о Книге, которую он «привык уже считать чем-то занятным, вроде игры в лапту или бабки...» Оказалось, литература не только развлекает — она учит, заставляет мыслить. Приходили невольные сравнения. Иванов жил тогда в Павлодаре; рядом была степь, будущий писатель так же, как герой чеховской повести, «колесил по ней (...) и так же жег костры и ловил бреднем рыбу в озерах и речках, и так же заставляла меня гроза...»

Читая Чехова, Иванов впервые с удивлением осознал: все это может стать материалом литературы; в основе искусства — жизнь.

Тогда уже начались его скитания по белому свету — то в роли подручного приказчика или матроса, то в не менее странной роли «шпагоглотателя» и «факира». И в этих скитаниях вместе с ним была книга. Иванов с юмором вспоминал позже, как «таскал за собой всюду полмешка книг — главным образом классиков, приложения к журналу „Нива“. Толкучка продавала эти книги на вес — тридцать копеек пуд». Он часто уединялся с книгой, а нередко устраивал «громкие читки» для товарищей по работе. Гру-

стноватый парадокс: из-за этой страсти к книгам юноша порой лишался места — он казался хозяевам «чересчур пытливым и опасным».

Наконец, любовь к Книге привела Иванова в провинциальную типографию, где он быстро овладел едва ли не всеми типографскими профессиями.

Как начался новый, чрезвычайно важный для Иванова этап в его отношении к Книге,— этап, продолжавшийся уже до конца его дней?..

Вся жизнь Иванова отмечена поразительной, какой-то отчаянной страстью к знанию, к духовному совершенствованию. Иванов многим людям напоминал энциклопедистов, но ему самому свои знания казались ничтожно малыми. И во многих произведениях Иванова звучит один и тот же мотив: грустное сожаление о том, что самому не пришлось учиться; добрая зависть к поколениям, у которых такая возможность есть.

Впрочем, как явствует из дневника, он понимал: «судьба человека есть совокупное действие обстоятельств» (Личный архив Вс. Иванова). Сложись все иначе, может Всеволод Иванов и не стал бы Всеволодом Ивановым. Не без умысла передает нам писатель один свой разговор с артистом МХАТа Н. Хмелевым. «Где Вы учились?» — спросил исполнитель у драматурга, в пьесе которого готовился сыграть главную роль. «Я не получил систематического образования», — ответил Иванов. И тогда его собеседник заметил, что это счастье — учиться у жизни. Так считал и сам Всеволод Иванов. Тяжкие «университеты» жизни были радостны для него редкой возможностью узнавания человека. Пожалуй, без этих «университетов» он не смог бы по-настоящему оценить Книгу. Еще в 1920 г. Иванов отметил этот новый для себя взгляд на книгу. Он работал тогда в глухом сибирском уезде, был инструктором наробраза, организовывал вечерние школы для взрослых. Иванов писал одному из друзей:

«Учишься сам и других учишь. И книга теперь является советчиком в вопросах жизни, а не самоцелью, как было раньше. Ей — слово! Я приемлю жизнь теперь с неожиданной для себя верой...»

Эта непрекращающаяся, постоянная учеба, проверка Книги жизнью (и наоборот!) определили духовный темперамент Иванова, его творческие и человеческие устремления.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Почти все мемуаристы называют библиотеку Вс. Иванова «удивительной», «странной».

Думая об этом знаменитом книжном собрании, снова убеждаешься: судьбы библиотек часто похожи на судьбы людей — они тоже пропадают без вести или погибают, оставаясь лишь упоминанием в чьих-то мемуарах.

Вот и о библиотеке Вс. Иванова ходит много устных рассказов, почти легенд, но, к сожалению, многие ценнейшие экземпляры этой коллекции сгорели на даче писателя во время минувшей войны (около 12 тыс. томов). Мы можем сейчас лишь восстановить по свидетельствам современников общие черты и характер ивановской библиотеки. Нет нужды говорить о том, зачем это нужно: соединенные вместе — в библиотеку — книги обретают новое, дополнительное качество, резко окрашенное индивидуальностью владельца. «Портрет» библиотеки — это еще один, порой неожиданный, но точный, неутаенный, портрет человека, собирателя книг.

Начну с документа. С анкеты, заполненной Вс. Ивановым 6 апреля 1926 г. Писатель отвечает на вопросы Н. С. Ашукина, с которыми он обратился ко многим литераторам.

По-деловому, коротко — о том, сколько томов книг в личной библиотеке: «Думаю — сотни две, не больше. А может и четыре».

Предельно точно о составе библиотеки: «Беллетристики совсем не держу. Кроме Стивенсона, Бальзака и Тургенева. Остальное — этнография, история путешествий, книги по технике и словари».

Отвечая на вопрос: «Давно ли Вы собираете свою библиотеку?», Иванов сначала делится планами: «Буду расширять с осени, а то все некогда было; значит — и не собирал».

Анкета заполнена Ивановым торопливо, мимоходом — наверное, в перерыве между работой. Безыскусные строчки красноречивы, они свидетельствуют: так начиналась эта библиотека, так начинался Иванов-библиофил.

Сразу же, для контраста, процитирую еще один чудом сохранившийся документ — личный дневник продавца книжного магазина Э. Ф. Ципельзона. Здесь есть запись поистине необычная: по случайности Э. Ф. Ципельзон оказал-

ся соседом писателя и видел, как Вс. Иванов переезжал с одной квартиры на другую. У продавца книжного магазина свой взгляд на это непримечательное событие; 3 марта 1934 г. он записал в дневнике:

«Вот уже три дня переезжает Вс. Иванов в Нащокинский переулок. Я живу близко, на Гоголевском бульваре, угол Сивцева Вражка, и наблюдаю любопытную картину. Можно подумать, что переезжает не писатель, а книжный склад антикварного магазина. У шофера грузовика, наполненного только книгами (заметил связки переплетенного журнала „Русский вестник“), узнал, что „вот уже третий грузовик только с книгами, еще три будет“».

Между двумя приведенными выше документами — восемь лет. Уместно сказать: всего восемь лет... За эти годы Иванов стал, по словам Э. Ф. Ципельзона, «ревностным собирателем „книжной старины“». Он уступал в этом только знаменитому книголюбу Демьяну Бедному». Да, в библиотеке Иванова были редчайшие издания — например первое и второе издания французской энциклопедии, созданной Д. Дидро и Д'Аламбером.

Интересно задать вопрос: почему? Почему человек, говоривший в 1926 г. о своей будущей библиотеке легко, почти между прочим (так говорят о чем-то хорошем, но второстепенном), потом едва ли не ежедневно тратил по нескольку часов на обход книжных магазинов?

И опять вслушаемся в голоса современников — людей, пытавшихся понять суть, природу нравственного характера Вс. Иванова. «Нигде цельность его натуры не сказывалась с таким пленительным изяществом, как в его отношении к *книгам*, — пишет философ и литературовед Валентин Фердинандович Асмус. — Книга была для него не только типографским запечатлением мысли, но и произведением искусства. Именно поэтому, а не из антикварного эстетизма, он любил *старые* книги: по их близости к слиянию графики, живописи и поэзии, по большей гармонии материала и его художественной и живописной обработки».

... Вместе с сыном Вс. Иванова — Михаилом Всеволодовичем — открываем один за другим огромные шкафы из светлого дуба, чертежи которых были сделаны самим писателем. Глядя на книжные полки, ощущаешь неуклонное движение лет, движение беспокойной ивановской мысли.

Художник постигал мир, человека; он, например, «хотел понять старую Россию по случайным свидетельствам,

понять ее точно, беспристрастно... Книги по истории, летописи, путешествия, исторические романы — все, что не собирается обычными библиофилами, было собрано Всеволодом Ивановым...» Так объясняет «происхождение» библиотеки Иванова Виктор Борисович Шкловский.

Таким образом появились, наверное, на полке «Нешастные приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода в трех частях света: Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год» (изд. Б. Л. Гека, 1793). Безусловно, по той же причине Иванов нашел и приобрел «Наблюдение о разведении табуку и приготовлении наилучших родов курительного и нюхательного» (Спб., 1810). Естественно занял свое место в библиотеке Иванова огромный ларь со старинными русскими лубками. Долгие годы писатель со страстью разыскивал различного рода атласы. И не кажется странным, что Иванов, человек сугубо штатский, собрал целую библиотеку книг по военному делу. Вот некоторые из них: «Происки и хитрости военные» (Спб., 1759), «Анекдоты достопамятной войны россиян с французами» (Спб., 1813), номера «Военного журнала» за 1828 г., «Вооруженные силы России» Р. Фадеева (М., 1868).

Стоят на полках книги о буддизме — едва ли не все, что выходило на эту тему по-русски. Сразу вспоминается: в 1923 г. Иванов написал повесть «Возвращение Будды», которая стала переломной в его творчестве; он не раз бывал в буддистских храмах и монастырях; в буддийских книгах он находил открытую человеком мудрость об изменчивости, печальной относительности, радостном многообразии мира.

Всю жизнь перечитывались Ивановым книги по психологии — он хотел познать «тайное тайных» человека, хотел сделать более точной литературу, призванную запечатлеть неточные, не предсказываемые заранее блуждания человеческой души. Иные из книг по психологии были куплены бывшим «факиром» еще в ранней юности. Они стоят на отдельной полке. Здесь и «Практическая магия (черная и белая)» Папюса (Спб., 1912), и «Курс лекций о личном магнетизме. Самообладание и развитие характера», и «Воспитание памяти. Наука о наблюдении, памяти и воспоминании. Вильяма Аткинсона». На последней книге — примечательная надпись Всеволода Иванова: «Это — немногие из уцелевших книжек (есть еще разрезанный Даль), которые покупал я в 1912—15 гг. в Кургане, Омске или Екатеринбурге. Разумеется, верил я им абсолютно! 1960».

В течение двух десятилетий писал Иванов работу по теории литературы — тщательно прорабатывались, конспектировались, наконец, занимали свое место в его библиотеке научные труды об искусстве разных веков и разных народов.

Многие книги были просто необходимы Вс. Иванову в творческом процессе. Вот «Открытые тайны древних магов и чародеев, или Волшебные силы природы в пользу и увеселение употребленные» (М., 1804). Прекрасное издание в девяти томах. Эти книги, как «Словарь натурального волшебства» (1795), Иванов читал, работая над пьесой «Ломоносов», — с помощью первоисточников стремился приобщиться к науке того времени.

И вкусы Иванова-читателя полно раскрываются в его библиотеке.

Особой любовью Иванова был театр. Еще до революции он выступал в бродячих актерских труппах. С тех же дней и до конца жизни писал пьесы. Понятно, почему появился в библиотеке Вс. Иванова сборник «Российский феатр, или Полное собрание всех Российских феатральных сочинений» (1790).

Сами за себя говорят десятки изданий «Дон-Кихота». Вот, к примеру, Сервантес издания Платона Бекетова (М., 1804).

Или тома журнала «Время» с прижизненными публикациями Достоевского — любимого автора Вс. Иванова. Кстати, в его библиотеке есть почти все, что издавалось в России о создателе «Братьев Карамазовых».

Часто брал Иванов в руки «Страсти молодого Вертера» Гете (1794).

Судьба иных книг во времени поистине необычна. Передо мной «Серрапионовы братья» Гофмана (М., 1836). Когда-

*Всеволод Иванов
подбирает материалы
для своей новой книги
о гражданской войне*

то эта книга напомнила Вс. Иванову о дальней и пылкой юности, о Петрограде начала 20-х гг., о литературной группировке «Серапионовы братья», куда он входил вместе с К. Фединым, М. Зощенко, В. Кавериним, Н. Тихоновым, М. Слонимским, Н. Никитиным и некоторыми другими писателями. На книге — надпись: «Сие сочинение приобрел в память путешествия в Ленинград, а также 10-летнего пребывания в „Серапионах“ — марта, 17 дня 1931 г.» И тут же восклицание Иванова, обращенное к друзьям юности: «Серапионы, приветствую вас!..»

В библиотеке Иванова интересно само по себе сочетание книг, сочетание наук и предметов, которые являлись одинаково дорогими и необходимыми писателю: древняя история, минералогия, теория относительности, биология; фольклор, экономика, дипломатия... Перечислять можно долго!

До Великой Отечественной войны библиотека Вс. Иванова состояла из двух частей: одна находилась в городской квартире, в Лаврушинском переулке; другая — большая часть — на даче, в Переделкине. Кстати, на даче, рассказывает М. В. Иванов, было как бы несколько библиотек: отдельно хранились энциклопедии и так называемая читабельная литература, отдельно — огромная коллекция изданий по истории религии. Еще в одном месте были сосредоточены книги для детей, среди которых тоже много редких (например, одно из первых французских изданий Брэма).

Библиотека Иванова не была «мертвой»: она не походила ни на фундаментальные собрания — маленькие домашние «публички», ни на склад былых увлечений. Время от времени библиотека освобождалась от ненужного; об этом говорит хотя бы такая запись в дневнике писателя от 29—30 декабря 1942 г.: «Библиотеку совершенно привел в порядок. Оказались лишними только поэты. Наверное, подарю их И. Н. Розанову».

Да, была у человека большая любовь к Книге, но не было книжного фетишизма.

... То, что кабинет Вс. Иванова навсегда покинут хозяином, сказывается и в расположении книг на полках. Раньше они стояли по системе, известной лишь одному Всеволоду Вячеславовичу, — на первый взгляд, беспорядочно и бессистемно. Это обычно приводило всех в недоумение, но по просьбе домочадцев и гостей Вс. Иванов легко находил нужную книгу.

Вот что рассказывает вдова писателя Тамара Владимировна Иванова:

«Однажды, когда Всеволод был в отъезде, дочь Таня попробовала навести в библиотеке порядок. Она долго работала, взяв за основу библиотечную классификацию. Однако, вернувшись из поездки и осмотрев библиотеку, Всеволод страшно расстроился... Он успокаивал себя лишь одним: „Ничего, через полгода все встанет на свои места“».

Теперь книги переставили, чтобы ими легче было пользоваться. Ведь секрет «системы» Иванова так и остался неразгаданным.

* * *

В конце жизни Вс. Иванов написал «Историю моих книг» — историю создания своих художественных произведений. Сколь захватывающей была бы история ивановской библиотеки!

Вот история лишь одной из книг этого собрания.

Полвека Вс. Иванов пользовался словарем Даля. Впрочем, «пользовался» — явно не то выражение. Словарь был куплен на первые заработанные деньги, странствовал в котомке «факира» и наборщика, помогал молодому автору в первых литературных опытах.

В феврале 1921 г. словарь переехал вместе со своим владельцем в Петроград, куда Вс. Иванов был командирован омской газетой: «Направляется в распоряжение Горького». В Петрограде словарь как бы начал жить для Иванова другой, необычной, жизнью. Писатель уже обращался к словарю не только и не столько за справками. Как заметил Вячеслав Всеволодович Иванов, его отцом всегда владела «поэтическая нелюбовь к излишней систематичности»; повинувшись этому чувству, писатель разрезал словарь Даля на отдельные листы, тщательно перепутал их и в таком — каждый раз новом — «порядке» читал. В дневнике Иванова и воспоминаниях о нем многократно встречаются упоминания об этом странном чтении. Видишь: писатель зачастую брал в руки словарь Даля в минуты, когда «мысли бегут в сторону, жить не хочется». И читал, по собственному признанию, «с наслаждением, почти совершенно непонятым».

Впрочем, наслаждение это все-таки можно понять. Вс. Иванов и в жизни, и в искусстве любил идти дорогой непредсказанной, не известной заранее; читая перепутанные

столбцы словаря Даля, он отправлялся в мир Слова — «путешествие» дарило новые, неожиданные, неизменно счастливые встречи.

«Я ДУМАЛ О КНИГЕ»

Размышления Вс. Иванова о Книге зачастую не предназначались для печати. В большинстве своем они запечатлены на страницах дневника. Может, поэтому у автора нет ни малейшего стремления повторять правильные, но хорошо известные истины; истины эти как бы подразумеваются Вс. Ивановым.

Однако он не стесняется серьезно задать себе вопрос, ответ на который, кажется, очевиден: какую роль играет книга в человеческой жизни? В течение ряда лет Иванов заносит в дневник свои размышления по этому поводу, описывает судьбы различных людей в их соприкосновении с Книгой. Записи Вс. Иванова сливаются в противоречивую, неровную, но единую цепь. Их до конца поймешь только в контексте времени, творчества художника, в контексте его сложной судьбы.

Ключ к этим записям — неожиданная заметка, сделанная Всеволодом Ивановым на одном из трудов по... лесозащиты: «Скрипка: это вещь, тоже дерево? (...) Книга — дерево. Я думал о книге. Что такое? Это прибор для передачи мыслей на расстояние... Ну, до чего же здорово».

Такое понимание книги выношено, выстрадано Ивановым: книга как связной между людскими сердцами, как луч, проникающий сквозь глухую стену человеческого непонимания, одиночества, неверия.

Пройдем дорогой писательских раздумий. Эта дорога увлекательна, хоть и довольно извилиста.

* * *

Книга — любимый образ Иванова-художника. Так же, как ветер, песок (в ранних произведениях); так же, как в позднем творчестве, — хмель...

Не случайно один из первых своих рассказов, очень понравившийся Горькому, автор назвал коротко, многозначительно: «Книга». Интересно вспомнить и замысел Иванова написать роман или повесть о букинистах — еще один несуществующий замысел! Пожалеем о том, что страсть ху-

дожника слова так и не соединилась здесь со страстью книжного собирателя: две любви наверняка бы породили творение трепетное, яркое. Вс. Иванов уже обдумывал сюжет, уже видел своих будущих героев. Предвещая близкую встречу с ними, автор записал 5 мая 1935 г. в альбом Э. Ф. Ципельзона (прототипа своего несостоявшегося персонажа) такое признание: «Книга для меня, дорогой Эммануил Филиппович, стала второй родиной. Я уважаю вас, как земляка в этих путешествиях по родине, которые мы с вами свершаем ежедневно,— и по-разному. Будем надеяться, что мы, встречаясь у книг, встретимся и в книге. Жму книжную Вашу длань!»

... Написав произведение, Вс. Иванов представлял его опубликованным; порой ему страстно хотелось тотчас же подержать в руках свою будущую книгу. Особенно частыми эти мечты были в 30—50 гг.: многие повести, рассказы, романы Иванова шли тогда не в печатный станок, а в письменный стол автора. С волнением читаешь сегодня признания Иванова о том, как ему виделись корешки собственных неизданных книг.

6 июня 1942 г.: «Окончил роман „Проспект Ильича“. Испытываю живейшее удовольствие от этого события... Тополь... — придумал я в тот день образ...»

Книга — тополь... Эти понятия стоят для Иванова в одном ряду. Единство обуславливалось, конечно же, не тем, что бумагу изготавливают из дерева; дерево и книга — прекрасный символ связи беспокойного человеческого духа с его земными корнями.

* * *

В годы войны Иванов особенно много думал о Книге. Так, например, появилась в его дневнике запись, которую, не смущаясь размером, стоит процитировать. В сущности, это короткая документальная новелла: в ней есть и пульс времени, и непростой человеческий характер.

Вс. Иванов рассказывает о встрече, которая произошла в редакции газеты «Гудок». Собеседник писателя — инженер, начальник службы движения одной из железных дорог; во время войны он довольно долго работал в штабе партизанского отряда Курской области.

Сначала портрет: «Это — пожилой, сорокалетний мужчина с массивным лицом бюрократа, с белокурыми, сильно

поредевшими волосами, должно быть, некогда очень следивший за своим внешним видом, а сейчас очень довольный тем, что ему дали полушубок. В конце разговора он стал говорить более широко, но человек он, по-видимому, сдержанный и предпочитающий говорить отчетно».

А затем идет диалог двух людей о Книге:

«Я спросил его:

— А книги, для чтения, у вас были?

Надо помнить, что он год был в лесах; и посейчас, когда выходит днем,— оглядывается, так как днем они выходили „в поле“ редко, а если шли, то озирались — нет ли немцев или полицейских.

— Книг не было. Однажды зашли мы в село. Я к учительнице: „Нет ли чего почитать?“ Она говорит: „Немцы библиотеку сожгли, а у меня, из личных моих книг, остался один Тургенев“. Я беру книгу в руки. В томе — „Рудин“ и „Дворянское гнездо“. У меня память хорошая, я Тургенева хорошо помню, но тут глаза так и бегают по строчкам. Выпросил книгу. Прихожу в отряд и гляжу — какие-то у товарищей странные взгляды на меня. Как будто, как в детстве читал,— плывут в лодке, голодные, и пора бросить жребий... В чем дело? — думаю. А сам — в книгу. А они на меня глядят. И лица тоскующие, не иначе. Ну, думаю, если я эту книгу выпущу,— прощай! Работа же у меня такая, что надо часто уходить. Книгу оставлять нельзя. И — я ее закопал в лесу. Приду, почитаю и, как только оторвут, опять закопаю».

Иванов не идеализирует своего собеседника, некоторые черты которого явно не симпатичны писателю. Он не стремится свести все к привычной схеме: мол, книга Тургенева шла по войне вместе с бойцами, передавалась из рук в руки... Иванову дорога правда: было именно так.

Интересно, что на ту же тему в дневнике есть иная запись — с иной тональностью. Здесь запечатлена другая встреча писателя в военной Москве. Тоже маленькая новелла.

5 декабря 1942 г.:

«Скользко. Падает снег. Идти трудно. (...) Иду сутулый, унылый...

— Товарищ Иванов? — слышу голос.

Вглядываюсь. Лицо незнакомое. Командир. Навеселе, явно.

— Да.

— Разрешите представиться, товарищ Всеволод Иванов. Гвардии подполковник Корольков. Сибирскому казаку — от донского привет. До свидания.

Идет.

— Позвольте, товарищ Корольков. Да вы хоть расскажите, кто вы такой.

— Не могу. Отпущен на один день из-под Ржева. Иду, разношу приветы. Пишите книги, Всеволод Иванов, а мы будем рубать немцев.

И ушел, чудак».

... Зачем Иванов так подробно — с деталями и диалогами — описал в дневнике эти две встречи? Ведь записи содержат информацию, которую легко восстановить в памяти даже по короткой фразе. Думаю, подробности объясняются тем, что перед нами не случайная фиксация наблюдений, но два ответа на один, ясный Иванову, хоть и несформулированный здесь вопрос. Все тот же вопрос о роли и значении Книги в конкретной человеческой судьбе, о реальной силе писательского слова. В дни войны эта сила становится более очевидной — как бы «материализуется». И осознание этого не просто радует Иванова, но придает ему мужество, твердость в самые трудные и кризисные моменты жизни.

* * *

Через отношение к Книге Иванов пытался понять не только свой век, своего современника, но и самого себя. Часто встретим в его дневнике попытки проанализировать состояния и движения собственной души, попытки разобраться: как вместе с «бегом времени» менялись собственные нравственные устремления?

«Я всегда был расточительным и все реже и реже жадным,— размышлял Иванов 8 июня 1942 г.— Но жадность на книги оставалась всегда, а сейчас она обострилась. Конечно же! Дикари ничто так не любят, как оружие. В современном обществе книгой можно ловчее убить человека, чем самым острым кинжалом». Иванов не был склонен к самообольщению. Удивляясь себе, он тут же описывает такой эпизод: «Вчера пришли дети от Пешковых, и я страшно рассердился, что Тамара отдала им мои книги».

Комментируя эти строки, М. В. Иванов рассказывает о такой черте характера Иванова-библиофила: «Отец мог с

удовольствием подарить любую, даже самую ценную, книгу, но давать „почитать“ не любил». Тамара Владимировна Иванова добавляет: «В конце 40-х годов Всеволод подарил К. И. Чуковскому комплект журнала „Отечественные записки“ — Корней Иванович работал тогда над книгой „Мастерство Некрасова“. Растроганный Чуковский ответил Всеволоду теплым письмом».

Эта тема снова возникает в дневнике через несколько лет — уже после войны, 31 декабря 1946 г. Возникает неожиданно, странно:

«Перед смертью Ирина Сергеевна, жена Асмуса, приказала положить с собою в гроб томик Эпикура.

А действительно, скучно в такое длинное путешествие отправляться без книги!

Когда мне нужно было уезжать из Москвы в эвакуацию и пришел за мной Евгений Петров, страшно серьезный, в шинели и с пистолетом, я вошел в кабинет, посмотрел на полки... и не взял ни одной книги».

Недоумение слышится в этих строчках. А ответа нет. Иванов не торопится с ответом; он знает, что еще вернется к этой теме и постарается постичь сложную связь: человек — время — книга. Так что не будем и мы ставить точку там, где сам писатель поставил многоточие.

* * *

Всеволод Иванов не переставал думать о своем читателе, который поймет его мучительные поиски слова, скупую и порой страшную правду его произведений, его надежду на доброту как на спасительный якорь человечества.

Но писатель не строил иллюзий, понимал: существует литература и другого рода, противоположная той, которую создавал он сам. Однажды, тяжело больной, Вс. Иванов записывает в дневнике: «В больнице о книгах никто не говорит, меня не знают, развозят книги на „каталке“, и там всевозможная макулатура. Ее и читают».

Однако эти строки не были типичными для Всеволода Иванова. Это скорее была только констатация факта — сердце говорило художнику о другом. В 1962 г. он пишет статью, где пытается ответить на те же самые вопросы. Статья обращена к молодым литераторам — это и исповедь, и проповедь одновременно.

Прост и печально-спокоен зачин статьи; печально-спо-

койно на душе у художника, вступившего в свою осеннюю пору. «Сейчас, когда я пишу эти строки, — выводит перо, — под Москвой, где я живу, — чудеснейшая осень. В пятом часу дня, хотя солнце уже заметно склоняется к закату, светло, как в полдень, и сосны, и березы, и зеленеющие травы — все сверкает и светится, как утром; через поляну, на холме, отчетливо виден старинный храм. Я смотрю через окно на поляну, деревья, храм, зажав в руке перо, и думаю, думаю...»¹.

Автор безыскусен и откровенен с читателем; мы видим, как он пишет, как движется его мысль, как он вдруг сбивается и долго смотрит в спокойное холодное небо. Размышляет: «Я прожил в этом мире — той жизнью, которая называется сознательной, — лет пятьдесят пять; немало, как видите. Я много и часто ездил по земле, наблюдая за человеком внимательно и напряженно... И уверяю вас, что за эти пятьдесят пять лет моих наблюдений мир и человек стали далеко не так рационалистичны и деловиты, как иногда нам кажется. Смею думать даже, что фантазия в человеке растет, как говорится, не по дням, а по часам»².

Да, годы не изменили Иванова. Он становился старше, умудреннее, но оставался все тем же мечтателем, факиром Бен-Али-беом. На закате дней он и Книгу по-прежнему видит в некоем романтическом ореоле. В 30-е гг., вспоминая свое детство, Вс. Иванов признался: «Все книги для нас были тогда неожиданны и таинственны, как скитания в лесу...» Через несколько десятилетий он снова повторяет, как заповедь: «Таинственное дело — книги. Таинственен и странен человек, пишущий книгу, — и читающий ее не менее странен». Иванов вспоминает, что когда-то, в старину, сочинителей принимали за волшебников; он тихо, с надеждой добавит: «Мне думается, и по сей час этот ореол не исчез совсем: блески его, робкие звездочки, кое-где сверкают на пиджаках, крахмальных и некрахмальных рубашках пишущих книги — и читающих их».

Иванова по-прежнему завораживает сам процесс создания книги, он кажется писателю почти чудодейством: «И не волшебство ли, когда ваши исписанные листы, пройдя сквозь машины, превращаются в сброшюрованные страницы, во все то, что называется кратко — книга?»

¹ «Вопросы литературы», 1962, № 1, с. 165.

² Там же, с. 166.

Этот последний монолог писателя о Книге кончается неожиданно — вероятно, только Иванову присущей нотой: «Тут может случиться — это случалось не раз и, по-видимому, будет случаться все чаще и чаще, — что писатель, положив рукопись оконченной книги на письменный стол, вдруг услышит грохот землетрясения, который произвела его книга. И гул от этого грохота не раз обойдет вокруг всего земного шара!»

* * *

Так шел Всеволод Иванов по жизни. Шел вместе с Книгой. Дорога оказалась именно такой, какой загадал ее когда-то в Сибири юноша-наборщик: не было «нарядной и фосфорической славы» — был обычный путь познания, труда, искусства. Путь, который всегда столь «мучителен, тягуч, крут и сладостен»...

Кемерово

Поиски и находки

СУДЬБА ЭКЗЕМПЛЯРА

Сколько книг на белом свете?

Никакие самые совершенные электронно-вычислительные машины не дадут, наверное, точного ответа. Да, книг на земле превеликое множество! И не оттого ли бесконечно дорогим бывает тот разъединственный экземпляр, который в сию минуту вы держите в ладонях? Быть может, завтра его заменит другой, а тот, вчерашний, будет забыт. Но ведь это случится потом, а не теперь. И, кроме того, есть экземпляры, встречи с которыми оставляют в памяти неизгладимый след, сколько бы книг ни перебивало затем в ваших руках.

Вот история такого экземпляра. Словно незримой нитью связал он жизнь библиофилов разных эпох, разных поколений. Самим фактом своего существования он физически осязаемо подтверждает извечную истину: нет в отдельности прошлого и в отдельности — настоящего, они слиты в единый, нерасторжимый поток времени...

Тоненькая брошюрка в двадцать четыре страницы, изданная на заре столетия. Поверх серо-голубых обложек (передняя, как и титульный лист, отпечатана в две краски) — переплет, выполненный с каким-то особым шиком. Имитированная под старину, с мраморными разводами, бумага на крышках. Корешок из кожи тонкой выделки. А на узеньком ребре корешка с идеальной прямизной тиснуто золотом название. Вот уж действительно достойная ювелира работа! Посмотришь на книжку — точно модница, выбравшая для прогулки лучший свой наряд.

Тому, кто столь удачно облачил брошюрку, было жаль пустить свое детище в мир без персональной меты. И на заднем форзаце появился крошечный черный ярлычок: «Переплетная А. Шнель. Морская 28, Спб.» Теперь все ста-

ло на свои места: книжка-то, выясняется, вышла из заведения первоклассного столичного переплетчика.

Прежде чем попасть в мастерскую А. Шнеля, брошюрка продавалась в петербургском магазине книготорговца-антиквара В. И. Ключкова (Литейный проспект, 55), что также удостоверяется фирменным знаком, наклеенным на задней стороне обложки.

Кто же купил в ключковской лавке книжицу и передал в искусные руки переплетчика?

Экземпляр продолжает развертывать перед нами свиток своей судьбы...

Книжный знак знаменитого библиофила предреволюционной поры Николая Козьмича Синягина относится к числу самых безвкусных. Отпечатанный в две краски, он представляет собою вычурную композицию из листиков и цветочков совершенно ненатурального вида. Больше напоминает декоративную почтовую марку, нежели экслибрис. Ощущение сходства усиливается и оттого, что края знака, как на марках, зубчатые.

Брошюра значилась в картотеке Н. К. Синягина под инвентарным номером 6569: именно такой номер оттиснут на экслибрисе, приклеенном к переплету. Впрочем, о реальном объеме прославленного книгохранилища судить по этой цифре нельзя. Вот что рассказывает в своих мемуарах Ф. Г. Шилов: «Собирал Синягин столь энергично, что в течение десяти-пятнадцати лет создал такое собрание книг, брошюр, гравюр, литографий и рисунков, изображающих виды русских городов, монастырей и церквей и быт русского народа, какое никто до сих пор не мог собрать».

Начав с хаотического коллекционирования, Н. К. Синягин позднее выработал для себя определенную систему собирательства и строго следовал ей. Это позволило ему стать не только хозяином накопленных богатств, но и специалистом-библиографом: им составлены два выпуска «Материалов для библиографии русских иллюстрированных изданий» (Спб., 1909—1910). Неудивительно, что Н. К. Синягин с особым тщанием комплектовал для себя раздел книговедческой литературы.

Какова участь синягинской библиотеки? Об этом подробно повествуется в тех же шиловских «Записках старого книжника»...

Совсем недавно в Ленинграде в преклонном возрасте скончался Павел Викентьевич Губар, последний из могикан

дореволюционного библиофильства. Еще в 1917 г. П. В. Губар очень выгодно приобрел библиотеку Н. К. Синягина. В продолжение 20-х гг. раритеты из нее продавались в открытом П. В. Губаром магазине «Антиквариат». Позднее владелец подторговывал ими в частном порядке.

Тогда-то, вероятно, и перебрался наш экземпляр из Ленинграда в Москву. Пониже аляповатого синягинского знака появился на переплете новый, радующий взгляд своим изяществом. Этот хорошо известный знатокам экслибрис — гравюра на дереве, вышедшая из-под штихеля И. Ф. Рерберга (1922). Надпись на нем гласит: «Из книг А. М. Макарова».

Сюжет знака лаконичен: лупа, лежащая на развернутом волюме. Но это как раз та простота, которую мы называем благородной. Художник словно подсказывает: вы имеете дело с истинным библиофилом, с изучателем, а не просто накопителем книг.

Имя Александра Михайловича Макарова в собирательском кругу было окружено заслуженным почетом. Патриот своей родины, он, не располагая большими финансовыми средствами, сумел составить блистательную коллекцию материалов, посвященных героическому прошлому российской армии. А. М. Макаров не упускал возможности присоединить к ней все, что имело отношение к военно-исторической тематике. В его квартире-музее можно было увидеть рукописи и рисунки, портреты и ордена, наборы оловянных солдатиков и значки. Но ядром коллекции оставалась библиотека. Еще в 20-е гг. А. М. Макаров был деятельным членом Русского общества друзей книги и даже последним секретарем этого симпатичного содружества московских библиофилов.

Александр Михайлович интересовался и экслибрисами военного происхождения. Они привлекали его как документальное свидетельство существования давно уже исчезнувших с лица земли армейских библиотек. Плод многолетних тщательных разысканий, подборка экслибрисов служила коллекционеру своеобразной научно-библиографической лабораторией.

С коллекцией воинских книжных знаков А. М. Макарова соперничала только коллекция Бориса Афанасьевича Вилинбахова. Отставник-майор, он в течение многих лет занимал пост ученого секретаря секции коллекционеров (затем секции книги и графики) ленинградского Дома уче-

ных. Автор бесчисленных докладов по экслибрисологии (они непременно превращались потом в машинописные брошюры), Б. А. Вилинбахов обладал крупнейшей коллекцией книжных знаков и до конца дней своих (умер в 1969 г.) возглавлял в городе на Неве отряд любителей этого вида собирательства.

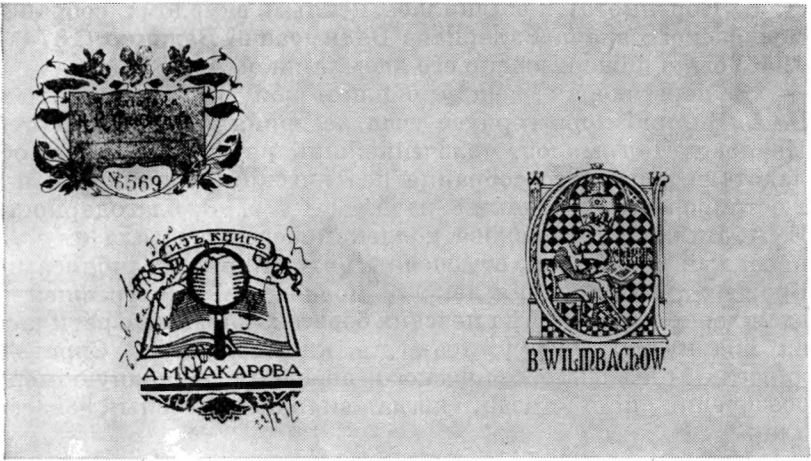
Всякий экслибрисист мечтает иметь у себя близкую к исключительной полноте библиотечку старой литературы по своему профилю. Тем более нуждался в ней как исследователь Б. А. Вилинбахов. Но даже в его собрании зияли долгое время лакуны: ведь дореволюционные издания по книжному знаку, выходившие ограниченным тиражом, редко встречаются на букинистическом горизонте. Чаще приходится рассчитывать на библиофильскую солидарность и щедрость.

В один из приездов Б. А. Вилинбахова в Москву («на свидание с коллекцией А. М. Макарова», — как он сам выразился), Александр Михайлович торжественно вручил ему вожделенный экземпляр из бывшей синягинской (и теперь уже бывшей макаровской) библиотеки. А дабы у третьего лица не возникало на счет нового книговладельца нелестных подозрений, Александр Михайлович размашисто начертал поперек своего знака: «Передаю в собрание Б. А. Вилинбахова» — и подписался. Произошло это, судя по оставленной отметке, 22 августа 1947 г.

Места на крышке переплета для очередного экслибриса не оставалось, и Б. А. Вилинбахов использовал форзац. Так на экземпляре поселился третий книжный знак.

Борис Афанасьевич в неопубликованных мемуарах «Мой коллекционерский путь» рассказывает о том, как еще в 1933 г. заказал для себя художнику А. А. Труханову экслибрис, который и был тогда размножен цинкографским способом тиражом 500 экземпляров. Символику знака постичь нетрудно: нарисованный в старонемецком стиле рыцарь (намек на армейскую профессию владельца) читает книгу.

После смерти Б. А. Вилинбахова его коллекция экслибрисов, за исключением военных, поступила в московскую Центральную городскую публичную библиотеку им. Н. А. Некрасова (директор Е. А. Решетникова), где сейчас проводится серьезная работа по собиранию, систематизации и изучению отечественных книжных знаков. Недавно, в частности, экслибрисные фонды изотеки (заведующая

Экслибрисы на брошюре У. Иваска «О библиотечных знаках»

Л. В. Коренкова) пополнились ценным вкладом: собрание московского врача Валериана Вадимовича Величко (1874—1956) было пожертвовано его племянником.

В переговорах между библиотекой и наследниками Б. А. Вилинбахова горячее участие принял москвич Сергей Иванович Богомолов, увлеченнейший из библиофилов, обладатель неплохого собрания поэтических сборников и иллюстрированных изданий начала XX в. В благодарность Е. А. Вилинбахова, вдова коллекционера, передала ему заповедный экземпляр, отмеченный уже тремя экслибрисами. Брошюра, выпущенная некогда московской типографией и дважды побывавшая на невских берегах, вновь возвратилась на родину... Люди умирают, а книги живут! Справедливость этого философического афоризма в полную меру осознаешь лишь тогда, когда видишь подобный экземпляр.

Итак, летом 1974 г. библиофильскую эстафету принял С. И. Богомолов, и четвертый владельческий знак занял свое место на книге. Этот экслибрис — миниатюрную гравюрку на дереве — нарезала дочь Сергея Ивановича — Татьяна Прибыловская, молодая художница, обратившая на себя благосклонное внимание работами в области книжной графики.

Знак остроумный и не без подтекста, требующего некоторой дешифровки. По кособору на двух колесах катится деревянная избушка с висящей на петлях дверью (семейный камешек в огород отца!). Из трубы вьется вместо дымка надпись: «Из книг». Но самая многозначительная деталь сюжета — крыша избушки. Присмотревшись, замечаешь, что это вовсе и не крыша, а... полуоткрытая книга, на переплете которой значится: «Иваск-4».

Теперь, кажется, пора назвать нашу брошюру «по имени-отчеству». Речь идет об очерке У. Г. Иваска «О библиотечных знаках, так называемых ex-libris'ax, по поводу 200-летия их применения в России. 1702—1902» (М., 1902). Вот какая любопытная в разных отношениях книжка оказалась некогда в роскошной синягинской библиотеке!

О родоначальнике отечественной экслибрисистики Удо Георгиевиче Иваске (1878—1922) нет нужды говорить подробно. Специалистам отлично знакомы его труды, отличающиеся необычайной основательностью и скрупулезностью. Наиболее популярно в библиофильской среде фундаментальное «Описание русских книжных знаков» (1905—1918).

Но позвольте, ведь оно состоит из трех томов. Почему же на экслибрисе помянут четвертый, не существующий? Потому, что С. И. Богомоллов очень желал бы, чтоб работа У. Г. Иваска не осталась без продолжения.

Сам У. Г. Иваск отнюдь не считал, что его свод русских дореволюционных книжных знаков исчерпывает предмет. Мало кто знает, что сохранились некоторые предварительные материалы, предназначавшиеся ученым для четвертого тома указателя. После кончины У. Г. Иваска библиофилами обнаружено много неведомых прежде экслибрисов XVIII — начала XX вв.

Московский клуб экслибрисистов, в котором состоит Сергей Иванович Богомоллов, в содружестве с Центральной городской библиотекой им. Н. А. Некрасова как раз и проводит в последние годы большую работу по составлению дополнительного тома «Описания». Базой для нее служат богатейшее собрание Б. А. Вилинбахова, переселившееся в «Некрасовку», и коллекции членов клуба.

Собственно четвертый том вчерне как бы существует — предназначенные для него экслибрисы выявлены из общей массы. Но впереди самая ответственная часть работы по непосредственному описанию знаков и подготовке рукописи к изданию. Хочется надеяться, что в недалеком будущем такой труд, крайне необходимый книговедам и библиофилам, увидит свет.

Но вернемся, наконец, к нашему экземпляру в элегантном шнелевском переплете. Остается, впрочем, добавить немного: недавно он совершил еще одно путешествие — на сей раз в Воронеж и принял в свое лоно очередной, пятый по счету экслибрис (как вы, наверное, догадались, — автора этих строк). Дабы оставаться последовательным, скажу лишь, что исполнен экслибрис киевским графиком В. И. Лопатой по мотивам смирдинского альманаха «Новоселье».

Я смотрю на книжные знаки, украшающие переплет, и думаю: а ведь экслибрисы на старой книге — это ордена на груди ветерана! Каждая вежа долгой и славной жизни как бы отмечена наградой. И поневоле из глубины сердца поднимается чувство особого уважения к экземпляру-труженику.

РОТМИСТР-ЧЕРНОКНИЖНИК

Псевдонимы и анонимы Александра Вельмана

Популярный во второй трети прошлого столетия русский писатель Александр Фомич Вельман был исключительно трудолюбив и плодовит. М. П. Погодин писал о нем: «Он принадлежит к числу тех московских типических тружеников, которые работают с утра до вечера, в своем кабинете, никуда и никогда почти не выходят из дому, кроме случайных необходимостей, не знают никаких на свете удовольствий, и всецело преданы своему делу. Подражателей им желать бесполезно, ибо могут ли найтись охотники корпеть над письменным столом или за книгами часов по 15-ти в день...»

Автор 15 романов (один остался неизданным), множества повестей, рассказов и стихотворных произведений, Вельман напечатал, кроме того, ряд научных трудов. Его статьи и рецензии рассыпаны по страницам периодики 1830—1840 гг. Перечисление всех известных сочинений писателя заняло бы несколько страниц альманаха. Но далеко не все работы Александра Фомича могут быть названы. Ряд произведений он опубликовал анонимно и под псевдонимами. Некоторые до сих пор не выявлены.

Несколько лет, отталкиваясь от далеко не полных и неточных библиографических указаний на сочинения Вельмана в работах С. А. Венгерова, А. В. Мезьер, Г. Н. Геннади, я составлял список литературных трудов Вельмана, старался открыть еще не известные анонимы и псевдонимы писателя. Решая последнюю задачу, я, естественно, прежде всего обратился к «Словарю псевдонимов» И. Ф. Масанова.

В словаре Ивана Филипповича указаны пять псевдонимов писателя. Упомянув криптограммы «А. В.», «А. Ф. В.» и «В.», он отсылает к каталогу М. Д. Ольхина, к журналу «Москвитянин» за 1849 г. и к своему указателю «Библио-

графья Владимирской губернии». Из списка М. Д. Ольхина извлечь можно немного, к псевдониму «А. В.» я еще вернусь. В «Москвитяине» определить авторство Вельтмана несложно по оглавлению, указателю, а также используя архив писателя, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (фонд 47). В 1849 г. Вельтман издавал журнал совместно с М. П. Погодиным, и в его бумагах сохранились материалы того времени.

Интересно остановиться на четвертом и пятом псевдонимах.

Масанов указывает, что под псевдонимом «Г. В...н» Вельтман печатался в 1833 г. в «Сыне Отечества». Источником послужила запись в дневнике В. К. Кюхельбекера. Он в 1833 г. отметил, что прочел в журнале отрывки из стихотворной повести «Беглец», подписанной псевдонимом. Но тщетно мы стали бы искать эти отрывки в «Сыне Отечества» за названный год. Два фрагмента из повести появились на страницах журнала в 1825 г., в № 18 и 19, под псевдонимами «Ал. В....» и «Александр В.....н». Объяснение ошибки простое: до Кюхельбекера дошли старые номера, на что он в своей записи не указал, а псевдоним воспроизведен неверно. Кстати замечу, что в полный текст повести Вельтмана «Беглец», напечатанной отдельным изданием в 1831 г. и переизданной в 1836 г., многие стихи из журнальных отрывков не вошли. Но их перепечатали карманные книжки «Полярная звезда» и «Радуга» в 1832 г.

Далее И. Ф. Масанов называет псевдоним «Александр Вельдман», ссылаясь на словарь Г. Н. Геннади. Действительно, в 1817 г. Александр Фомич, тогда учившийся в школе для колонновожатых (т. е. для офицеров будущего Генерального штаба), написал и издал «Начальные основания арифметики» за подписью *Александр Вельдман*. Но это не псевдоним писателя, а подлинное имя. Его отец Фома Федорович Вельдман, по происхождению швед, всегда носил фамилию в данной транскрипции. До середины 1820-х гг. и Александр Фомич именовался в официальных документах *Вельдманом* и так подписывал свои работы. Позже стал называться Вельтманом и сохранил фамилию в такой транскрипции до конца жизни.

Просматривая журналы второй четверти XIX в., я установил, что, помимо атрибутированных ранее, перу Вельтмана принадлежат следующие произведения, подписанные криптограммой «А. В.».

А. Ф. Вельтман.
Акварель К. Бодри,
1839 г.

Это «Письмо к А. М. М.», напечатанное в № 3 «Московского телеграфа» за 1834 г. В несколько измененном виде письмо встречается в романе «Саломея» (1848). Вельтман был одним из авторов широко известных в 1840-х гг. «Очерков России», издаваемых Вадимом Пассеком. Некоторые свои статьи он подписал подлинным именем, две напечатаны под псевдонимом. Это исследование «Русская словесность» (книга III, 1840). В том же году появился отдельный оттиск статьи под заголовком «Очерки русской литературы. Статья I (изустная словесность)», подписанная

именем автора. В книге II «Очерков» опубликована статья «Сарай-орда Батыя на Волге». Она принадлежит Вельтману, так как рукопись находится в его архиве.

В начале 1960-х гг. литературовед Е. М. Двойченко-Маркова высказала предположение, что автором повести «Тундза. Валахская быль», напечатанной в «Одесском альманахе на 1840 год» неким «Радулом Куралеско», является Вельтман. Основывала исследовательница свой вывод на том, что во-первых, писателя с таким именем не существовало, а само имя означает, по-видимому, просто-напросто «рад куролесить» в шуточной молдо-валахской форме, во-вторых,— повесть по содержанию и художественной манере близка к произведениям Вельтмана, посвященным описанию быта и исторических событий в Бессарабии, Молдавии, Валахии и Добрудже, свидетелем которых он был во время службы офицером Генерального штаба на юге России. Кстати, писатель опубликовал в том же альманахе рассказ «Костештские скалы» о молодых офицерах, участниках военно-топографических съемок в Бессарабии.

При всей бесспорности наблюдений, прямых данных, подтверждающих гипотезу Двойченко-Марковой, не было. Мы не знали псевдонима Вельтмана, оформленного подобным образом. Но вот я читаю в письме поэта Н. Ф. Щер-

бины к писателю: «В Таганроге же слышал от одного молдавского офицера, что жители Молдавии, Бессарабии и Одессы благодарят Автора (Алеко Москалеско) „Критических замечаний на статью Н. Н. Надеждина „Прогулка по Бессарабии“, помещенную в Одесском Альманахе за 1840 год. <...> Они благодарят Автора критических замечаний за уничтожение в России лживых сведений о Молдавии и Бессарабии, которые подтвердил еще Н. Н. Надеждин, прибавив к ним кое-что новое».

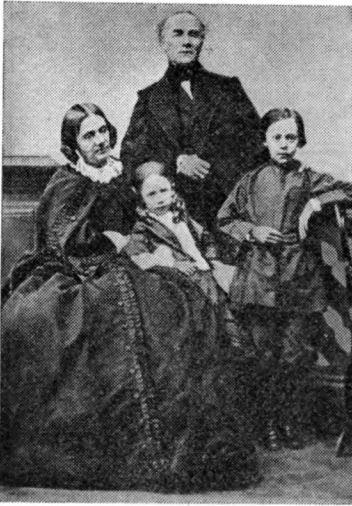

*А. Ф. Вельтман.
Фотография второй
половины 1860-х гг.*

В контексте ясно, что автор названной Н. Ф. Щербинной статьи — Вельтман. Таким образом мы устанавливаем еще одно произведение, принадлежащее его перу. Кроме того, нам стал известен псевдоним писателя *Алеко Москалеско*. Кстати сказать, вполне понятный: в переводе он означает *Александр Московский*. И поскольку у Александра Фомича было литературное имя, сочиненное на молдавский лад, у нас появился еще один довод в пользу признания «Радула Куралеско» его псевдонимом.

Многие произведения Вельтман печатал анонимно. Ряд из них уже давно атрибутирован. Хочу и я назвать некоторые из них. Так, в литературном альманахе «Сиротка» на 1831 г. напечатаны «Лагерные картинки». Их автором является Вельтман: эти «Картинки» мы находим на страницах романа «Странник».

В 1836—1837 гг. Александр Фомич издавал иллюстрированный альманах «Картины света». Он состоял из двух частей, печатался выпусками. В коротких статьях альманаха, украшенных политипажамми, рассказывалось о литературе и искусстве, географии и истории, философии и точных науках. Большинство заметок не подписано. Их автором был Вельтман: рукописи в определенном порядке хранятся в архиве писателя. Некоторые из статей были его оригиналы.

А. Ф. Вельтман,
Е. И. Вельтман
и их дети.
Середина 1860-х гг.

нальными сочинениями, другие — переводами и компиляциями. Ряд работ представлял несомненный научный интерес. Статья о Тредьяковском была впоследствии за подписью автора напечатана в книге «Избранные сочинения В. К. Тредиаковского» (Собрание сочинений известнейших русских писателей. Вып. 3. Изд. П. Перевлесского, М., 1849).

В 1850 г. в книжечке «На Новый год. Альманах в подарок читателям „Москвитянина“» среди других сочинений была напечатана анонимно повесть «Дочь матроса». Авторы мы узнаем из письма Вельтмана к Е. И. Крупениковой от 1 января 1850 г.: «В Альманахе на Новый год повесть *Дочь матроса* твоей,

моей и Погодина работы». То есть помимо Вельтмана над повестью работали литератор и ученый М. П. Погодин и известная в то время русская писательница Елена Ивановна Кубе (в первом браке — Крупеникова). Кубе в феврале 1850 г. вышла замуж за Александра Фомича и за подписью «Е. И. Вельтман» издала ряд талантливых произведений, в том числе повесть «Виктор» и исторический роман «Похождения королевича Густава Эриковича».

Популярность произведений Александра Вельтмана побудила предприимчивого литературного дельца при поддержке книгоиздателя напечатать в 1837 г. бездарную поделку, выставив на титульном листе: «Ротмистр-Черно книжник, или Москва в 1812 году. Роман из походных записок артиллерийского полковника, собранных Н. Вельтманом». Предприниматель на всякий случай проставил инициал «Н», прекрасно понимая, что покупатель не обратит на него внимания. Надежды на удачу основывались на том, что совсем недавно с успехом прошел вельтманский роман «Лунатик», рассказывавший о событиях 1812 г. Про-

изведение Александра Фомича представляло особый интерес, так как автор был свидетелем бегства жителей Москвы при вступлении наполеоновской армии, пожара города, что и описал в романе. Неосведомленные любители литературы раскупили «Ротмистра-Чернокнижника», и Вельтману пришлось выступить в печати с опровержением. Через два года книга вышла уже анонимно. Белинский писал в «Отечественных записках» (1839, № 8): «„Ротмистр Чернокнижник“ был уже напечатан еще, кажется в 1837 г., с именем г. Вельтмана, который, вступившись за честь своего авторского имени, так *обязательно* и так наивно представляемого на позор и бесславию, вошел в дело и, кажется, успел остановить дальнейшую продажу нелепого романа. Теперь он является в новом виде: без имени г. Вельтмана...»

Помимо изучения литературного наследия Вельтмана я занимался иконографическими исследованиями. К тому времени, когда я начал разыскивать портреты писателя, их было известно три. Один из них — гравюра, напечатанная в 1841 г. во втором томе сборника «Сто русских литераторов». Она воспроизводилась в советских изданиях романа «Саломея» и в сборнике «Поэты 1820—1830-х годов» (Л., «Советский писатель», 1972). Второй портрет помещен в шестом томе «Истории русской литературы» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953) — это литография П. Бореля 1853 г. Наконец, в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва) в фонде № 96 А. Ф. Вельтмана хранится, как утверждается в описи, фотография писателя.

В изобразительном фонде Государственного Литературного музея я нашел портрет Вельтмана 1839 г., выполненный акварелью художником Бодри. Именно с этого портрета была сделана гравюра 1841 г. В ней был значительно искажен облик писателя. Теперь мы имеем возможность познакомиться с внешним обликом писателя в конце 1830-х гг. по подлиннику.

В том же фонде хранится литография конца 1850-х гг., выполненная Р. Крейгером, — на ней мы видим Вельтмана в период работы над романами «Воспитанница Сара» и «Счастье — несчастье».

В архиве Института русской литературы (Пушкинский дом, Ленинград) я обнаружил фотографию писателя конца 1860-х гг. На ней Вельтман с орденами, которыми он был награжден за участие в русско-турецкой войне (1828—1829 гг.) и за научную деятельность в Оружейной палате.

В последней четверти прошлого века рисунок с этой фотографией помещался в русской периодике.

При сопоставлении найденных портретов Вельтмана с фотографией, хранящейся в ЦГАЛИ, удалось установить, что на ней изображен не писатель. При более внимательном изучении снимка я пришел к выводу, что сфотографирован Михаил Александрович Дмитриев, литератор середины прошлого столетия, автор известной книги «Мелочи из запаса моей памяти».

Помимо портретов Вельтмана в фонде Государственного Литературного музея был найден портрет маслом молодой Е. И. Вельтман.

Казалось, что иконографические розыски завершились. Но в это время я получил в одной из редакций письмо, посланное Наталией Владимировной Буланже. Она писала, что, прочтя мою статью об Е. И. Вельтман, обнаружила, что является внучатой племянницей писательницы и тем самым — родственницей Вельтмана. Я встретился с Буланже у нее дома и нашел среди многочисленных фотографий снимок Вельтмана с женой и детьми (первая половина 1860-х гг.), старшей дочери писателя Надежды Александровны (в замужестве — Воейковой), младшей дочери Елены Александровны (в замужестве — Никоновой), внучки Наталии. Из рассказов Наталии Владимировны я узнал, что она была хорошо знакома с Еленой Александровной Вельтман-Никоновой, часто встречалась с нею. Правнуки писателя жили до войны 1941—1945 гг. в Ленинграде. Затем следы их пропали. По моему совету Буланже написала воспоминания о прошлом.

Таковы новые сведения о произведениях и портретах Вельтмана. Я рассказал только о части собранных фактов, отобрав из них те, которые не требовали подробного научного обоснования. Но полагаю — еще далеко не все мною собрано и описано. Видимо, в дальнейшем значительно расширится библиографический список произведений А. Ф. Вельтмана. Возможно, что и читатели моей статьи смогут внести вклад, рассказав о своих находках.

Л. Анисов

ПИСЬМО

Рассказ

Дом стоял на горе, открытый всем ветрам. В нем давно никто не жил, и он был так же привычен и не нужен, как старая водокачка у реки или заброшенная мельница за селом.

Я бы никогда и не обратил на него внимания, если бы не Ирка Черевань — соседская девчонка, приезжавшая, как и я, на лето в Синево отдыхать. Однажды она сказала нам с бабушкой:

— А знаете, наше Синево назвали по фамилии одного матроса. — Матроса? — удивился я.

— Ну да, это давно было, еще при Петре Первом. Этот матрос — Синева его фамилия — отличился в турецкую кампанию, и Петр Первый ему за это село и земли здешние подарил. Отсюда и пошло название Синево.

Об этом я не слышал.

— А он что, родом отсюда?

— Нет, он из Пензы. Про него очень мало известно. После смерти Петра он долго служил за границей. Стал полковником, женился на красавице Нарышкиной, а еще у него были завистники и много врагов. Однажды, когда он возвращался в Россию, на границе на них напали и Синева ранили в руку, но он даже левой рукой отбился и неизвестные бежали. Он очень отчаянный был, а во времена Екатерины попал в немилость и до конца жизни прожил в Синева.

— Откуда тебе это известно?

— Я книгу читала «Сподвижники Петра Первого», а еще, знаешь, в школе сказали, что можно собрать материал о нем. Записать рассказы старожиллов, старые песни, предания.

— Ой, Ирочка, боюсь, что старожиллов-то у нас в Синева по пальцам перечесть, — сказала бабушка. — В войну народ ушел, а возвратилось мало, а после все больше с других мест селились. Мало осталось синевских. А вот жил у нас до войны один чудаковатый человек, так тот бы уж, верно, рассказал бы вам многое. Может, и про этого Синева. Поселился он у нас и все бывало у стариков про старину расспрашивал, по деревням ходил, старье, чудаковатый человек, собирал.

— Какое старье?

— А что людям негодное, то и собирал: картинки старинные, книжки, рваней которых нет, открытки, письма. Бывало в Синева возвращается, глядишь, целый короб всякого мусора тащит. Люди-то посмеивались над ним, а он все писал. Запретя у себя и пишет, пишет.

— Так он, наверное, коллекционер был, — сказала Ирка.

— Вот не знаю,— ответила бабушка.

— А он жив?

— Может, жив, а может, умер. В войну ушел со всеми, а потом не возвращался.

— А родные его остались?

— Приезжий он, а кто да откуда, особо не спрашивали, да и говорить на эту тему не любил он. Да и давно было все, с памяти стерлось. Пучеглазов его фамилия, Семен Конюч. Добрый был человек. Дочка его после войны сюда приехала, хотела дом продать.

— А коллекция его сохранилась?

— Вот не знаю, Ирочка. Дочка, когда приехала, из дому ничего не брала. У них с отцом-то неприятность вышла. У Семена Конюча нелады большие с женой были. Жена его знатного роду, из богатей, да с большими капризами, а Семен Конюч человек простой. Обидели его, видно, в доме, вот он и покинул родные места, в Синеве поселился, замкнулся. Шибко, видно, его задели,— сказала бабушка.— А что про коллекцию ты спрашиваешь, тут, действительно, приходил он в правление в первые дни войны и просил какие-то старинные вещи и книги сохранить. Говорил, им цены нет. Только не поверили Конючу. Виду не подали, а не поверили, да и не до того было. Может, он ту коллекцию и спрятал где. Не знаю. В доме у него никто не был. У дочки дом никто не купил, потому что все селиться стали к железной дороге ближе. Так он и пустует. Может, на кирпич со временем разберут. Дом крепкий. В старину в нем, говорят, один разбойник золото прятал. А то и враки все. О-хо-хо. Пойду я взгляну на свое вареву,— и она ушла на кухню.

— А вдруг книги, какие Семен Конюч просил сохранить,— инкунабулы? — сказала Ирка.

— Что-что?

— Инкунабулы. Редкие книги. Когда книгопечатание началось, книги единицами выходили. При Петре Первом всего шестьсот книг было напечатано. Вот их и ищут. Это очень важно. У нас писатель Осетров выступал и сказал, что каждая старая вещь — это уже история и что надо сохранять вещи. Семен Конюч и был, наверное, таким собирателем.

— А может, он просто старьевщик был,— сказал я.

— Старьевщики про старину не спрашивают,— отрезала Ирка. На подоконник присел воробей, передохнул и, вспорхнув, исчез.

— Борька, а вдруг что-нибудь осталось из его коллекции? Вдруг мы придем, а в доме все лежит на своих местах.

— Как же, тебя дожидается,— сказал я.— Сколько лет прошло.

— И все-таки. Вдруг в доме никто не бывал?

— За столько лет?

— А вдруг?

«А вдруг действительно все на месте?» — подумалось мне.

— Так это же можно проверить. Только сходить.

— Тогда сбегает?

Никогда я не обращал внимания на этот заброшенный дом, а теперь мне захотелось поскорее увидеть его.

Мы спустились по оврагу к реке и побежали к старым ветлам, за которыми, чуть на возвышении, стоял заросший травой, заброшенный дом. Дом как дом, только заброшенный. Окна без рам, на двери заржавевший замок, крыша без трубы.

— Через окно? — спросила Ирка.

Я кивнул. Через мгновение мы были в комнате.

— Вот темнотица, — сказала Ирка. — А вдруг здесь кто-нибудь прячется?

— Приведения, — ответил я. Вокруг темно и сыро. Под ногами валялись обрывки газет, бумаги, драные башмаки.

— Вот это клад! — сказал я.

— Надо же, сетка от кровати! Стол! Беденький, без ножки.

В углу, у стены, я увидел кованый огромный сундук.

— Ирка! — позвал я, но она остановилась, как вкопанная, и знаками показала мне на дверь. Я прислушался и ясно услышал, как кто-то крадется за дверью. Мы замерли. Не двигались и там. У меня вдруг пересохло в горле. Кто-то вновь начал красться за дверью. Ирка закусила губу и сжала мой локоть. И тут я решился: сжав кулаки, я быстро распахнул дверь. Из сеней на нас смотрела здоровая лохматая собака, которая тотчас кинулась через щель на улицу.

В сенях больше никого не было. Мы вернулись к сундуку.

— А вдруг клад здесь? — сказала Ирка.

— А, может, в нем скелет, — засмеялся я.

Мы откинули крышку. Сундук был пуст, если не считать двух старинных открыток, обложки книги с несколькими ссохшимися страницами и еще какого-то письма. Сколько мы больше ни шарили, ничего не нашли.

Все в пыли мы выбрались из дома.

— Какие мы с тобой! — засмеялась Ирка и стала отряхивать меня, а я продолжал оглядывать дом. Мне казалось, что у него есть какая-то тайна. Ведь говорила же бабушка, что здесь прятали золото. Но где? А если Ирка права и если этот чудак-старьевщик свои инку... инку... вот, елки зеленые, забыл, как они называются.

— Ирка, как старые книги называются? — спросил я.

— Инкунабулы.

«Вот-вот, инкунабулы. Так, если старик свои инкунабулы здесь спрятал, тогда дому цены нет. А сколько разговоров пойдет, когда мы все найдем. За клады какие-то деньги платят, — вспомнил я. — Тогда я куплю на кировской в филателистическом марки Африки. Но где же все спрятано?»

Я обошел дом вокруг. Да, дом — сплошная загадка.

Ирка сидела на бревне и читала письмо.

— Смотри, — позвала она, какое старинное письмо, с ятями!

Мы стали читать вместе. Чернила выцвели, и некоторые слова трудно было понять.

«Милая Елизавета Николаевна! — писал кто-то. — Четвертого дня приехал в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Всё разговоры, новости, встречи. Приступил к службе, а мыслями у вас. Грущу и вспоминаю свою нечаянную поездку, Вас, Ваши разговоры, милая Вы моя. Я так рад, что смог выбраться к Вам на эту неделю. Братья мои шлют поздравления с нашей помолвкой. О Павле Дмитриевиче поговаривают и очень серьезно, что государь намерен поручить ему управление Молдавией. Я счастлив за него. Николай пишет из Парижа, что весел. Шлет поклоны Ушаковым и особенно Языкову. Просит простить молчание. Оправдывается, писать лень. Ездили с сестрой в Донской монастырь. Отстояли службу. Десять лет, как батюшка скончался. И то сказать, многое сделал он для нас. Все мы, Киселевы, ему обязаны.

Пушкин ждет Вяземского. Пишет, чтобы я погонял его в Петер-

бург. Говорит, что там тоска, тоска. Я ему верю. В Москве у нас читают Загоскина. Автору льстят, поздравляют! Его „Юрий Милославский“ пользуется успехом необыкновенным. Дамы от романа в восхищении.

Считаю дни, остающиеся до Вашего возвращения в Москву. Ах, если бы не болезнь Вашего батюшки, Вы были бы здесь. Каково-то ему теперь? Надеюсь видеть его в Москве в полном здравии. Пишите, как только высвободится минута. Письма Ваши единственное, что приносит мне настоящую радость. Прощайте. Сердечный поклон батюшке, всем Вашим.

15 февраля 1830 г.

Сергей Киселев.

— Вот это старье! — сказал я. — Кому оно нужно.

Тут я подумал, что если старик собирал такую рухлядь, то и весь клад его пустое, и я немного поостыл к поискам. Ирка словно и не слышала меня.

— Надо же, его писали, когда даже бабушки на свете не было!

— Ну и что? — возразил я.

— Но ведь здесь про Пушкина написано, как ты не понимаешь!

— Ну и что из того, что про Пушкина?

— Как что? Значит, письмо писал человек, знавший Пушкина!

Да, действительно, вроде бы интересно.

— Дай-ка посмотреть, — попросил я и еще раз перечитал письмо.

— Слушай, а кто он, этот Киселев? — спросил я.

— Не знаю, — обиженно ответила она и пожала плечами, и уже примирительно добавила: — Наверное, какой-нибудь знакомый Пушкина.

— Это он своей невесте писал, — сказал я.

— Ясное дело не дедушке с бабушкой, — ответила Ирка.

Я вспомнил про письмо, которое получил весной от Ирки и замолчал. Ирка стала осторожно отделять слипшиеся страницы книги. Я следил за ее руками.

— Смотри, — сказала она.

На титульном листе я увидел нарисованную женщину с лирой в руке. Под рисунком было написано «Сочинения Дмитриева. Часть I. Москва, 1814».

Я хотел было опять сказать: «Ну и что?», но, вздохнув, согласился:

— Да-а, редкостная вещь.

Ирка отделяла страницу от страницы, и на одной из них появилась надпись «Эта книга украдена у Бояркова».

«Вот это да!» — подумал я, но следом появилась другая надпись: «После смерти Бояркова продана».

— Силен твой коллекционер, — сказал я, — забавные штучки.

— Странно, — сказала Ирка. Мне стало жалко ее и я предложил:

— Давай дяде Жене покажем.

Ирка согласилась.

.....

— Граф Киселев, граф Киселев, — сказал дядя Женя, листая энциклопедию, — вот, есть Павел Дмитриевич Киселев. Русский государственный деятель. Участник Отечественной войны. В 1816 году представил царю записку о постепенном освобождении крестьян от крепостной зависимости. Судьба записки неизвестна. С 1819 года — начальник штаба второй армии, где под его началом служили декабристы Пестель,

Волконский, Басаргин. После русско-турецкой войны ему поручено управление Молдавией.

— Он! — переглянулись мы с Иркой.

— С 1856 года — посол в Париже, — продолжал читать дядя — придерживался политики сближения России с Францией. Умер в 1872 году.

Дядя Женя кончил читать.

— А про Сергея Киселева есть что-нибудь? — спросили мы.

— А вот про Сергея Киселева нет ничего, — дядя захлопнул книгу. — А ведь действительно интересно. Ну и молодцы вы, ребяташки. Киселев... Киселев... Смотрите-ка, под его началом декабристы служили! Может, он сам декабрист! Хотя нет, в таком случае его бы не назначили послом. И все-таки, представить царю записку с требованием об освобождении крестьян — это очень смело. А вдруг брат его, этот самый Сергей Киселев, связан с декабристами. Однако какое интересное письмо вы нашли! Завтра, Бориска, буду в городе, прихватчу тебя и зайдем там к одному моему знакомому. Он книголюб и пушкинист. Может, он нам расскажет про Киселевых и про эту книжку с забавным тиснением: «Украдено у Бояркова».

— Боря, только ты все записывай, — попросила Ирка. — Я тебе свой блокнот дам.

Утром мы были в райцентре и ждали самолет. Он опаздывал. Пассажиры поглядывали в небо. У нас не было вещей, и мы с дядей прохаживались вокруг аэродрома. Весь аэропорт — всего один домик с двумя комнатами. В одной — зал ожидания, а в другой, где мигали лампочки и трещал динамик, сидел кассир, он же диспетчер и начальник аэропорта, дядя Вася. Прямо за домом начиналось летное поле, на котором виднелись следы колес самолета.

— Кажется, летит наш лайнер, — сказал дядя Женя, и над лесом я увидел быстро приближающуюся черную точку. Самолет пролетел над нами, сделал круг и побежал по полю. Винт остановился, открылась дверь и выбросили трап, по которому сошли пассажиры. Летчики выбросили груз и нас пригласили садиться.

— Пристегните ремни, — сказал летчик и ушел в кабину. Дверь осталась полуоткрытой и слышно было, как они с кем-то переговаривались по радио. Потом дверь закрылась и заработал мотор. Самолет побежал и легко оторвался от земли. Видно было, как на поле дядя Вася подбирал груз и расходились пассажиры. Как завороченный смотрел я в окно.

— Красиво? — спросил дядя.

Я кивнул в ответ. Никогда я не видел домов сверху, а сейчас мы разворачивались над аэродромом и виден был дом дяди Васи, ветлы, коровы на лугу, речка.

По земле бежала тень нашего самолета. Мы развернулись и полетели над лесом. Деревья сверху казались карликовыми, а по лесной дороге двигались игрушечные автомобили, которых настигала и обгоняла наша тень.

— Синев! — сказал дядя, и я увидел длинный ряд домов. Где-то там мама, бабушка, Ирка. Под солнцем заблестело крыло самолета и вспыхнуло, слепя глаза. Самолет менял курс. Через час мы высаживались в областном городе.

— Сначала дело, — сказал дядя, и мы поехали в его учреждение, где в большом фойе я долго ждал его. Он вернулся веселый. Было понятно, что дела его удачны.

— Ну, пора нам и букинисту звонить,— сказал он и направился к телефонной будке.

Разговор был недолгим.

— Едем в Рыбный переулочек,— сказал он выходя.

Рыбный переулочек находился в конце города у Цны, а дом букиниста, в два этажа, спускался к самой реке. Когда мы поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в комнату, я увидел множество книг. Они стояли вдоль стен, заполняли проход, лежали на полу, на столе, на краю дивана. Хозяином оказался высокий худой старик с сердитыми глазами. Он провел нас в комнату, усадил на свободную часть дивана, сам сел напротив и посмотрел на нас. Я подумал, что вот сейчас он спросит: «Ну-с, с чем пожаловали?» Но старик внимательно смотрел на нас, и глаза его становились добрыми, улыбочивыми.

— Показывайте ваше письмо,— сказал он.

— У нас и еще вещь,— ответил дядя и передал нашу обложку с ссохшимися страницами. Хозяин стал читать письмо, а я смотрел на стол и удивлялся все больше: на столе я видел фотографии Горького в окружении каких-то людей, фотографии Льва Толстого, снятого, наверное, в семейном кругу, но что больше всего меня поразило, так это письмо, подписанное Чеховым. Оно так и заканчивалось: «...свои книжки непременно пришлю Вам или сам привезу. Не прислал их раньше, потому что не знал, хотите Вы иметь или нет, и отчасти потому, что думал или мне казалось, что я их послал Вам.

В Петербурге я буду после 27-го.

Ваш А. Чехов».

Вот это да! Письмо, написанное самим Чеховым! Видела бы это Ирка. Меня охватило волнение оттого, что вот над этим самым листочком, который лежал неподалеку от меня, склонялся когда-то Антон Павлович Чехов. Дядя перехватил мой взгляд и понимающе кивнул мне. Вот, мол, брат, какие реликвии здесь. Букинист перевернул страничку письма, а я оглядывал комнату. На стенах висело множество фотографий, картин, а через приоткрытую дверь виднелась большая картина в соседней комнате и стеллаж с книгами, над которым висел плакат: «Здесь ничто не обменивается и не продается! Праздных не терпим!»

— Интересное письмо,— сказал хозяин.— Та-ак, теперь посмотрим вашу антикварную обложку.

Он улыбнулся и неторопливо стал отсоединять страницу.

— Ай-я-яй! — почти вскрикнул он.— Ай-я-яй!

Мы с дядей повернулись к нему.

— А где же,— он посмотрел на нас,— где же вся книга?

— Только это,— ответил дядя.

— Ба-ба-ба-ба-ба! — закачал старик головой.— Какая жалость!

— Что-то интересное? — спросил дядя.

— Интересное?! Не то слово. Редчайшее! Конечно, для нашего брата букиниста. Как жаль, что книга не сохранилась. Она была в коллекции Бояркова.

— Боярков коллекционер был? — осторожно спросил дядя.

— Горе-коллекционер,— сказал букинист.— Сколько книг своими надписями испортил. Вкус-то у него был, замечательный вкус. Библиотеку он собрал хорошую и книги имел редкие, но вот к старости мания его одолела, будто украдут книги у него. Жаден стал и на каждой книге оттеснил экслибрис: «Эта книга украдена у Бояркова». Вроде бы,

если кто и возьмет ее из библиотеки, держать у себя не сможет, надпись компрометирует. Так и увековечил себя, а когда Боярков умер, наследники решили продать библиотеку и предложили ее букинистам, а те книг не берут. «С такой надписью,— говорят,— книга не пойдет». Что делать? Мыкались, мыкались родственники, пока ни подсказал им кто-то вторую надпись сделать: «После смерти Бояркова — продана». Вот тогда и пошла книга. Быстро ту библиотеку разобрали. А сейчас книги Бояркова — редкость. Вот что тебе попало, Евгений Андреевич.

— Да не мне, Николай Алексеевич, а вот ребятам,— сказал дядя.

— Вот как! — удивился букинист.— Похвально, молодой человек. Если у вас серьезный интерес к старине, помяните мое слово, она стоицей вознаградит вас.

— А вы не скажете, кто такие Киселевы? — осмелился я.

— О Киселевых я скажу, а где вы отыскиали все это?

— В заброшенном доме, в сундуке,— сказал я и поведал старику всю нашу эпопею с поисками, рассказал и про Семена Коньча, и про пустой сундук.

— Семен Коньч, Семен Коньч,— повторил он вслух.— Нет, не слышал о таком. А вещи собирал дельные. Чувствуется, знал, что искал. Ну, а теперь я расскажу вам о Киселевых. Вы же про них у меня по телефону спрашивали?

Дядя и я кивнули.

— Это были очень интересные люди. Жили они во времена Пушкина. Три брата: Павел, Сергей и Николай Киселевы. Все они, так или иначе, связали имена свои с именем поэта. Старший, Павел Дмитриевич Киселев, был одним из самых блестящих государственных людей того времени. Большой либерал, человек чести. История не должна забывать, что Павел Дмитриевич первый из государственных людей России стал утверждать, что наступило время обратить внимание на нелегкое положение крестьян. Адъютант его, декабрист Басаргин, говорит, что он со старшими горд, с младшими ласков. Окружавшие отмечали в нем блестящий ум, быстрое соображение, мастерство говорить с каждым о том, что его интересует, и острые шутки. Деятелен, неутомим, властен. Друзьями Павла Дмитриевича были: декабрист Сергей Волконский, Денис Давыдов, братья Орловы. Был близок к Киселеву и Пестель, который служил под началом Павла Дмитриевича. С 1819 года Павел Дмитриевич — начальник штаба второй армии, расквартированной на Украине. Царь сослал в нее самых не угодных ему офицеров и потому был во второй армии дух свободы и либерализма. Командовал ею старик Витгенштейн, преемник Кутузова. Витгенштейна в армиях любили, а царю не нравилась чужая слава, вот он и спровадил старика подальше от столиц, от двора. Витгенштейн понял, что его отстраняют от государственных дел, и занялся домашним хозяйством, а военные дела свои передал любимцу-Киселеву, в честности которого не сомневался. Царю-то чужая слава глаза застила, он не только Витгенштейна недолюбливал, но и всех, кто связан с ним был ранее, в том числе и адъютанта его — Пестеля. А Киселев взял Пестеля под защиту.

В Тульчине, где квартировался штаб второй армии, под командованием Пестеля, образовалась Тульчинская управа, в которую вошли декабристы Басаргин, Сергей Волконский, Лорер, Барятинский. К слову сказать, декабристы часто собирались на квартире у Павла Дмитриевича, и однажды Пестель при нем читал отрывки из своей конституции. Однако об обществе они Киселеву не рассказывали, а он делал вид, что не замечает ничего. Декабрист Лорер писал на склоне лет про Киселе-

ва: «Я с уважением произношу это имя, оставившее, вероятно, не у одного меня теплое чувство». К слову, когда общество раскрылось, Киселев пришел на помощь заговорщикам: в его руки попал список членов общества, и Киселев дал возможность декабристам «утерять» его. Когда начались аресты, Павел Дмитриевич ходил потерянный. «Если бы государь был жив,— говорил он Лореру,— я поехал бы сам в Таганрог, отдал бы сам ему мою шпагу, подверг бы себя гневу его, но, может быть, многих спас». Арестовали и адъютанта Киселева — декабриста Басаргина. В последнюю их встречу Павел Дмитриевич сказал ему: «Любезный друг, не знаю, до какой степени ты замешан в этом деле; помочь тебе ничем не могу; не знаю даже, как я сам буду принят в Петербурге. Все, в чем могу уверить тебя, это в моем к тебе уважении, которое не изменится, чтобы ни случилось с тобой».

Вот с этим-то человеком в 1818 году познакомился Пушкин. Был он у Киселевых в Тульчине, виделись они и в Одессе. Пушкин посвятил Киселеву несколько сочувственных строк в одном из посланий. Был знаком поэт и с женой Киселева, Софьей Станиславовной. Ей мы обязаны рождением пушкинского «Бахчисарайского фонтана». Софья Станиславовна рассказала Пушкину легенду о Марии Потоцкой — гордой полячке, плененной крымским ханом.

Судьба редко сводила Пушкина с Киселевым, но это не мешало им относиться друг к другу с вниманием и уважением.

Пушкин одно время советовал даже своему брату, Льву, определиться на службу под командование Киселева.

— Не устали? — вдруг спросил букинист.

— Что вы, очень интересно, — ответили мы.

— Тогда последуем дальше. Покажу вам портрет Павла Дмитриевича.

Старик подошел к стеллажу, приставил лестницу и, почти из-под потолка, достал книгу.

— Вот вам Павел Дмитриевич Киселев.

Он раскрыл книгу, и на первой странице я увидел человека с внимательным взглядом. Через плечо у него была перекинута какая-то лента с множеством орденов и звезд.

— К сожалению, не могу найти портретов его младших братьев, — сказал букинист, — хотя портреты существуют и выставлялись на пушкинской выставке в 1899 году. А Николай Дмитриевич и Сергей Дмитриевич тоже были интересными людьми. Младший, Николай, был близко дружен с поэтом Языковым. Языков ему не одно стихотворение посвятил. В Петербурге друзья часто встречались с Пушкиным. Время было молодое, озорное, веселое. У них одно время была своя постоянная компания: Пушкин, Языков, Николай Киселев, Грибоедов. Собирались, писали стихи, рисовали шаржи, карикатуры друг на друга, спорили, вино пили. Николай Киселев рисовал очень хорошо. Однажды Пушкин попросил у Киселева его записную книжку и нарисовал себя смеющимся. Это единственный автопортрет смеющегося Пушкина. Николай Киселев стал дипломатом. Когда его назначили секретарем посольства в Париже и провожали в Карлсбад, Пушкин на вечеринке написал ему:

«Ищи в чужом краю здоровья и свободы,

Но север забывать грешно.

Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,

Чтоб с нами снова пить вино»

А знаете ли вы, что Пушкин чуть было не породнился с братьями Киселевыми?

Мы покачали головами.

— Ах,— сказал старик и прищелкнул языком.— Сейчас я вам покажу два женских портрета.

Он вышел в соседнюю комнату и вернулся, держа в руках овальные портреты двух очень красивых женщин, похожих друг на друга.

— Это известные красавицы Ушаковы. Сестры. Лиза и Катенька. Жили они с родителями на Пресне, и дом их всегда был полон молодежи, так как многих влекли сюда эти два прелестных создания. Сколько молодых людей обхаживало сестер, добываясь их расположения. Никому не отказывали они в дружбе, но в сердечных привязанностях были постоянны. Лиза Ушакова любила с детских лет Сергея Киселева, а вот Катенька... Здесь я немного прервусь. Отступлю. Расскажу только, как встречали в Москве Пушкина, когда он вернулся из михайловской ссылки. Стоило ему только появиться в театре, как все взоры обращались не на сцену, а к нему, а на балах девушки только и мечтали быть приглашенными им на танец. Он был модный гость, самый модный. Сколько домов распахивало перед ним свои двери! И вот однажды, в декабре, в Дворянском собрании, на балу, давнишний приятель Пушкина Сергей Дмитриевич Киселев познакомил поэта со своей невестой Лизой Ушаковой и ее сестрой Катенькой. Пушкин, как только увидел Екатерину Николаевну, сразу же и влюбился... Стал он бывать у Ушаковых так часто в доме, что в Москве всерьез заговорили о скорой женитьбе. И скажу вам, что Катенька Ушакова очень любила Александра Сергеевича. Чувства свои сохранила на долгие годы. Была она красоты необыкновенной. И как знать, не появился перед Пушкиным Наталья Гончарова, была бы ему женой Катенька Ушакова. Катенька замуж вышла только после гибели Пушкина, а незадолго до смерти своей приказала она дочери подать ей шкатулку с письмами Пушкина и попросила сжечь их. «Мы любили друг друга горячо,— сказала она,— это была наша сердечная тайна; пусть она и умрет с нами».

— А Сергей Дмитриевич, женился он на Лизе Ушаковой? — спросил дядя.

— Поженились они,— ответил букинист,— жили дружно. Может, даже наезжали к вам в Синево, как знать. Ведь Синево когда-то принадлежало Киселевым.

Зазвонил телефон. Букинист снял трубку.

— Слушаю. Он самый. Здравствуйте. Так... так... Еще что? Чуть погромче, громче. Что вы говорите?! Оставьте немедленно на комиссию — это большая редкость. Я сейчас же выезжаю. Уговорите этого человека, как хотите, но дождитесь моего приезда.

Он положил трубку и был во власти разговора.

— Ай-ай-ай,— говорил он, пожимая пальцы. Нас он не видел и мычал, качая головой: — М-м-м!

Потом повернулся к нам.

— Звонили из букинистического магазина. Какой-то чудака решил сдать две редчайшие книги. С одной из них я уже встречался: давно, когда служил мальчиком у Сабанеева, а о второй и не мечтал. Так что простите, друзья мои, придется прервать нашу беседу.

Он засуетился. Нетерпение овладело им. Что-то ему надо было взять с собой, но что, он никак не мог вспомнить.

— Ах, да, сумку. Я могу показаться смешным, но такие звонки — это прежде всего волнение. Такое волнение, что подчас теряешь ход сво-

их размышлений. Какие книги, какие книги! Боже ж ты мой! Так о чем мы с вами говорили? Ах да, о Сергее Киселеве. И все-таки надо поспешать, вы уж меня извините.

Мы стали прощаться. Старик-букинист проводил нас по ступенькам лестницы и направился к автобусной остановке. Уже оттуда он, вспомнив что-то, вернулся к нам.

— Письмо лучше всего хранить в папке,— сказал он,— подальше от солнца. И книжку берегите. Ну, прощайте.

Он приподнял шляпу и поспешил через дорогу к подходившему автобусу.

— Счастливый человек,— сказал дядя.— Да и мы с тобой счастливые: такие интересные вещи услышали. А все твое письмо...

Москва

Леонид Мартынов

ЛЕГОПИСЕЦ

Где книги наши?

Я отвечаю:

— Они во мгле библиотек.

Но с тихой вкрадчивою речью

Подходит этот человек:

— Идемте!

— А куда зовете? Вы кто?

— Я сельский букинист.

Я дам вам книгу в переплете

Из серебра, где каждый лист

То ал, то бел, то желт, то розов,

То дымчат, как полдневный зной,

То ледянист, как от морозов...

Идемте! Следуйте за мной!

— Но почему в пустую ригу

Меня вы молча завели?

— Терпенье! Золотую книгу

Я выдам вам из-под земли!

Какие-то берет он кольца,

Какой-то шест, вернее — цеп,

И отмыкает вход в подполье,

Напоминающее склеп.

Здесь веники, и расстегаи,

И душегреи, и пимы,

Но вот и статуя нагая

Выглядывает изо тьмы.

— Вот, разбирайтесь!.. —

Тишь, прохлада.

Со щами кислыми ушат...

О да! Здесь нечто вроде склада,

И в этом складе — прямо клад!

Да, это мудрость! Но источник

Сей мудрости необъясним:

Я вижу — Даниил-заточник

И Ванька-ключник рядом с ним...

Здесь книги есть для разных вкусов

На полке этой и на той:
Для коневодов — князь Урусов,
Для сердцеведов — граф Толстой.
Волюмы, рукописи, свитки...
Чего-чего тут только нет!
Через оконце жидкий, жидкий,
Трепещущий ложится свет.
Но вот та книга в переплете,
Он о которой говорил.
Действительно, вся в позолоте,
В пыльце, как с бабочкиных крыл.
Читать я начинаю тотчас,
С рисунков не спуская глаз,
Внимательно, сосредоточась...
Прошли минуты или час?
Нет! Дни огромней, чем комбайны,
Плывут оттуда, издали,
Где открывается бескрайный
Простор родной моей земли,
Где полдни азиатски жарки,
Полыни шелест прян и сух,
А на лугах, в цвету боярки,
Поярки пляшут и доярки,
Когда в дуду дудит пастух.

— Вы
Продаете
Эту книгу? —
Я говорю...
Но где же он?
Его уж нет.
Пустую ригу
Я обхожу со всех сторон.
На дворике светло и чисто.
Порхают бабочки в саду...

Вы не встречали букиниста?
Я где теперь его найду?!

Дела минувшие

ПО СЛЕДАМ ПЕРВОПЕЧАТНИКА

Главы из документальной повести

Имя великого русского просветителя Ивана Федорова — человека, подарившего нашей стране книгопечатание, — известно каждому. В центре Москвы ему воздвигнут памятник. Его имя носят Украинский полиграфический институт во Львове, книжный магазин в Москве, одна из лучших типографий Ленинграда, Украинская книжная палата в Харькове...

Книги, напечатанные Иваном Федоровым, тщательно собирают и изучают в крупнейших библиотеках мира.

Так, впрочем, было далеко не всегда.

Ни один из историков XVIII в. ни словом не обмолвился о начале книгопечатания в России. В трудах В. Н. Татищева, Г.-Ф. Миллера, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, А.-Л. Шлецера имени Ивана Федорова мы не найдем. Да и в первой четверти XIX в., в знаменитой «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, о замечательном событии в истории русской культуры говорится мимоходом, скороговоркой.

Понадобился вдохновенный труд многих ученых, чтобы имя Ивана Федорова сделалось достоянием учебников.

Наш рассказ — о поисках и находках книголюбов и книговедов, раскопавших в многовековых напластованиях книгохранилищ и архивов издания первопечатника, документы о его жизни и деятельности.

Чтобы сразу ввести читателей в курс дела, мы предлагаем хронологическую канву многотрудного жизненного пути Ивана Федорова. Он родился около 1510 г., но где — неизвестно. По некоторым сведениям учился в Краковском университете и получил здесь в 1532 г. ученую степень бакалавра. В 50-х гг. работал в так называемой Анонимной типографии в Москве, выпустившей семь изданий. 1 марта 1564 г. вместе с Петром Тимофеевым Мстиславцем выпустил первую точно датированную московскую печатную книгу «Апостол», а в 1565 г. — два издания «Часовника». В 1566 г. из-за преследований со стороны церковников вынужден был покинуть Москву. Продолжал издательскую деятельность в белорусском городке Заблудове, затем — во Львове, где в 1574 г. напечатал первые украинские книги «Азбуку» и «Апостол». Далее переехал в Острог и напечатал здесь в 1578 г. «Азбуку», в 1580 г. — «Новый завет с Псалтырью», в 1581 г. — первую полную славянскую «Библию», а также ряд других изданий. Умер во Львове 5 (15) декабря 1583 г.

«НЕ ТОЛЬКО ОРУЖИЕМ»

«Non solum armis» — «Не только оружием» — такой девиз украшал герб екатерининского вельможи графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826).

В Ташкенте, в Государственном музее искусств Узбекской ССР, есть малоизвестный портрет Н. П. Румянцева кисти Ф. С. Рокотова. Розовощекое юношеское лицо, восторженный взгляд, пухлые губы. Таким был Николай Румянцев в начале дипломатической карьеры.

И другой портрет, уже посмертный, сделанный модным английским живописцем Г. Доу в 1828 году. Он неоднократно воспроизводился и хорошо известен. Мы видим на нем вельможу, государственного канцлера, о заслугах и влиянии которого говорят многочисленные ордена и регалии.

Между этими портретами — вся жизнь, обеспеченная, но нелегкая, жизнь, результатом которой была великолепная коллекция книг, монет, произведений живописи, археологических и этнографических находок. Все это легло в основу прославленного Румянцевского музея, открытого для публики 23 ноября 1831 года.

Новая история музея началась в 1862 году, когда он был перевезен в Москву и размещен в лучшем здании города — «Пашковом доме». Из года в год накапливая книжные богатства, московский Румянцевский музей уже после Великой Октябрьской социалистической революции стал крупнейшим книгохранилищем мира — Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина.

В коллекции Н. П. Румянцева было 28500 книг. Объем фондов Ленинской библиотеки — 27 миллионов единиц хранения. Дистанция колоссальнейшая. И все же в главной библиотеке страны помнят и чтят имя человека, инициатива и труд которого лежат у ее истоков.

Важной заслугой Н. П. Румянцева было создание научного книгоиздательства. Общее число выпущенных его «иждивением» книг не так уж велико — что-то около 50-ти. Но среди них капитальное «Собрание государственных грамот и договоров», «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», знаменитый труд Иосефа Добровского «Кирилл и Мефодий, славянские первоучители»...

Будучи, как и большинство коллекционеров, дилетантом, граф Николай Петрович окружил себя людьми, хорошо знавшими российскую историю и словесность. Они помогли графу комплектовать его собрание, готовили к печати его издания. Участниками Румянцевского кружка были такие знатоки прошлого, как академик И. Х. Гамель (1788—1861), зачинатель отечественного языкознания А. Х. Востоков (1781—1864), первый русский книговед В. Г. Анастасевич (1775—1845), историк и библиограф Е. А. Болховитинов (1767—1837).

Самыми деятельными помощниками графа по собиранию и описанию российских древностей стали два молодых человека — Константин Федорович Калайдович (1792—1832) и Павел Михайлович Строев (1796—1876). С их именами связаны первые значительные успехи историографии русского первопечатания. Они нашли и описали многие издания Ивана Федорова и других старых русских типографов.

Чтобы познакомиться с Калайдовичем и Строевым, мы отправимся в один из отдаленных кварталов Москвы первой четверти XIX столетия.

МОЛОДЫЕ ЭНТУЗИАСТЫ РУССКОЙ СТАРИНЫ

Филипп Филиппович Вигель (1786—1856), известный в свое время литератор-мемуарист, в таких словах описал примечательный уголок старой Москвы:

«... в глухом и кривом переулке, за Покровкой, старинное каменное здание возвышается на пригорке, коего отлогость, местами усеянная кустарником, служит ему двором. Темные подвалы нижнего его этажа, узкие окна, стены чрезмерной толщины и низкие своды верхнего жилья показывают, что оно было жилищем одного из древних бояр, которые во времена Петра Великого держались еще обычаев старины. Для хранения древних хартий, копий с договоров ничего нельзя было приискать приличнее сего старинного каменного шкапа с железными дверьми, ставнями и кровлею. Все строение было наполнено, завалено кипами старых дел».

В это старое здание, где в те годы помещался Московский архив Иностранной коллегии, — последнюю с 1808 года возглавлял Н. П. Румянцев — почти одновременно пришли в 1814 году Константин Калайдович и в 1816 году — Павел Строев.

Оба, еще в детские годы, решили посвятить жизнь российской словесности. В 1808 году в книжных лавках «первопрестольной» столицы появились «Плоды трудов моих, или Сочинения и переводы», автору которых — студенту Московского университета Калайдовичу едва-едва исполнилось 16 лет. Пять лет спустя, в декабре 1813 года, в цензуру поступил труд 17-летнего воспитанника Университетского благородного пансиона Павла Строева «Краткая российская история», которую автор сочинил «в пользу российского юношества».

Книга имела такой успех, что вскоре понадобилось второе издание. Много лет спустя академик Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) говорил, что учебник Строева, по которому училось не одно поколение, «заслужил внимание знатоков и педагогов и, как редкое в этом роде явление того времени, в самом деле был достоин внимания».

В молодости четыре года — колоссальная разница. Павел Строев относился с большим почтением к товарищу, с которым судьба свела его под сводами архивохранилища Иностранной коллегии. За плечами у Калайдовича была служба в армии, бои под Тарутиным, Чириковым, Малым Ярославцем.

На первых порах их объединяла страсть к журналистике. Оба писали стихи, сотрудничали в альманахах и сборниках. Павел Строев в 1815 году выпускал журнал «Современный наблюдатель российской словесности».

«У нас смотрят на журналиста с двух сторон, совершенно противных, — утверждал Строев, — или почитают его человеком необыкновенным, или презирают, как маленькое творение».

Едва ли не самым популярным журналом той допушкинской эпохи был «Вестник Европы», выпускавшийся с 1802 года два раза в месяц при Московской университетской типографии. Его первым редактором был Н. М. Карамзин. Автор «Бедной Лизы» и «Истории Государства Российского» счастливо соединял в одном лице недюжинный литературный талант и поклонение Клио — музе истории. Лицо журнала он лепил по своему образу и подобию. В те годы, годы растущего интереса к отечественной истории, начинание Карамзина имело успех. Выкристаллизовался своеобразный тип «журнала литературы, наук и

*Николай Петрович
Румянцев.*

художеств», уделявшего большое внимание тому жанру, который мы ныне называем научно-художественным.

Затем редактором «Вестника Европы» стал Михаил Трофимович Каченовский (1775—1842), с именем которого связывают первые шаги так называемой скептической школы в русской историографии.

«Для науки нет ничего приличнее, как скептицизм,— заявил Каченовский,— не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравнении текстов, на критике свидетельств.»

Все это имело прямое отношение к историографии русского первопечатания.

В № 14 «Вестника Европы» за 1813 год была опубликована статья Е. А. Болховитинова — митрополита Евгения «О славяно-русских типографиях», а в № 18 за тот же год — статья К. Ф. Калайдовича «Иоанн Федоров, первый московский типографщик».

По сравнению с ученым митрополитом молодой энтузиаст российской старины сделал большой шаг вперед. Е. А. Болховитинов утверждал, что Иван Федоров из Москвы направил свои стопы в волынский город Острог, где в 1580—1581 годах напечатал прославленную «Библию». К. Ф. Калайдович впервые рассказал о другом издании Ивана Федорова — «Апостоле», который был напечатан в 1574 году во Львове.

Книга эта во всем была похожа на московское издание 1564 года. Однако в конце ее, на девяти страницах, помещено послесловие, которого в московском издании не было.

Константин Федорович, как прочитал его впервые, взялся руками за голову, а потом долго отплясывал какой-то невообразимый танец.

Что ни говори, а было ему в ту пору 20 с небольшим лет!

«ОТКУДУ НАЧАСЯ И КАКО СВЕРШИЛСЯ...»

Первые издания русских типографов — преимущественно богослужебные книги. Казалось бы, что могут сказать они нам — современным космических кораблей и атомных электростанций?

Это совсем не так! Изучая первопечатные книги, исследователь извлекает из них подчас бесценные сведения о трудах и днях наших предков. Приемы набора и верстки, методы печати рассказывают об уровне материальной культуры, об успехах древнерусского ремесла. Текстологические исследования первых книг питают историю родного языка. Даже в отвлеченной тематике гравюр сквозит современность — за фигурами евангелистов можно разглядеть бородастые мужественные лица русских людей, погодков тех богатырей, которые вместе с Ермаком Тимофеевичем завоевали Сибирь.

Есть в первопечатных книгах страницы исключительной важности. Это предисловия и послесловия — живое слово издателей и типографов, их беседа с современниками и потомками.

Разные люди стоят за этими страницами, с разными характерами и судьбами. Рассказ их то патетичен, как у Петра Тимофеева Мстиславца, соратника Ивана Федорова, то предельно лаконичен, как у Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева, учеников первопечатника.

Послесловие «Апостола» 1564 года — первое произведение русской литературы, отданное типографскому станку, свидетельствует, что Иван Федоров был талантливым писателем. Справедливость утверждения станет более очевидной, когда мы познакомимся с послесловием «Апостола» 1574 года, обнаруженным К. Ф. Калайдовичем и полностью опубликованным на страницах «Вестника Европы» в 1813 году.

Послесловие Иван Федоров озаглавил так: «Сия убо повесть изъясляет откуду начася и како свершися друкарня сия».

Это великолепное произведение мемуарной литературы, по сути дела, — первые «воспоминания», напечатанные в нашей стране.

Первопечатник рассказывает, что типография его была основана «в царствующем граде Москве» в лето 6071, в тридцатое лето государства Ивана Васильевича Грозного.

Обе даты указывают на 1563 год.

Московская типография, однако, просуществовала недолго. Нашлись люди, которые «зависти ради» захотели «божее дело вконец погубити». Эти люди — Иван Федоров называет их «начальники, и священноначальники, и учителя» — стали травить первопечатников, умышляя на них «многие ереси». «Зависть и ненависть» заставили мастеров покинуть Родину. «От земли и отечества и от рода нашего изгна», — говорит Иван Федоров.

Путь типографов лежит «в ины страны незнаемы» — в Великое Княжество Литовское, восточные земли которого населяли братские украинский и белорусский народы. Государственным языком Княжества был понятный москвичам язык, который в ту пору назывался «русским».

Типографов встретили приветливо. Их принял и обласкал «благочестивый государь» Сигизмунд Август — «король польский и великий князь литовский, русский, прусский, земойтский, мазовецкий и иных, со всеми паны рады своея».

Эти слова Ивана Федорова долгое время казались литературным преувеличением. Как это так — король Сигизмунд Август, да еще со

Константин Федорович
Калайдович

«Апостол» 1574 г. Разворот

всей своей Радой, торжественно принимает безвестного московского дьякона, ремесленника, человека незнатного и небогатого?

Находки самых последних лет подтвердили справедливость слов первопечатника.

Типографы нашли приют в имении гетмана Великого Княжества Литовского Григория Александровича Ходкевича. Вновь заработал печатный станок. Гетман благоволил к Ивану Федорову и Петру Мстиславцу, удовлетворял их желания и нужды «всякими потребамы телесными», подарил типографу целую деревню.

— Весь (т. е. село.— Е. Н.) немалу дарова ми на упокоение мое, — рассказывал впоследствии Иван Федоров.

О том, что напечатали Иван Федоров и Петр Мстиславец в Заблудове, где находился укрепленный замок Ходкевича, в послесловии не говорилось. Но К. Ф. Калайдович, впервые опубликовавший послесловие, скоро узнал об этом.

Шло время. Гетман состарился: «начасту главе его болезнию одержими бывати». Да и время настало тяжелое — неурожай за неурожаем, целые деревни вымирали от моровой язвы. Тогда-то Ходкевич повелел типографам прекратить работу — «художество рук наших нивотчтоже положити». Петр Мстиславец ушел в Вильну. Ивану Федорову гетман посоветовал заняться «земледелием», жить в подаренной ему деревне.

Но печатник ответил отказом:

— Не пристало мне ни пахотой, ни сеянием семян сокращать время моей жизни,— ответил Иван Федоров.— Вместо плуга я владею высоким искусством, а вместо хлеба должен рассеять семена духовные по вселенной.

«Рассевать семена духовные!»

В этой формуле, воплотившей идею просветительского книгоиздания,— предвестье завета русского поэта XIX века: «Сейте разумное, доброе, вечное...»

Первопечатник твердо знал, что не имеет права зарывать в землю «таланта, от бога дарованного». И вот он снова в пути. Дорога лежит в «преименитый град» Львов.

Путь был нелегким — «шествующу ми многи скорби и беды обретоша». Встречались в дороге люди «злая и злее злых». Дышало смертью моровое поветрие. И все же Иван Федоров и его спутники достигли цели.

Во Львове на первых порах типографу никто не помог. Местные богачи не захотели вкладывать деньги в рискованное предприятие — никогда ранее во Львове типографий не было. Иван Федоров повествует об отчаянии, охватившем его,— он «плакался прегоркими слезами». Помогли ему «неславные в мире» — люди бедные и незнатные, трудовой люд львовских предместий.

На собранные по копейкам деньги была основана типография — первая на украинской земле. 25 февраля 1573 года начали печатать «Апостол». Готова была книга через год — к 15 февраля 1574 года.

С волнением читал К. Ф. Калайдович заключительные слова послесловия, с которыми Иван Федоров обратился к потомкам:

«А если в чем погрешность будет, бога ради, исправляйте, благодарите, а не кляните, так как писал не дух святой и не ангел, но такая же грешная и глениая рука, как и у всех неумудренных».

Думал ли в то время Иван Федоров о бессмертной славе, уже ожидавшей его за последним поворотом жизненного пути?

«ОПЫТ РОССИЙСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ»

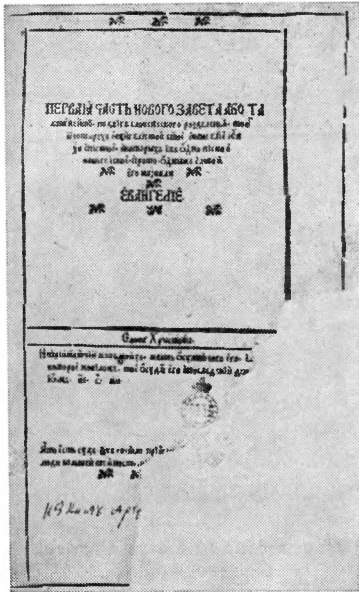
Столь блестяще начавшаяся ученая карьера Калайдовича была прервана самым неожиданным образом.

В 1814 году, разыскивая старые книги, Константин Федорович ездил во Владимир, и тут приключился с ним «особенный случай», о котором современники рассказывают скупо и глухо.

«Весьма сожалею о случившемся с Вами,— писал Калайдовичу Василий Степанович Сопиков,— конечно неосторожность Ваша подвергла Вас такому жестокому испытанию. По крайней мере сим уро-

Павел Михайлович Стров.
С литографии

**«Евангелие»
Василия Тяпинского.
Титульный лист**

ком надлежит воспользоваться на будущее время. Уведомьте пожалуйста обстоятельно о сем странном приключении.»

Уведомил ли Калайдович Сопикова или нет — мы не знаем — ответное письмо его до нас не дошло. Известно лишь, что отец Константиана Федоровича объявил его сумасшедшим, продержал полгода в доме умалишенных, а затем отправил в захолустный Николо-Песношский монастырь.

Пока Калайдович пребывает в нем, познакомимся с его корреспондентом, письмо которого только что цитировали. Но сначала послушаем уже известного нам Е. А. Болховитинова.

«Вы спрашиваете задачи у меня для какого-нибудь классического сочинения в русской словесности, — писал в начале XIX столетия митрополит Евгений одному из русских литераторов. — Прежде спросите, имеем ли мы о сю пору свою классическую словесность. Есть ли хотя двести книг оригинальных русских? Исчислите их и опишите: тогда и эта книга будет классическою в словесности нашей.»

Парадоксально, что эти слова написал будущий автор биографических словарей, в которых рассказано более чем о 700 русских писателях. Что же касается задачи ученого митрополита, то ее решил человек, создавший книгу с длинным — по обычаю тех времен — названием: «Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славянском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с историею о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях, и с краткими из оных выписками. Собранный из достоверных источников Василием Сопиковым».

В этом капитальном труде, первый том которого увидел свет в 1813 году, а последний по счету — пятый — в 1821 году, уже после смерти автора, описано 13249 русских книг. Среди них — бессмертные произведения классиков русской литературы Ломоносова, Кантемира, Фонвизина, Радищева, Державина, Крылова...

Скептицизм и ирония ученого митрополита были развеяны в прах.

Василий Степанович Сопиков родился в 1765 году в небогатой купеческой семье. Сведения о его юных годах крайне скудны. Известно лишь, что он служил у московского книгопродавца Полежаева, а за-

тем поступил к известному книготорговцу Никите Никифоровичу Кольчугину (1753—1827), который был приказчиком у Николая Ивановича Новикова и активно участвовал в распространении его изданий. Традиции прославленного просветителя способствовали формированию мировоззрения Сопикова.

Василий Степанович рано заинтересовался библиографией. Первоначально его занятия в этой области преследовали прикладную цель — составление рекламных книготорговых росписей. Со временем научные интересы молодого книготорговца становятся все шире и шире. Отсутствие сколько-нибудь полных библиографических указателей натолкнуло его на мысль составить полный список всех когда-либо выпущенных на русском языке изданий.

Это был колоссальный труд; ранее никто не решался предпринять его, хотя мечтали о нем многие. Отныне каждую свободную минуту Василий Степанович посвящал изучению старых книг.

Несколько лет напряженного труда, и первый том указателя был готов. Однако напечатать его Сопиков не мог — не было средств. Чтобы окончить «Опыт российской библиографии» и сделать его достойным читающей публики, он решил ликвидировать свою книжную торговлю. В это время директор Петербургской Публичной библиотеки Алексей Николаевич Оленин (1763—1843) предложил ему должность помощника библиотекаря в отделении русских книг. Вторым «помощником» вскоре стал Иван Андреевич Крылов, знаменитый баснописец.

Несколько лет спустя, составляя очередной отчет по библиотеке, Оленин писал: «Помощник библиотекаря г. коллежский асессор Крылов обще с помощником библиотекаря Сопиковым заведывает все печатные книги на славянском и российском языке».

Это «заведывание» позволило Сопикову еще раз проверить и дополнить указатель.

В 1811 году Оленин подал бумагу на высочайшее имя, в которой просил царя выделить средства для издания «Опыта российской библиографии». «Сия книга, — писал он, — несомненно будет помещена в числе классических творений».

Александр I ходатайство отклонил. Однако царь присвоил Сопикову «во внимание к его трудам и отличному усердию к отечественной библиографии» чин XIV класса, которым, по словам Оленина, «награждаются ученики, выходящие из педагогического института».

Время не благоприятствовало занятиям старой книгой. В июне 1812 года наполеоновские полчища вторглись в Россию. Началась Отечественная война против французских захватчиков. После вступления неприятеля в Москву Публичная библиотека решила эвакуировать свои сокровища. Руководил эвакуацией Сопиков.

«В сентябре прошлого года, — напишет он впоследствии К. Ф. Калайдовичу, — я возил на судне лучшую часть Императорской Библиотеки в Олонецкую губернию и до половины декабря жил с нею в деревне Усланке, на реке Свири. Дело, мне порученное, исполнил как должно...»

Забываясь о сохранении государственных книжных богатств, Сопиков отодвинул на второй план личные дела. Имущество его, находившееся в Москве, погибло.

Друзья помогли Василию Степановичу. 12 сентября 1813 года он сообщал Калайдовичу: «Известную Вам мою роспись я действительно печатаю, коей первая часть, состоящая из 29 листов, через две

недели явится к Вам с своею должною благодарностью непременно. Набирается в типографии последний оной лист».

Книга вышла в свет осенью 1813 года. Библиографической росписи был предослан краткий очерк истории книгопечатания, которую Сопиков почитал «самой существенной частью библиографии». О последней же он говорил, что она «состоит в познании книг вообще, в ученой истории и во всем том, что относится к искусству книгопечатания».

В первом томе «Опыта российской библиографии» помещены сведения о четырех изданиях Ивана Федорова. Три из них — московский «Апостол» 1564 года, львовский «Апостол» 1574 года и острожская «Библия» 1580—1581 годов — нам уже известны.

Впервые упоминался «Новый завет» с присоединенной к нему «Псалтырью». Книгу эту — изящный, небольшой по формату томик — Иван Федоров напечатал в 1580 году в Остроге. В предисловии типограф утверждал, что «Новый завет» — «первый овощ от дому печатного... острожского».

В дальнейшем, однако, была найдена книга, выпущенная в Остроге за два года перед тем. Но нашли ее лишь в 1961 году.

Рассказывая о львовском «Апостоле», Сопиков замечал:

«Экземпляры оного весьма редки в России и едва ли не реже первого. Оно важно по послесловию, в котором первый наш типографичек пишет о причинах, побудивших его удалиться из своего отечества...»

Экземпляр, которым пользовался Сопиков, был неполным; поэтому он не смог воспроизвести в своем «Опыте» текст послесловия Ивана Федорова. Сделал это, как уже известно читателю, в том же самом 1813 году Константин Федорович Калайдович. Он же указал и конкретный экземпляр острожского «Нового завета», принадлежавший в ту пору книготорговцу И. Ф. Ферапонтovu, с которым мы вскоре познакомимся.

«Вестник Европы» со своей статьей Калайдович тут же отправил Сопикову.

30 октября 1813 года Василий Степанович писал Калайдовичу: «Прекрасная Ваша статья о Иване Федорове, помещенная в „Вестнике Европы“, вышла уже, к сожалению, поздно; она мне нужна была только для послесловия львовского Апостола, которое в моем, как Вам известно, не полно...»

Сведения о других изданиях Ивана Федорова, не без участия К. Ф. Калайдовича, появились в дополнительном, пятом томе «Опыта российской библиографии», который вышел в свет уже после смерти автора, скончавшегося 21 июня 1818 года.

Рассказ о Сопикове хочется кончить сведениями, не имеющими прямого отношения к нашей теме. Описания некоторых книг в своем «Опыте» Василий Степанович сопровождал весьма характерными выписками, совокупность которых член-корреспондент Академии наук СССР Павел Наумович Берков назвал «хрестоматией политического свободомыслия».

В четвертом томе «Опыта», например, Сопиков поместил выписку из запрещенного «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. По настоянию цензуры страница с выпиской была изъята из тиража и заменена другой.

Экземпляры «Опыта» с «Радищевской страницей» очень редки — библиофилы издавна охотятся за ними.

НАХОДКИ, НАХОДКИ, НАХОДКИ...

В июле 1816 года К. Ф. Калайдович получил в Николо-Песношском монастыре письмо от родителя.

«Поблагодари отца Пахомия за его отеческое попечение,— писал строгий батюшка,— взяв на путь его благословение, испроси от него монастырскую подводу и приезжай ко мне».

В Москве Константин Федорович остриг космы, отпущенные в монастыре, и отправился на службу — в архив. А затем начались знаменитые археографические экспедиции, первые из которых финансировались Н. П. Румянцевым.

Золотое это было время для археографов!

В нетронутых монастырских архивах и книгохранилищах молодых исследователей на каждом шагу ждали находки.

В первую свою экспедицию К. Ф. Калайдович и П. М. Строев выехали 9 июня 1817 года. Первым на пути лежал Новый Иерусалим с известным Воскресенским монастырем, основанным патриархом Никоном в XVII веке. Огромный каменный шатер храма Воскресения путники завидели еще издалека. Величественное зрелище могучей главы храма, покоившейся на крестчатом основании, настолько захватило их, что они приказали вознице остановиться и долго молча смотрели на открывшуюся им картину.

В монастыре, договорившись с отцом Петром, ризничим, Калайдович и Строев получили свободный доступ в ризницу и библиотеку и начали работать.

Сразу же сделали открытие — да еще какое! Нашли «Изборник», написанный для князя Святослава Ярославича в 1073 году. В начале рукописи была вплетена миниатюра, изображавшая княжескую семью — первый групповой портрет в истории русского искусства. «Изборник» — подлинная жемчужина древнерусской книжности — в настоящее время хранится в Государственном Историческом музее.

Из Нового Иерусалима археографы отправились в Саввино-Строжевский монастырь, а оттуда — в Иосифо-Волоколамский.

Работа в книгохранилищах перемежалась обильными чаепитиями, до которых была охоча монастырская братия. «Пивали его после утрени,— вспоминал Калайдович,— до обедни, перед обедом, по полудни и, наконец, на сон грядущий, что все с итогами составит более 30 чашек.»

Книги и старые бумаги в монастырях хранились в небрежении.

В Иосифо-Волоколамском монастыре архив сложили в одну из боевых башен. «В оной обители благочестия,— возмущался впоследствии П. М. Строев,— к которой в исходе XVII века было приписано более пятидесяти других монастырей и которая владела тогда 17 000 крестьян, соляными варницами и богатыми рыбными ловлями, старый ее архив помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на пол-аршина кучу книг и столпов, наваленных без разбора, и я рылся в ней, как в развалинах Геркулана».

Великое множество рукописных и старопечатных книг прошло через руки молодых археографов. Часть из них удалось приобрести для библиотеки Николая Петровича Румянцева, вдохновителя и организатора археографических экспедиций.

Были среди них издания Ивана Федорова.

В архиве Н. П. Румянцева, который ныне находится в Отделе рукописей Ленинской библиотеки, есть немало каталогов и реестров,

написанных рукой Калайдовича. Среди них «Каталог рукописей и старопечатных книг, приобретенных графом Н. П. Румянцевым», составленный в 1820—1822 годах. В нем описаны и издания Ивана Федорова — «Апостол» 1574 года и «Новый завет» 1580 года. Сообщив подробные сведения о львовском издании, Константин Федорович описывает попавший в собрание графа экземпляр:

«Сей Апостол дан был вкладу одним запорожским казаком в храм Преображения Господня в городе князей Корецких Лесниках с жестоким проклятием того, кто дерзнет похитить оный из святого места, что видно из собственноручной в начале по листам надписи сего казака».

Книги имеют свою судьбу!

В начале 70-х годов, когда я собирал материалы для монографии «Начало книгопечатания на Украине», я просмотрел в различных библиотеках и архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Львова, Варшавы, Кракова, Пловдива и многих других городов около 80 экземпляров «Апостола» 1574 года. Книга оказалась совсем не такой редкой, как думал В. С. Сопиков!

Экземпляр Н. П. Румянцева должен был находиться в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Но среди 11 экземпляров, хранящихся ныне в Отделе редких книг, его не было.

Книга с вкладной записью, упомянутой К. Ф. Калайдовичем, отыскалась в Ленинграде, в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Никаких примет, указывающих на принадлежность экземпляра Н. П. Румянцеву, в книге не было. На обороте верхней крышки переплета был наклеен экслибрис: «Из библиотеки Ивана Прокофьевича Каратаева».

Как книга попала из Румянцевского собрания к библиографу и коллекционеру славянских старопечатных книг И. П. Каратаеву — этого мы, наверно, никогда не узнаем.

Вернемся к Калайдовичу, который в поисках книжных редкостей изучал не только монастырские, но и совсем уже близкие, московские собрания.

В ЛАВКЕ У ПОЧТЕННОГО СТАРЦА ИГНАТИЯ ФЕРАПОНТОВА

На Спасском мосту Московского Кремля со стародавних времен теснились лавки, в которых торговали иконами и книгами. В конце XVIII века в Китай-городе — на Никольской и Ильинке, а затем и на Кузнецком мосту открылись модные книжные магазины французов Кургенера, Готье, Рисса. Потянулись на Кузнецкий мост и Никольскую старые московские книготорговцы — Матвей Глазунов, Никита Кольчугин...

Игнатий Ферапонтович Ферапонтов по-прежнему, в мороз и в зной, сидел в холодной лавке на Спасском мосту и никуда переезжать не собирался. Торговля у него была особая — одни лишь рукописи и старые печатные книги. Сюда в лавку хаживали к нему любители, которых в ту пору было еще немного — граф Алексей Иванович Мушин-Пушкин, граф Федор Андреевич Толстой, Платон Платонович Бекетов и обрусевший немец, профессор Московского университета Федор Григорьевич Баузе. Все они с помощью Игнатия Ферапонтова составили неплохие библиотеки. Сделать это в ту пору было не так уж трудно.

Константин Федорович Калайдович посвятил трудам и дням Ферапонтова небольшую книжку «Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных», выпущенную в 1811 году. «В России много отечественных древностей,— писал он,— первое и важнейшее место занимают книги: в одном краю они гниют в углах монастырских, в другом невежество жжет их, употребляет на обертки,— кой-где попадают они в руки мелочным торговцам и продаются иногда за бесценок... При таком небрежении, чего ожидать доброго?»

И. Ф. Ферапонтов старую книгу любил и знал, тщательно выискивая редчайшие издания, которые он продавал лишь знатокам. Для Баузе, например, Ферапонтов достал издания белорусского просветителя Франциска Скорины и прославленную «Острожскую Библию» Ивана Федорова.

Библиотека Баузе сгорела в московский пожар 1812 года. Погибло и превосходное собрание А. И. Мусина-Пушкина, в котором находился рукописный сборник с уникальным списком «Слова о полку Игореве».

Чуть ли не на следующий день после бегства французов из Москвы Игнатий Ферапонтов уже сидел в своей нетопленной лавке. Сразу потянулись к нему привычные покупатели.

«Жив ли старец почтенный Игнатий Ферапонтович и занимается ли по-прежнему книжными делами? — спрашивал Сопиков Калайдовича в письме от 20 марта 1814 года.— Прошу Вас объявить ему мое почтение.»

В лавке у Ферапонтова и отыскал Константин Федорович издание Ивана Федорова, о котором до того времени никто не знал. Он тут же сообщил об этом Сопикову, который продолжал пополнять «Опыт российской библиографии».

«Есть ли у Ферапонтова заблудовское Учительное Евангелие продажное,— писал 4 января 1817 года Сопиков,— то прошу Вас уведомить меня о последней цене оногo; я бы купил его для себя, буде не очень дорого.»

Из предисловия книги К. Ф. Калайдович узнал, что она была напечатана Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в родовом поместье пана Виленского, верховного гетмана Великого Княжества Литовского, старосты Гродненского и Могилевского Григория Александровича Ходкевича — «в месте, называемом Заблудово».

Так нашлось одно из изданий Заблудовской типографии, о существовании которой Калайдович узнал из послесловия львовского «Апостола» 1574 года.

Константин Федорович в ту пору еще не ведал, что за несколько лет до него другой экземпляр книги обнаружил в Редигеровской библиотеке города Вроцлава польский историк Ежи Самуэль Бандтке, который и упомянул ее в 1815 году на страницах известной «Истории краковских типографий».

Калайдович посвятил своей находке небольшое исследование — «Библиографическое известие о Евангелии учительном, напечатанном в Заблудове 1569 года первыми московскими типографщиками».

Статья эта была опубликована в журнале «Северный архив» в 1823 году.

Первенец Заблудовской типографии примечателен, в частности, тем, что на его страницах Иван Федоров напечатал «Слово» русского писателя XII века Кирилла Туровского.

НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ

В течение всей своей жизни Константин Федорович Калайдович мечтал написать историю книгопечатания в России. Он начал работать над ней еще на студенческой скамье и немало преуспел в этом. Пухлая рукопись, которую он готовил к печати, погибла со всей его библиотекой в московский пожар 1812 года.

А затем начались находки и находки... Каждая из них вносила что-то новое в устоявшиеся уже представления Калайдовича о развитии книжного дела.

Так и не написал Константин Федорович истории книгопечатания. В 1828 году он повредился в уме — сказались годы напряженной работы.

19 апреля 1832 года Константин Федорович умер. Похоронили его на Ваганьковском кладбище. Все бумаги Калайдовича приобрел у наследников М. П. Погодин.

Михаил Петрович стал собирателем первой величины. Его колоссальное древлехранилище, для которого он построил специальный дом на нынешней Пироговской улице, затмило славу библиотек Ф. А. Толстого и И. Н. Царского, памятником которых остались превосходные печатные каталоги, составленные П. М. Строевым.

Павел Михайлович продолжал изучать и описывать старопечатные книги, где бы они ему ни попадались. Он все еще ездил по стране и работал в монастырских библиотеках. В 1841 году П. М. Строев собрал все свои записи и выпустил в свет «Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского».

В предисловии к книге П. М. Строев отметил, что рассматривает свои каталоги как единое целое: «все три вместе они образуют богатую житницу материалов для библиографии, ученой истории, филологии и проч.».

«Будущие преемники мои на поприще славянской библиографии, — писал Строев, — могут соединить вместе сии отдельные описания и составить общую славянскую библиотеку, по примеру подобных изданий в литературах западных.»

Это желание библиографа попытался осуществить лет 25 спустя Иван Прокофьевич Каратаев. Однако довел он свое описание лишь до 1652 года. Другой библиограф и собиратель — Вукол Михайлович Ундольский, ограничившись минимальными библиографическими сведениями, составил «Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491-го по 1864-й год» (М., 1871). Полного сводного каталога славянских старопечатных книг кирилловского шрифта не существует по сей день. Лишь недавно к созданию такого каталога приступила Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

Вернемся, однако, к П. М. Строеву. Во время одной из археографических экспедиций попался ему в руки «Часовник», в конце которого он прочитал следующие слова:

«Составися сия штанба сиречь печатных книг дело в царствующем граде Москве, в ней же напечатана и сия книга Часовник в лето семь тысяч семьдесят четвертое... подвиги и тщанием труды же и снисканием дякюна Николы чудотворца Гостуньского Ивана Федорова, да Петра Тимофеева Мстиславца.»

По сей день было известно лишь одно московское издание первопечатника — «Апостол» 1564 года. Ныне появилась возможность гово-

рить еще об одном — о «Часовнике», напечатанном в период с 3 сентября по 29 октября 1565 года.

Радоваться, однако, было рано. Павел Михайлович держал в руках совсем не печатную, но рукописную книгу. Он догадался, что кто-то много лет назад списал для себя «Часовник» с книги, напечатанной Иваном Федоровым. Все печатные экземпляры со временем исчезли — ведь «Часовник» книга небольшая, да к тому же использовалась для обучения грамоте. Рукописная книга в силу стечения обстоятельств уцелела.

П. М. Строев опубликовал послесловие «Часовника» в 1841 году в приложении к «Описанию старопечатных книг», о котором только что шла речь.

Сразу нашлись люди, которые заявили, что такой книги Ивана Федорова не было и нет в помине. Рукопись, найденная Строевым, говорили они, фальсифицирована.

Прошло, однако, несколько лет и был отыскан подлинный экземпляр «Часовника» 1565 года. Найти его посчастливилось Михаилу Петровичу Погодину.

Ежегодно Погодин ездил в Нижний Новгород на знаменитую здешнюю ярмарку. Привлекали его не узорчатое разнообразие набивных тканей и платков, не деловая сосредоточенность скобяного ряда, а небольшие дощатые балаганы на задворках торжища. Продавали там старые церковные книги — рукописные и печатные.

Михаил Петрович знал по имени всех торговцев — нижегородского мещанина Михаила Зубова, вязниковского крестьянина Василия Федорова Моржакова...

Моржаков, — вспоминал Погодин, — «не умел ни читать, ни писать, торговал рукописями и старыми книгами и так был счастлив, так был ловок, что всякую ярмарку привозил множество отличных вещей, да приезжал еще в Москву раза по два в год и всегда не с пустыми руками... Это был русский человек в полном смысле слова: не зная грамоте, он взглянет на книгу и скажет вам бывало, где она напечатана — в Остроге или Львове, Киеве или Венеции. Этого мало — он узнает, какая это книга — Триодь или Псалтырь, Часовник или толковое Евангелие».

Съезжалось на ярмарку книжников видимо-невидимо.

У одного из них — у московского книготорговца и собирателя Д. В. Пискарева — Михаил Петрович перекупил «Часовник» Ивана Федорова. Удалось это ему, как он сам впоследствии рассказывал, «дорогой ценой».

В 1844 году сам Погодин отыскал в одном из нижегородских балаганов другой уникум — «Псалтырь», напечатанную Иваном Федоровым в 1570 году в Заблудове.

Так в научный оборот было введено еще два издания Ивана Федорова.

В дальнейшем отыскалось еще несколько экземпляров «Часовника» 1565 года. Лишь один из них был найден в нашей стране; все остальные — за ее пределами. Судьба раскидала издание по всему свету. Один из экземпляров нашелся в Копенгагене, другой — в Лондоне, третий — в Кембридже.

В Брюсселе в начале XX века отыскали московский «Часовник» с другими датами — он был выпущен Иваном Федоровым 29 сентября 1565 года, за месяц до погодинского экземпляра. Значит, существовало два издания этой книги.

Совсем недавно — в 1970 году — новый экземпляр «Часовника» был найден в Архангельской области экспедицией Ленинградского университета.

Что же касается заблудовской «Псалтыри», то с погодинских времен нашли лишь два новых экземпляра. Один из них отыскивали в 1864 году в западноукраинском селе Тыряве Волошской. Второй — самый полный из всех сохранившихся — в 1968 году обнаружил английский историк Джон Симмонс в библиотеке оксфордского колледжа «Ламбет Пэлис».

Так, одно за другим, в научный оборот вводились издания Ивана Федорова. К середине 40-х годов прошлого века были зарегистрированы и описаны почти все подписанные Иваном Федоровым издания: «Апостол» 1564 г., «Часовник» 1565 г., «Учительное Евангелие» 1569 г., «Псалтырь» 1570 г., «Апостол» 1574 г., «Новый завет» 1580 г., «Библия» 1580—1581 гг.

В количественном отношении последующие десятилетия принесли немного. Но в качественном...

Сравнительно недавно, уже в послевоенные годы, были подробно описаны первые русские учебники — «Азбуки», напечатанные Иваном Федоровым в 1574 и 1578 гг. Рассказ об этих находках — в свое время и в своем месте...

«В МОСКОВСКОМ НЕДАВНО ДРУКОВАННОМ...»

В 1844 году некий И. Ф. Тархов, промышлявший продажей старых книг, принес уже знакомому нам Михаилу Петровичу Погодину переплетенный в кожу том. Вначале шли различные «статьи», переписанные от руки: беседы Григория Богослова, «послание Домника, архиепископа Венетийского», житие Кирилла Философа, первооткрывателя славянской письменности.

Сборник ожидал быть интересным. Погодин с удовольствием перелистывал его.

В конце книги были вплетены 62 листа, не написанных, но напечатанных. На титульном листе стояло: «Первая часть Нового завету, або Тестаменту».

Руки у Погодина дрогнули — такой книги не было ни в его древлехранилище, ни в одной из знакомых ему библиотек. Да и в литературе издание описано не было — это Михаил Петрович знал наверняка. Он тут же купил сборник, отсчитав Тархову немалую сумму.

Когда книготорговец ушел, Погодин еще раз перелистал книгу. Перед печатным текстом оказалось рукописное предисловие, написанное никому в ту пору не известным Василием Тяпинским. Рассказывал он о том, что из любви «ку моей отчизне», «своей Руси услугоючи», перевел Евангелие на народный язык и решил напечатать его «двема языки зараз, и словенским и при нем тут же русским».

В дальнейшем историки «раскопали» различные обстоятельства богатой приключениями жизни белорусского шляхтича Василия Николаевича Тяпинского-Омельяновича, который родился около 1530 года и умер в 1603 году. Рассказывать о нем мы сейчас не будем. Упомянем лишь, что был Тяпинский близким другом известного «еретика», деятеля белорусско-литовской реформации Симона Будного.

Ни предисловие, ни печатный текст «Первой части Нового завету» не датированы. Однако на страницах книги, купленной М. П. Погоди-

ным, было немало датированных записей, причем старейшая из них гласила: «Сия книга священноинока Евстафия архидиакона. Списана быть в монастыри Супрасльском от нарочена сына Божия 1580 года».

«Новый завет» Василия Тяпинского описал впервые в 1849 году библиограф и историк книги Иван Петрович Сахаров (1807—1863). Врач по образованию, он был чрезвычайно разносторонним человеком. О широте интересов Сахарова можно судить по названиям некоторых его работ: «Луковичный промысел в России», «Русское церковное пение», «Выделывание овечьих шкур и дубление их», «Исследование о русском иконописании», «Летопись русского гравирования»...

Среди многих грандиозных замыслов И. П. Сахарова, которым — увы! — не было дано осуществиться, многоотомный труд «Обозрение славяно-русской библиографии». Вышла в свет лишь часть этого труда — «Хронологическая роспись славяно-русской библиографии». Здесь-то и были опубликованы сведения об издании Тяпинского.

На полях «Нового завета» И. П. Сахаров нашел многочисленные ссылки на «московское недавно друкованное Евангелие», по которому Тяпинский корректировал свой перевод.

О каком «Евангелии» шла речь? Напомним, что издание Тяпинского появилось не позднее 1580 года, когда была сделана приведенная выше запись на страницах книги. А первое «Евангелие» в Москве было напечатано лишь в 1606 году Анисимом Михайловым Радищевским, учеником Ивана Федорова.

«На какое московское издание ссылается Тяпинский», — спрашивал И. П. Сахаров. И тут же отвечал: «Конечно, на Евангелие, печатанное Иваном Федоровым, доселе не отысканное, но известное по одним темным указаниям!»

Означает ли это, что к числу книг, напечатанных Иваном Федоровым в Москве, отныне нужно прибавить еще «Евангелие»? На этот вопрос лет двадцать спустя ответил А. Е. Викторов.

Прежде чем рассказать об этом незаурядном человеке, я хочу задать читателю вопрос — может быть, несколько неожиданный.

ЧТО ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ — ФАКТ ИЛИ ГИПОТЕЗА?

Разговор состоялся лет пятнадцать назад в небольшой комнатенке одноэтажного флигеля на улице Неждановой, где в ту пору находилась редакция недавно основанного сборника «Книга. Исследования и материалы». Кроме автора этих строк, который по относительной молодости лет и застенчивости больше слушал, чем говорил, в нем участвовали заместитель редактора «Книги» Николай Иванович Сахаров (1891—1971), подтянутость, аккуратность и выправка которого сразу же выдавали кадрового военного-отставника, и Николай Петрович Киселев (1884—1965), сухощавый, немного сгорбленный старик, лучший у нас знаток западной книги.

Тема разговора была отвлеченной — о допустимости гипотез и об их роли в научном прогрессе.

Тогда-то Николай Петрович и сказал, что, по его мнению, высшим научным достижением нужно считать открытие нового факта, никому ранее не известного.

Эрудиция Н. П. Киселева в области истории западноевропейской культуры была фантастической. По небольшому фрагменту латинского текста, напечатанного трудно читаемой текстурой, он тотчас определял,

что текст взят из учебника латинской этимологии Элия Доната, что набран он шрифтом, известным в книговедении под наименованием «В⁴²», что этим шрифтом Иоганн Гутенберг напечатал знаменитую «42-строчную Библию» и что наш фрагмент скорее всего вышел из типографии Петера Шеффера, ученика Гутенберга.

Все публикации Н. П. Киселева, а было их не так уж много, вводили в оборот науки новые факты: фрагменты древнейших памятников печати Германии и Голландии, обнаруженные им в библиотеке Московского университета; редкий экземпляр сочинения Раймонда Луллия «Древо знания», напечатанного в Испании в начале XVI века; никогда не воспроизводившийся инициал, найденный Киселевым в уникальном экземпляре одного из изданий белорусского просветителя Франциска Скорины.

Николай Петрович составил образцовый для своего времени каталог инкунабул — изданий XV века, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Начал он издавать и каталог палеотипов — изданий первой половины XVI века, но, к великому сожалению, не закончил.

Во всех этих работах господствует «его величество факт». Может быть, и число трудов, опубликованных Н. П. Киселевым за его долгую жизнь — он умер на 81-м году жизни, столь не велико и, очевидно, не соответствует объему его памяти и эрудиции, что не хотел Николай Петрович заниматься пересказыванием и толкованием истин, установленных не им самим.

Виктор Александрович Истрин (1906—1967), автор капитальных монографий по истории письма и вместе с тем талантливый беллетрист, был человеком другого склада. В его трудах, содержащих свежие и смелые оценки и остроумные параллели, не было ни одного нового, самолично им добытого факта, что ни в коей мере не умаляет значения этих работ и той роли, которую они сыграли в нашем книговедении. В 1963 году В. А. Истрину, первому из наших ученых, была присуждена степень доктора филологических наук по специальности «книговедение».

В марте 1964 года, когда я защищал кандидатскую диссертацию, Виктор Александрович выступил на заседании Ученого совета с блестящей речью-экспромтом, сказав, между прочим, следующее:

— Есть ученые двух типов. Одни проводят жизнь в архивах и библиотеках, перекапывая тысячи тонн бумаги в поисках новых фактов. Другие берут эти факты, анализируют их, обобщают и делают выводы,двигающие науку вперед.

К чести Н. П. Киселева и В. А. Истрина нужно сказать, что они никогда не абсолютизировали свою точку зрения. Николай Петрович не отрицал важной роли гипотетических построений, а Виктор Александрович отдавал должное неутомимым искателям новых фактов.

Были, однако, и в нашей области люди, для которых факт и только факт имел сколько-нибудь весомую научную значимость. Их нападки в свое время так рассердили Алексея Алексеевича Сидорова, члена-корреспондента Академии наук СССР, старейшего книговеда, что он в статье о художественно-технических особенностях славянского первопечатания вспомнил о предостережении В. И. Ленина. Великий вождь говорил о том, что за выхватыванием отдельных фактиков, игрой в примеры нельзя забывать о требовании брать факты в их целом, в их связи.

Наш рассказ — об ученом, который ввел на страницы истории книжного дела великое обилие новых фактов и вместе с тем не боялся

выдвигать смелые гипотезы. В прошлом веке они почти никем приняты не были, в наше время — считаются аксиомами.

Звали ученого Алексей Егорович Викторов.

А. Е. ВИКТОРОВ НЕ ВЕРИТ АВТОРИТЕТАМ...

В 1912 году в импозантном томе, изданном к пятидесятилетию Московского Румянцевского музея, был помещен список «личного состава» этого прославленного собрания книг и произведений изобразительного искусства, которому в следующем пятидесятилетии суждено было стать крупнейшей библиотекой мира. Помянут в списке и «младший помощник библиотекаря, сверхштатный чиновник X класса, имеющий свидетельство императорского университета Николай Петрович Киселев»; он пришел в библиотеку 21 мая 1911 года.

В ту пору еще была жива память о человеке, который создавал Отделение рукописей и славянских старопечатных книг и стал его первым хранителем. Имя его также названо в списке: «статский советник Алексей Егорович Викторов». Он стал сотрудником Румянцевского музея в 1862 году, в год его открытия для публики, и трудился здесь до последнего дня — до 20 июля 1883 года.

Лицо, которое смотрит на нас с портрета, напечатанного в юбилейном сборнике, ничем не примечательно. Гладко выбритый подбородок, густые, переходящие в бородку баки, мечтательные глаза. Галстук бабочкой и фатовские брюки в полоску как-то не вяжутся с традиционным обликом «книжного червя», вся жизнь которого прошла среди старых рукописей.

Внешность обманчива. Чего-чего, а фатовства в жизни А. Е. Викторова не было. Личная судьба его сложилась трагически.

Сын деревенского дьячка из небольшого сельца Орловской губернии, он пошел традиционным путем выходца из духовного сословия. Четырнадцати лет от роду поступил в Орловскую семинарию, в 1846 году стал слушателем Московской духовной академии. Схоластическая система преподавания, процветавшая здесь, гнетущим образом сказывалась на слушателях. Вспоминая о годах учебы, Викторов впоследствии писал академику И. И. Срезневскому, что вышел из стен Академии с теми же знаниями, с которыми пришел туда.

Унылая карьера священнослужителя не привлекала Алексея Егоровича. Окончив Академию, он в 1852 году попросил уволить его из духовного звания «за слабым здоровьем». И тогда же поступил на службу в Главный архив Министерства иностранных дел.

Младший архивариус Викторов много читал в те годы. Древняя российская словесность стала его страстью — одной на всю жизнь.

Работая в архиве, Алексей Егорович одновременно читал лекции по древнерусской литературе в Ермоло-Мариинском институте для девиц. Одна из слушательниц — княжна Мария Макулова — привлекла его вниманием тем, что самостоятельно изучила древнерусский язык и переложила с него Нестеров летопись. Перевод был сделан отлично.

Викторов часто беседовал с девушкой и постепенно привязался к ней. Выпускные экзамены Макулова сдала блестяще. Поздравляя девушку, Алексей Егорович, неожиданно для себя, сделал ей предложение. И добавил:

— Вы княжна, а я попович! Захотите ли идти об руку с поповичем?

Вскоре сыграли свадьбу. Совместная жизнь складывалась счастливо. Но полтора года спустя молодая жена Алексея Егоровича заболела и умерла. Виктор замкнулся в себе и отныне уже ничем, кроме милых его сердцу старинных книг, не интересовался.

Жил он на казенной квартире, в которой, как вспоминают современники, не было «ни кровати, ни обеда, ни даже прислуги — ничего, что делает уютной и приветливой квартиру одинокого человека». Спал Алексей Егорович «на жесткой кушетке, питался — как студент — сухоядением: яйца, колбаса, икра — обычное меню студенческой кухни, и только за год до смерти стал посылать за обедом в один из московских трактиров».

В 1862 году Викторова пригласили в только что открытый для публики Румянцевский музей, где он стал хранителем Отделения рукописей и славянских старопечатных книг. Одновременно он заведовал архивом и канцелярией Московской Оружейной палаты.

Для Румянцевского музея Алексей Егорович сделал исключительно много.

Коллекция старопечатных книг, собранная графом Н. П. Румянцевым, как и всякое собрание дилетанта, могла похвастаться первоклассными раритетами. Вместе с тем она была весьма и весьма неполной. Русских книг XVI—XVII вв. в ней было менее ста.

Виктор из всех сил старался пополнить собрание. Он много ездил по стране, посещал монастыри и старые церкви, привозил в Москву рукописи и древние книги. Все собиратели были у него на учете. Некоторых он уговаривал подарить книги музею, у других обменивал раритеты, которых в музее не было, у третьих покупал собрания целиком.

«Какими-то путями, — рассказывают современники, — ему удалось всегда знать первым не только о продаже какой-нибудь библиотеки, но даже какой-нибудь одной рукописи или старопечатной книги. И во время хлопот о таких приобретениях он обыкновенно переживал все муки, какие переживает влюбленный, не уверенный во взаимности. Мучился, волновался, лишался аппетита, не спал ночи, если встречались неудачи в задуманных планах.»

В годы, когда А. Е. Виктор стоял у кормила Отделения рукописей, в Румянцевский музей поступили собрания Т. Ф. Большакова и Д. В. Пискарева, архимандрита Амфилохия и П. И. Севастьянова... Особенно богатыми были собрания библиографа и книговеда В. М. Ундольского и украинского коллекционера И. Я. Лукашевича — в каждом более 800 старопечатных книг.

Сколько томов за эти годы прошло через руки Алексея Егоровича — сосчитать невозможно. Каждый из них он внимательно изучал и тщательно описывал — архив А. Е. Викторова, который ныне хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, — неисчерпаемый кладезь всевозможных сведений для историков рукописной и печатной книги.

Читатель, наверно, помнит слова М. П. Погодина о Василии Федорове Моржакове, торговавшем старыми книгами на Нижегородской ярмарке: «...не зная грамоте, он взглянет на книгу и скажет вам бывало, где она напечатана».

Алексей Егорович Виктор этим искусством овладел в совершенстве. По сравнению с Моржаковым у него было немало преимуществ и прежде всего блестящие познания в области древнерусской словесности. Был Виктор и превосходным палеографом — моментально, с листа,

расшифровывал вязь, читал неразборчивую скоропись, мог по почерку определить место и время создания рукописи.

В отдаленнейших закоулках его памяти день за днем откладывались приметы времени и стилия — особенности письма, завитушки орнамента, приемы печати. В необходимый момент память срабатывала, разрозненные детали и сведения складывались в стройную картину, рождались выводы и гипотезы.

Из великой массы просмотренных Викторovým старопечатных книг мысль его со временем вычленила обособленную группу: три «Евангелия», две «Псалтыри» и две «Триоди». Ни в одной из этих книг не было ни предисловий, ни послесловий. Кто, где и когда напечатал их — оставалось загадкой.

Попадались они библиографам и ранее. Еще в 1833 году собиратель старых книг А. С. Ширяев описал одно из «Евангелий» с характерным узким шрифтом.

Напечатана была книга плохо — видно, мастер ее только-только осваивал типографскую технику.

«Она есть одна из первых вышедших на славянском языке книг», — посчитал Ширяев. И отнес ее к самому началу XVI столетия.

Павлу Михайловичу Строеву было известно другое «Евангелие» — с более широким шрифтом и заставкой, в которой был изображен евангелист Матфей. Книга находилась в собрании Ивана Никитича Царского, каталог которого составлял Строев. В том же собрании было другое «Евангелие» — с совсем уже широким шрифтом, а также «Триодь постная» с удивительно красивой заставкой.

«Напечатано где-нибудь на юге, в начале XVI века», — решил П. М. Строев.

Лишь последнее «Евангелие» вызвало у него некоторые сомнения, и он сопроводил описание следующим меланхолическим размышлением: «Издание не известное библиографам, конечно, южное; или не первое ли московское, если оно действительно было».

«Где-нибудь на юге», а значит — в Сербии, в Валахии или в Венеции. Мнение это вскоре стало общепринятым.

Иван Прокофьевич Каратаев, один из крупнейших авторитетов в области славянской библиографии, описал в своей «Хронологической росписи славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами» (СПб., 1861) три «Евангелия» и «Триодь постную», лишенные выходных сведений, и беспрекословно атрибутировал: «южной типографии, половины XVI века».

Заинтересовавшись безвыходными старопечатными книгами, А. Е. Викторov прежде всего установил, что все они, очевидно, вышли

*Алексей Егорович
Викторов.
С фотографии*

из одной типографии. Двум «Евангелиям» — со средним и с самым широким шрифтом — соответствовали две «Псалтыри», напечатанные теми же шрифтами. Во всех трех «Евангелиях» встречалась одна и та же заставка. Были и общие инициалы-буквицы.

Шрифт, вязь, заставки книг вне всякого сомнения восходили к московской рукописной традиции, превосходно знакомой Алексею Егоровичу. На краковские, венецианские, сербские они не походили.

А. Е. Викторов тщательно изучил текст безвыходных книг. И опять же, редакция их во всем восходила к московским рукописям и к более поздним московским же изданиям.

Постепенно складывался вывод: безвыходные старопечатные издания напечатаны в Москве. Однако высказать это утверждение публично Алексею Егоровичу долго не решался. Слишком велик был авторитет П. М. Каратаева и других библиографов.

Кроме того нужно было решить и другой вопрос: когда были напечатаны безвыходные издания?

«ПОЛОЖИЛИ НА ЛАМПОЖНЕ»

Чтобы определить миграцию птиц, их кольцуют.

Книги подчас путешествуют на более дальние расстояния, чем птицы. Но книгу не закольцуешь...

Кольца не кольца, а приметы места и времени на страницах древних фолиантов остались. Изучая эти приметы, мы можем выяснить, где и когда побывала книга.

Речь идет о записях на ее страницах.

Интеллигентный читатель брезгливо морщится:

— Марать книгу? Да ведь это верх бескультурия!

Согласен, но с небольшой оговоркой. Покупая книгу в магазине, даже подержанную, я тоже люблю, чтобы она была чистой. Иное дело, когда в архиве или библиотеке раскрываешь ни разу еще не просмотренный экземпляр старопечатного издания или рукописи. У исследователя иная реакция и другие запросы. Если книга чиста, он огорчается: такой экземпляр ничего не расскажет ни о своих прошлых владельцах, ни о том, в каких краях он побывал.

К счастью для историков, наши предки любили оставлять автографы на страницах книг. Делалось это в разных случаях.

Чаще всего владелец считал необходимым засвидетельствовать, что экземпляр принадлежит именно ему и никому другому: «Сия книга, глаголемая Сборник, вольной женки посацкие дочери Татьяны Федоровны дочери Скрибина».

Такие же записи оставляли на полях книгохранители монастырских библиотек: «Сия книга домовая церковная Николы чудотворца да Георгия страстотерпца общаго монастыря с Прилука на Двине».

Если кто-либо дарил книгу, он считал нужным засвидетельствовать это на ее страницах. Например: «172-го году (то есть 1663 год.— Е. Н.) сентября в 1 день, книга глаголемая Минея села Павлова крестьянина Васьки Евсегнеева сына Белоусова, а благословил его дедушко Самойло Иванов сын Посник». Вот какой заботливый дедушка — подарил книгу к Новому году!

Купить нужную книгу сейчас не составляет труда — нужно лишь, чтобы она была в книжном магазине. Заплатите в кассу, вручите чек продавцу — и дело сделано!

Не так было в старину — в XVI—XVII веке, — когда книги стоили дорого. Покупатель хотел знать, что он не сделал какой-то промашки. Вдруг книга — краденая и с нею придется распрощаться! А может и сам продавец — человек нечестный. Заявит, что книгу у него украли или что деньги заплатили неполностью.

Поэтому продажу книги обставляли формальностями. Составляли специальную купчую — отпись, которую нередко фиксировали на страницах самой книги. В отписи упоминались имена покупателя и продавца, а иногда и свидетеля: «Продал сию книгу поп Кузьма Степану Федорову, а поручился Миля Ветошкин».

Книготорговец свидетельствовал, что «деньги все сполна взял» или что «книга куплена без выкупа». Он давал обязательство «очищать» покупателя — братъ все возможные неприятности на себя. Так, например, в 1546 году Петеля Евсеев, продав «Псалтырь» Ивану Данилову сыну книжнику», написал на ней: «...и кто за ту Псалтырю поймаецца и мне очищать».

Яков Остафьевич Сушков по прозвищу Ушак, продавший в 1569 году «Евангелие» игумену Тихону, засвидетельствовал, что он «взял на том Евангелии рубль денег и мне Якову до того Евангелия дела нет».

Отписи, в которых нередко указывались и цены книг, — важный источник для истории книжного дела. Историки тщательно собирают и внимательно изучают их.

Вернемся, однако, к Алексею Егоровичу Викторову, который как будто бы доказал, что безвыходные старопечатные книги напечатаны в Москве. Но когда напечатаны — до «Апостола» 1564 года или после?

В библиотеке московского коллекционера Павла Васильевича Щапова А. Е. Викторов обнаружил одно из безвыходных «Евангелий», страницы которого украшала (в этом случае иначе и не скажешь!) следующая запись:

«Лета 7071 (то есть 1563 год. — *Е. Н.*) сию книгу новопечатное Евангелие положили на Лампожне страстотерпцу Христову Георгию в дом Кирило Михайлов сын Офутина з братьею, а подписал Кирило сам своею рукою апреля в 23 день».

Значит, за год до выхода в свет первой книги Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца Кирилл Михайлович Офутин уже держал в своих руках печатное «Евангелие». Было это в Лампожне — слободке на Мезени, в то время крупном торговом пункте, где московские купцы вели обмен товарами с «самоядью» — народами Севера.

Впоследствии, уже в наши дни, хранитель Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея Марфа Вячеславовна Щепкина нашла другой экземпляр той же книги с записью, сделанной Иваном Клементьевым сыном Нехорошево еще в 1559 году — за пять лет до выхода в свет «Апостола» 1564 года.

Ранние записи А. Е. Викторов обнаружил и в других безвыходных изданиях. На страницах «Триоди постной», хранившейся в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, он прочитал: «Лета 7070-го (то есть в 1562 году. — *Е. Н.*) дал книгу сию в дом чюдному Богоявленю старец Севастьян, митрополич ключник, по своей душе и по своих родителей на поминок».

«Чюдное Богоявление» — это церковь на подворье Троице-Сергиева монастыря в Москве, а старец Севастьян — один из приближенных московского митрополита Макария, который и вел хозяйство митрополита.

Теперь уже никаких сомнений у Алексея Егоровича не осталось: безвыходные издания напечатаны в Москве до «Апостола» 1564 года.

А значит и «Апостол» не может считаться первой русской печатной книгой!

«НЕ БЫЛО ЛИ В МОСКВЕ ОПЫТОВ КНИГОПЕЧАТАНИЯ ПРЕЖДЕ ПЕРВОПЕЧАТНОГО АПОСТОЛА 1564 ГОДА?»

Так назывался доклад, прочитанный А. Е. Викторovem в июле 1874 года в Киеве на Третьем археологическом съезде.

Нужно было обладать недюжинной научной смелостью, чтобы поставить этот вопрос. Все, казалось, было против Викторова — многолетняя традиция, авторитетные указания зачинателей славяно-русской библиографии и, наконец, слова самого Ивана Федорова в послесловии к «Апостолу» 1564 года о том, что именно эта книга была напечатана им «первее».

Трудности не остановили археографа: он знал — чтобы сказать новое слово в науке, нужно прежде всего сломать традицию.

В докладе шла речь о трех изданиях: двух «Евангелиях» и одной «Триоди».

Десять лет спустя, 26 марта 1883 года, Викторов писал Л. А. Кавелину, с которым нам еще предстоит познакомиться: «Впоследствии я порешил свой реферат, составлявший только извлечение из того, что было мною написано, обработать в более подробном виде, причем взял под свою опеку и другие, обращающиеся в нашем книжном мире безвыходные издания... Но по разным причинам должен был отложить печатание своего издания, для которого я готовил свою статью. Так мое писание и лежит доселе в письменном столе и не явилось миру, хотя я еще не отчаиваюсь возвратиться к нему».

Надеждам Алексея Егоровича не суждено было сбыться. Несколько месяцев спустя он отправился на воды — в Пятигорск и там, поев немые вишни, заболел и умер. Было ему 56 лет.

Большое исследование его о московских безвыходных изданиях осталось неопубликованным. Лет двадцать назад оно было найдено в бумагах Викторова, которые хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. А увидело свет лишь в 1976 году — на страницах ежегодника «Федоровские чтения».

Когда историки книги познакомились с неопубликованной работой А. Е. Викторова, их ждало немало неожиданностей. Считалось, что он ввел в оборот науки сведения о трех безвыходных изданиях — узкошрифтном и среднешрифтном «Евангелиях» и «Триоди постной». Честь открытия еще трех изданий — среднешрифтной и широкошрифтной «Псалтырей» и широкошрифтного «Евангелия» — отдавали другим исследователям: Л. А. Кавелину, А. А. Гераклитову и А. И. Некрасову. На самом же деле Алексей Егорович знал все эти шесть безвыходных изданий. Более того, он описал и седьмое издание — «Триодь цветную», экземпляр которой впоследствии пропал и по сей день так и не найден.

Принадлежал этот экземпляр собирателю П. В. Щапову. Его библиотека в 1888 г. поступила в Государственный исторический музей. Однако «Триоди цветной» в ней не было.

КТО ЖЕ ПЕРВОПЕЧАТНИК?

А. Е. Викторов доказал, что и до 1564 года в Москве выпускались печатные книги. «Апостол» Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца не был первенцем нашего типографского дела. Может быть и мастеров этих не следует называть «первопечатниками»? Кому же присвоить это почетное звание?

В 1843 году в Археографическую комиссию из Новгородского губернского правления прислали две «копийные книги» XVI века. Изодня в день в 1554—1556 годах новгородские подъячие переписывали в книги указы и другие бумаги, приходившие из Москвы.

Книга была сильно попорчена, верхние края листов отсырели, текст на них едва читался. Разбирал записи Яков Иванович Бередников (1793—1854), давний сотрудник П. М. Строева по археографическим экспедициям.

«Первые строки весьма трудно разобрать, — рассказывал он впоследствии, — но я прочел их по навыку и сравнению с подобными местами, встречающимися в других грамотах.»

Одна из грамот, написанная в Москве дьяком Андреем Васильевым 9 февраля 1556 года, была адресована «от царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и в нашу вотчину в Великий Новгород». Царь пишет, что он послал в Новгород «мастера печатных книг Марушу Нефедьева», чтобы посмотреть камень, приготовленный новгородским купцом Федором Сырковым. Камень предназначался для церкви, которую в ту пору строили в Московском Кремле, на подворье Юрия Васильевича — слабоумного брата Ивана Грозного. Маруша должен был определить пригодность камня для резьбы по нему барельефов — царь хотел на камне «лицо наложити».

Упомянут в грамоте и другой умелец — новгородец Васюк Никифоров, который, как сказывал Маруша царю, «умеет резати резь всякую». Царь приказал прислать Васюка в Москву, не мешкая — «наборзе».

Имя Маруши Нефедьева упомянуто еще в одной грамоте — от 22 марта 1556 года. На этот раз он назван «печатным мастером». Идет речь о том, что Маруша осмотрел камень и образцы его привез в Москву. Московские мастера решили, что «тот камень пригодитца». Царь приказал отправить камень в Москву, пока еще не стаял снег — «чтоб вам успет тот камень к нам санми прислати».

Маруша Нефедьев, упомянутый один раз как «мастер печатных книг», а другой раз как «печатный мастер», поверг в изумление Я. И. Бередникова. Докладывая 21 сентября 1843 года на заседании Археографической комиссии о вновь найденных документах, он melancholически заметил: «Если в 1556 году были печатники в России, то что же останавливало книгопечатание до 1563 года?»

На этот вопрос, как мы знаем, ответил А. Е. Викторов.

Однако историки не торопились называть Марушу Нефедьева первопечатником. И вот почему.

УЧЕНЫЙ АРХИМАНДРИТ

Калужский дворянин Лев Александрович Кавелин (1822—1891) в молодые годы мечтал о военной карьере. Он поступил в Волынский полк и блистал эполетами на балах Петербурга и Москвы. Мамаши

входящих в годы невест считали его прекрасной партией. Но Кавелин, неожиданно для всех, покинул полк.

Что сталося с ним, никто не знал, пока в Оптиной пустыни не объявился молодой монах Леонид.

Несчастливая ли любовь или еще что были тому причиной — сейчас установить трудно. Бесспорно одно — история российской словесности явно выиграла от столь неожиданного решения блестящего офицера.

Впоследствии Леонид долго жил на Востоке — в Константинополе и Иерусалиме. Посещал монастыри на Афонской горе. И всюду часами сидел в монастырских библиотеках, разбирал рукописи и старопечатные книги. Затем его назначили настоятелем Воскресенского монастыря под Москвой, а в 1877 году — наместником Троице-Сергиевой лавры. Здесь он всецело посвятил себя археографическим занятиям, чему в немалой степени способствовало богатейшее книгохранилище лавры.

Архимандрит Леонид составил образцовые для своего времени каталоги и описания рукописей Троице-Сергиевой лавры, Козельской Оптиной пустыни, Воскресенского, Ново-Иерусалимского монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии. По сей день считается классическим составленное им четырехтомное «Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова» (М., 1893—1894).

Изучая старопечатные издания, Леонид, как и А. Е. Викторова, не зная о его работах, выделил группу безвыходных книг. Сначала ему казалось, что все они напечатаны в Кракове.

В Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранится принадлежавший архимандриту Леониду экземпляр «Описания славяно-русских книг», составленного Иваном Прокофьевичем Каратаевым и выпущенного первым изданием в 1878 году. Поля его испещрены пометами.

Получилось так, что о докладе А. Е. Викторова на Третьем археологическом съезде Леонид узнал не сразу. Это видно из следующей его приписки на полях каратаевского «Описания» против текста о безвыходных изданиях, которые Каратаев атрибутировал «юным типографиям»: «Все сии издания краковские... Может быть и напечатаны тайно (по силе королевского запрещения), а потому без выхода».

Со временем изучение безвыходных изданий убедило Леонида в их московском происхождении и на полях книги появляется новая приписка: «...напечатаны между 1562—1563 годом, напечатаны в Москве, а не в южных типографиях, как полагает автор сего Описания».

Накопленные с годами наблюдения ученый архимандрит положил в основу библиографического исследования «Евангелие, напечатанное в Москве 1564—1568» (Спб., 1883). По его мнению — это то самое «московское недавно друкованное Евангелие», на которое ссылался Василий Тяпинский.

Кто же печатал его? По этому поводу у Леонида никаких сомнений нет — конечно же Иван Федоров! В доказательство он приводит следующий факт: одна из заставок книги отпечатана с той же самой доски, что и в «Апостоле» 1564 года Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца.

В дальнейшем оказалось, что это не так! Но чтобы доказать это, понадобилось 60 лет.

Кроме широкошрифтного «Евангелия» Леонид упомянул в своей брошюре о двух других безвыходных «Евангелиях», об одной «Псалтыри» и одной «Триоди».

А. Е. Викторов знал гораздо больше. Да и мыслил он шире, выводы его более обоснованы. Но в обстановке всеобщего скепсиса, которым было встречено его сообщение на Третьем археологическом съезде, поддержка со стороны столь авторитетного знатока церковной старины пришлось более чем кстати. Ведь Леонид пришел к тем же выводам, что и он. И Викторов с благодарностью откликнулся на письмо ученого архимандрита, пришедшего ему свою брошюру, хотя в этой брошюре и не упоминалось о его докладе.

Впоследствии, уже после смерти Алексея Егоровича, Леонид исправил ошибку. В рецензии на второе издание каратаевского «Описания», опубликованной в мае 1884 года в «Журнале министерства народного просвещения», он возмущался тем, что «г. Каратаев относится почему-то неблагоприятно к мнению, уже получившему право гражданства в библиографии, мнению, столь доказательно выраженному и впервые заявленному нашим известным московским библиографом покойным А. Е. Викторовым».

Беда заключалась в том, что не только И. П. Каратаев «неблагоприятно» отнесся к утверждению о московском происхождении безвыходных изданий. Это было едва ли не всеобщим мнением. С 1878 года, когда был опубликован доклад Викторова, и до 1917 года появилось свыше 200 книг и статей, в которых так или иначе затрагивались вопросы русского первопечатания. Те немногие работы, в которых рассказывалось об исследованиях А. Е. Викторова и Л. А. Кавелина, можно пересчитать по пальцам.

Официально признанная историография, представленная громкими именами И. Е. Забелина, Е. В. Барсова, М. Н. Сперанского, Е. Е. Голубинского, по-прежнему первой московской печатной книгой считала «Апостол» 1564 года.

Добро бы еще эти авторы полемизировали с А. Е. Викторовым и Л. А. Кавелиным. Куда там! Они просто замалчивали их работы.

Со временем выводы археографов стали забываться. Полвека спустя московское происхождение безвыходных изданий заново пришлось доказывать советским книговедам А. А. Герасимову, А. С. Зерновой, Т. Н. Протасевой.

*Лев Александрович
Кавелин.
С гравюры на дереве*

«ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА...»

В 1762 г. двадцатичетырехлетний флигель-адъютант генерал-полицмейстера Петербурга Андрей Тимофеевич Болотов отказывается от военной карьеры и, воспользовавшись указом Петра III «О вольности дворянства», подает прошение и выходит в отставку в чине капитана. Он тут же оставляет столицу и отправляется в бедную глухую малую свою деревеньку Дворяниново Алексинского уезда Тульской губернии. Его страстно влечет сельский образ жизни, желание заниматься хозяйством, изучать научные книги, ставить опыты на земле. И с тех пор всю свою жизнь — а прожил он 95 лет! — Болотов неукоснительно верен этому устремлению. Живя в родовом Дворянинове, работая в качестве управителя государственных имений в Киясовской и Богородицкой волостях, а затем на склоне лет возвратившись в Дворяниново, он ни на минуту не прекращает усердных занятий в поле, в саду, в огороде, не прерывает научных опытов и наблюдений, сосредоточенного чтения и неутомимого сочинительства. Несколько раз ему представлялась возможность совершить карьеру при царском дворе. Но он отвергал эту возможность, бежал от всякого рода политиканских ухищрений, искал и нахо-

дил счастье в другом: в усидчивых кабинетных занятиях, в неспешном и основательном ведении хозяйства, в откровении, которое таилось в книгах. Но вместе с тем Андрей Тимофеевич никогда не был сухим книжником. Он любил свою землю, и любовь эта была действенна; ею пронизана вся его сознательная жизнь. Еще в отрочестве, оставшись сиротой, Болотов уезжает в поместье к зятю (мужу сестры) Неклюдову. Здесь в 80 километрах от Пскова, он постигает различные ремесла: учится столярничать, слесарить, изготавливать инструменты, выбивать долотом резьбу на металле, смотрит, как треплют и готовят лен на продажу.

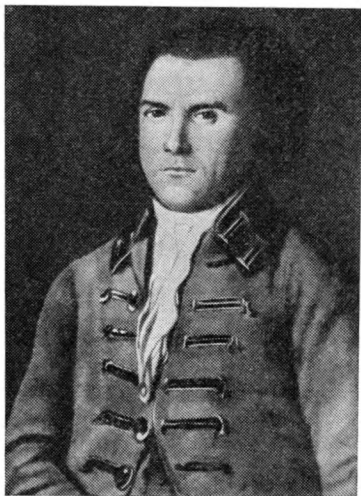
В Болотове завязывался на всю жизнь тот особый склад интеллигента, тот угол зрения, та умственность, которая никогда не оторвана от конкретного дела, от ремесла, от земли. И пристальная наблюдательность его, как мы увидим, тоже связана с этим. Позже, во время Семилетней войны, в которой Болотов принимал участие, его прежде всего и больше всего интересуют подробности жизни мирных жителей, ко всему он приглядывается, все примечает.

Война идет своим чередом. Русские занимают Кенигсберг.

Знание немецкого языка приводит Болотова в канцелярию русского военного губернатора. Теперь Андрей Тимофеевич, по его собственным словам, «должен был иметь дело уже не с ружьем, а с пером и чернилами». Живя четыре года в Кенигсберге, он не предается, подобно многим офицерам, разгулу и кутежам, почти все свои деньги тратит на покупку книг: страсть к чтению развилась в нем чрезвычайно. Он любознателен, взгляд его цепок, в нем уже начинает проявляться та поразительная работоспособность, тот неостывающий вкус к работе, который не раз будут отмечать его современники и потомки. Возможно, часы, проведенные за работой, и составят самую счастливую часть его жизни. Во всяком случае, работу он никогда не подгонял, не укорачивал ее время, он наслаждался самим ее процессом.

В Кенигсберге Болотов знакомится с одним ученым, живущим неподалеку от него и занимающимся шлифованием стекол и конструированием оптических приборов. Посещение его мастерской, знакомство с различными инструментами и приборами, дотоле невиданными, рождает в Болотове острое желание изобретать и заниматься науками. Он так и пишет, что ученый этот приохотил его к наукам, занимаясь которыми можно находить для себя тысячи радостей и увеселений. И потом в этих занятиях Андрей Тимофеевич проводил многие блаженные минуты своей жизни.

В Кенигсберге Болотов свел знакомство со студентами Московского университета, продолжавшими здесь свое образование, и они представили Болотова магистру Крузианской философии Вейману, лекции которого он стал посещать. С большой охотой он штудирует труды различных

А. Т. Болотов

философов, отдавая наибольшее предпочтение мало известным теперь сочинениям Зулцера, который учил «узнавать, примечать и любоваться красотою и прелестями природы». Болотову, склонному к умеренности, ближе всего была практическая философия. Пристально наблюдать, познавать и делать, ощущать себя вечным работником в природе — вот, пожалуй, то, что давало Болотову глубокое наслаждение.

В Кенигсберге Болотов усердно и помногу рисует. К слову сказать, под его наблюдением изготовлялись тогда новые знамена для русской армии и рисовались на них гербы всех полков. По болотовским эскизам чеканились монеты для побежденной Пруссии.

Здесь же Болотов собрал немало книг — основу своей будущей обширной библиотеки, без которой немислима вся его разносторонняя деятельность. Первона-

чальное ядро ее составили романы, которые он переводил, книги по ведению сельского хозяйства, философские трактаты. Библиотека эта перекочевала вместе с Болотовым из Кенигсберга в Петербург, а затем из Петербурга в Дворяниново, в Богородицк... Библиотека Болотова постоянно расширялась и в конечном итоге составила несколько тысяч книг. С ней он никогда не расставался, как не расставался с полем, с лесом, с землей. Такое сочетание пристрастий могло продиктовать единственно возможный для Болотова образ жизни — сельский (кстати, тяготение именно к такому образу жизни было свойственно многим лучшим русским умам XVIII и XIX вв.). Недаром, добившись отставки и уезжая из Петербурга, где уже готовился заговор против Петра III, он с радостью признается: «...Поскакал неогляткою из сего столичного города, оставив его и все в нем в наисмутнейшем состоянии, и будучи неведомо как рад, что уплелся из него целым и невредимым».

Представляя себе библиотеку А. Т. Болотова, весьма обширную для того времени, и зная характер ее владельца, аккуратного и последовательного в своих устремлениях, можно без натяжки сказать, что на болотовском собрании книг почти зеркально отразился его характер, образ его жизни. Скорее всего, в этой библиотеке не было ничего лишнего, случайного. Лишь то, что необходимо уму и сердцу для напряженной работы и отдыха. Вот отдельные издания «Трудов Вольного экономического общества», в которых помещено немало статей самого Болотова. Здесь же две части «Сельского жителя» (1778—1779 гг.), первого созданного Болотовым универсального сельскохозяйственного журнала, и сорок томов второго его жур-

нала «Экономический магазин», издание которого Андрей Тимофеевич осуществил с помощью великого русского просветителя Николая Ивановича Новикова. Этот журнал выходил с начала 1780 г. в виде приложения к газете «Московские новости».

Десять лет издавался «Экономический магазин», и Болотов был фактически единственным сотрудником этого журнала. Он публиковал результаты собственных опытов и наблюдений, размышления, прогнозы; многое брал из иностранных экономических книг, перевода с немецкого, о чем сам говорит в своих «Записках». Неисчерпаемость переводного материала и накопленные, систематизированные собственные наблюдения давали возможность Болотову каждый очередной выпуск журнала готовить в срок и никогда не запаздывать с посылками рукописей Новикову. Такая напряженная деятельность требовала распорядка дня особой строгости. На всю жизнь он установил себе два варианта этого распорядка: один — весенне-летний, другой — осенне-зимний. Весной и летом он вставал в четвертом часу утра, осенью и зимой — в шестом. День проводил интенсивно, ложился спать в десятом часу вечера. Наблюдал жизнь, любил подробности. Подробности делают жизнь протяженнее. В течение полувека Болотов записывал в «Книжку метеорологических замечаний» очерк погоды каждого дня: какая температура воздуха, сила и направление ветра, колебания барометра, какое небо при восходе солнца. Это была уникальная, единственная в своем роде работа.

Точность и даже некоторая педантичность в обстоятельной записи всего, что увидено и узнано, накладывали свой отпечаток и на страницы «Экономиче-

ского магазина». В десятилетний период издания этого журнала Болотов становится, пожалуй, самым известным русским экономическим писателем. В 1794 г. Королевско-Саксонское Лейпцигское экономическое общество избирает его своим почетным членом. Его статьи в «Трудах Вольного экономического общества», а затем в «Сельском жителе» и «Экономическом магазине» широко распространяли в России идеи культурного ведения хозяйства. Он терпеливо, последовательно, упорно желал сделать русскую почву урожайной, плодотворной, могущей с избытком накормить всех живущих на ней.

Библиотека А. Т. Болотова характерна тем, что в ней рядом с книгами, изданными типографским способом, — теми же томами «Экономического магазина», переведенными им романами, находилось много рукописных болотовских книг. Среди них много томный труд по научной помологии (с многочисленными рисунками разных сортов яблок), многочисленные сочинения «Беседы деда со внуком», «Журнал всенедельных событий», «Памятник претекших времен» (в двух частях), разного рода философские и морально-этические сочинения, такие как: «Детская философия», «Путеводитель к счастью», «Размышления о чудесах природы»... Эти сочинения, как правило, освещены индивидуальным опытом Болотова, его разумной и последовательной наблюдательностью. В «Трудах Вольного экономического общества» опубликованы оригинальные научно-агрономические работы Болотова «Наказ для деревенского управителя», «О разделении полей». Что касается «Экономического магазина» — то это настоящая кладовая самых разнообразных знаний, включая и многовековой

Журнал «Сельский житель»

народный опыт. Наконец, на библиотечных полках Болотова было 29-томное уникальное сочинение «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Написанное без претензий на художественность, с большой искренностью, ярко и реалистично, сочинение это как бы вовсе не испытало влияния литературного стиля своего времени — и явилось нам, болотовским потомкам, замечательным произведением русской прозы XVIII в.

Мы говорим о рукописных сочинениях Андрея Тимофеевича как части его обширной библиотеки с полным основанием, ибо все свои рукописи он тщательно и изящно переплетал, прекрасно овладев искусством переплетчи-

ка. И эти переплетенные томики стояли как книги среди книг. Все собрание содержалось в образцовом порядке, каждая книга имела свой порядковый номер. Это была действенная, можно сказать «работающая» библиотека. Что представляли собой, скажем, 29 томов болотовского жизнеописания? Аккуратные томики небольшого формата, примерно по 400 рукописных страниц каждый. Написаны они каллиграфическим почерком и охватывают период с 1738 по 1795 г. Были в библиотеке Болотова и его ежедневные «Записки», которые он вел в течение 28 лет и на основе которых создано упомянутое сочинение. «Записки» эти тоже переплетены, но так же, как, скажем, «Журнал вседневных событий» и «Домашний исторический журнал», написаны скорописью, подчас трудной для чтения.

Описывая библиотеку Андрея Тимофеевича, поименовать все его труды дело весьма непростое. В «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгеров называет Болотова самым плодовитым русским писателем: его сочинения насчитывают 350 рукописных томов. Но со времен выхода словаря Венгерова прошло не одно десятилетие. За это время найден ряд ранее неизвестных работ Болотова, в частности недавно — философское сочинение «Письма о красотах природы». (К слову сказать, ленинградцем И. Ф. Мартыновым, научным сотрудником Библиотеки Академии наук СССР, за последнее время найдено немало книг из библиотеки Болотова, принадлежащих перу разных авторов, отечественных и иностранных.)

В конце жизни, обращаясь к сыну, Болотов спокойно констатирует, что «проведению было

не угодно», чтобы в их семье скапливались богатства. Но библиотекой своей, своими трудами, судя по всему, он гордился. И берег их более всего на свете, желая, очевидно, чтобы страсть к научным занятиям и просветительству у них в роду не иссякла.

«Жизнь и приключения» — главное литературное сочинение Болотова. Это не мемуары и не дневник. Познакомившись с этим уникальным произведением, уносишь в себе ощущение, что прочитал пространный правдивый роман из жизни XVIII в., который, ко всему прочему, еще и довольно глубоко выразил определенные стороны русского сознания. В «Жизни и приключениях» перед нами возникают Петербург, Москва, Тула, дворянские усадьбы, походы, похороны, свадьбы, поверья, картины мира и Семилетней войны с Пруссией.

Размышляя о важности такого рода документальной литературы, довольно вспоминаешь, как Лев Николаевич Толстой в заметках, сопровождающих последний том «Войны и мира», пишет, что после опроса очевидцев, сразу же после сражения «в вас образуется величественное, сложное, до бесконечности разнообразное и тяжелое, неясное впечатление» («Несколько слов по поводу книги „Война и мир“». — Собр. соч. В 20-ти т. Т. 7. М., 1963, с. 387.) Так, по представлению Л. Толстого, должен складываться правдивый исторический и литературный документ. Именно это впечатление «сложной, до бесконечности разнообразной» действительности возникает при чтении болотовской «Жизни». Устойчивость внутреннего мира Андрея Тимофеевича притягательна. Л. Н. Толстой прочел болотовские «Записки» в 1878 г. Что-то есть в болотовской основательности и внимании к деталям — близкое Тол-

стому. Любопытен тот факт, что через три года после прочтения труда Болотова Толстой в 1881 г. задумывает написать «Записки христианина», как некое документальное произведение, посвященное деревенской жизни. С одной стороны, это продолжение традиции его же «Дневника помещика», с другой — нельзя не усмотреть здесь и следы некоторого болотовского влияния. Болотовым интересовался и молодой Александр Блок, написавший в студенческие годы довольно обширное сочинение «Болотов и Новиков». Высоко ценил Болотова и В. Г. Короленко, в записных книжках которого сохранилось немало выдержек из трудов Болотова. В историческом очерке «Русская пытка в старину» Короленко использует сведения, почерпнутые из «Записок» Болотова (Короленко В. Г. Полн. собр. соч. Т. 9. Пг., 1914). Владимир Галактионович считает Болотова человеком весьма образованным, благородным и гуманным.

Болотовские записки не сможет оставить без внимания ни один историк и литератор, если он станет всерьез заниматься русским восемнадцатым веком. Между тем, наиболее полным изданием «Жизни и приключений Андрея Болотова» является издание, предпринятое М. И. Семеvским: четырехтомник, вышедший приложением к журналу «Русская старина» (1870—1873), а затем сразу же отдельным изданием (1871—1873).

С момента публикации «Записки» Болотова вызвали к жизни ряд исторических работ. Среди них в первую очередь следует назвать книгу Д. Ф. Масловского «Русская армия в семилетнюю войну», вышедшую в Петербурге в конце прошлого века, работу Н. Д. Чечулина «Русское провинциальное общество во вторую

половину XVIII века» (Спб., 1890), монографию Е. Н. Щепкиной «Старинные помещики на службе и дома» (Спб., 1882). Кстати, Щепкиной же принадлежит одна из двух статей, посвященных Болотову в «Словаре» С. А. Венгерова. Ее статья наиболее основательна, подробна, доброжелательна. Судя по всему, Александр Блок в своей работе «Болотов и Новиков» многое почерпнул из статьи Е. Н. Щепкиной. С. А. Венгеров, сдержаннее оценивая личность Болотова и его «Записки» (перу Венгерова принадлежит как раз вторая статья в «Словаре русских писателей и ученых»), ознакомившись, однако, с записями Андрея Тимофеевича, касающимися 1812 г. (они до сих пор не изданы! — В. Л.), пишет: «Если какой-нибудь романист решится после „Войны и мира“ взяться за двенадцатый год, то домашняя летопись Болотова даст ему замечательный материал для характеристики захолустной жизни в году великого испытания. Тут перед ним не казовая сторона эффектного исторического спектакля, не декорация и бенгальский огонь, а та настоящая, реальная, хотя и весьма серая жизнь, которая совершенно пропадает в обычных воспоминаниях и приподнятых описаниях „великой эпохи“» (Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 5, с. 109). Надо сказать, что эта весьма точная характеристика, по нашему глубокому убеждению, может быть отнесена вообще ко всем «Запискам» Болотова, к самому стилю его повествования. Драгоценные эти «Записки» с годами приобретают все большее значение. Между тем четырехтомник, изданный М. И. Семеvским, давно уже стал библиографической редкостью. Кроме четырехтомника был издан

«Памятник претекших времен» в двух частях (М., 1875).

В XX в. «Жизнь и приключения» Болотова издавались лишь в 30-х гг. в весьма сокращенном виде: однотомник в издательстве «Молодая гвардия» (1930) и три тома в издании «Academia» (1931).

До сих пор не составлена научная опись сочинений Болотова, находящихся в основном в архивах Москвы и Ленинграда. Сама деятельность этого выдающегося экономического просветителя, агронома, естествоиспытателя, писателя, переводчика, редактора, ландшафтного архитектора столь велика и разнообразна, что время от времени появляются отдельные сообщения, отражающие те или иные аспекты этой деятельности. (К примеру, в «Вестнике офтальмологии» за 1960 г. № 5 напечатана статья С. Г. Магильницкого, который пишет о заметках А. Т. Болотова, касающихся глазных болезней. Таких заметок в «Экономическом магазине» автор насчитывает 45; значение многих из них до сих пор не утрачено.) Но все это разрознено, не собрано в единую, как нам представляется, яркую

картину болотовской деятельности. Фигура А. Т. Болотова до сих пор не оценена в полную меру. Скажем, даже в таком солидном академическом издании, как «Н. И. Новиков и его современники» (М., Изд-во АН СССР, 1961), Болотов даже не упомянут.

Пришла пора заново в полном объеме издать замечательные болотовские записки, тщательно и всесторонне изучить все его обширное наследие. Думается, что не за горами и то время, когда возникнет настоятельная необходимость опубликовать избранные труды А. Т. Болотова. Тем более, что интерес к его личности растет: в Богородицке Тульской области уже почти восстановлен дворец графов Бобринских, построенный по проекту архитектора И. Е. Старова под наблюдением и при участии Болотова. Во дворце разместится музей, в экспозиции которого предполагается немалое внимание уделить жизни и трудам Андрея Тимофеевича. Постепенно обретает прежние контуры и знаменитый болотовский парк — один из первых пейзажных парков в России.

Москва

АДОЛЬФ ЯНУШКЕВИЧ И ЕГО КНИГА

28 сентября (10 октября) 1863 г. И. С. Тургенев писал из Баден-Бадена в Россию П. В. Анненкову: «Узнайте, пожалуйста (это очень нужно), не были ли переведены с польского и помещены в каком-либо журнале „Письма с Киргизской степи“ Адольфа Янушкевича»¹.

Книга Янушкевича не была переведена тогда на русский язык и пролежала в недрах библиотек и в частных собраниях много лет. Лишь в конце 1966 г. она была издана на русском языке в Алма-Ате.

Что же это за книга, которая так заинтересовала великого русского писателя? Где и когда она вышла? Кто ее автор?

В подлиннике книга называется: «*Zywot Adolfa Januszkiewicza i jego listy ze stepów kirgizkich*»². Она состоит из двух частей; в первой — биография Адольфа Янушкевича, написанная Феликсом Вротновским, во второй — выдержки из писем и дневников, которые Янушкевич вел во время путешествия по казахским степям в 1846 г. Впервые книга появилась на поль-

ском языке в Париже в 1861 г. (это издание и имел в виду И. С. Тургенев). Вот что писал об этой книге издатель, который выпустил ее вторым изданием в Берлине в 1875 г.: «Первое издание этой книжки в 1861 году не было рассчитано на многих читателей: оно было скорее памятным даром для семьи и друзей, *monumentum pietatis*³. Братья покойного Адольфа взяли... на себя расходы по изданию, семья доставила материал из различных произведений долголетнего изгнанника, а его давнишний коллега по университету выбрал наиболее интересные записи и предварил их жизнеописанием своего дорогого друга. Издание было очень хорошо оформлено, *in octavo*, на прекрасной голландской бумаге, и предназначено для малого избранного круга людей. На прилавках книжных магазинов оно почти не появлялось... Нынешнее второе издание имеет целью — как более дешевой ценой, так и более удобным меньшим форматом, — сделать доступным для широкой публики произведе-

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 28-ми т. Т. 5. Письма. «Наука», 1963, с. 754.

² «Жизнь Адольфа Янушкевича и его письма из киргизских степей».

³ Памятником благочестия (преданности). — *Лат.*

Адольф Янушкевич

ние, которое приобрело такую популярность»⁴.

Тираж и этого издания был очень ограничен, и книга вскоре стала редкостью, или, как говорят в Польше, «białym krukiem».

В наше время об этой книге неоднократно упоминал в печати польский ученый и писатель Януш Одровонж-Пененжек. В 1958 г. в журнале «Советский Казахстан» № 1 в небольшой статье Е. Симоновой о Густаве Зелинском⁵ «Польский поэт-революционер о Казахстане» дается пересказ статьи Одровонж-Пененжка о Янушкевиче и его книге и приводятся выдержки из статьи.

Прошло еще несколько лет. В начале 60-х гг., изучая поэзию

Г. Зелинского, я обнаружила небольшое примечание, в котором (в связи с поэмой Зелинского) говорилось о книге А. Янушкевича. Я стала искать ее в Советском Союзе и в Польше. После года поисков удалось обнаружить берлинское издание Янушкевича в двух небольших томиках в коллекции «Россика» библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Позднее нашлось и первое издание — в библиотеке имени В. И. Ленина.

История жизни Адольфа Янушкевича, а одновременно и история создания книги — очень драматичны. Адольф родился и вырос в интеллигентной шляхетской семье, богатой вольнолюбивыми традициями: родные воевали в армии Тадеуша Костюшки. Из Несвижа, где родился Янушкевич, он поехал учиться в Винницу, а по окончании гимназии поступил на филологический факультет Виленского университета. Там он принял активное участие в работе студенческой организации, возникшей под руководством Адама Мицкевича и связанной с русскими декабристами. Когда в Вильне начались аресты участников движения, Янушкевич, который к тому времени окончил университет, был уже в Каменец-Подольском уезде, но, судя по документам, тайной деятельности не осуществлял. Некоторое время он работал в уездном суде. В 1829 г. выехал для лечения за границу, куда к этому же времени прибыл Адам Мицкевич, по ходатайству Пушкина выпущенный из России. Путешествие проходило по Италии и Швейцарии вместе

⁴ Żywot Adolfa Januszkiewicza... T. 1. Berlin, 1875, s. XI—XII (перевод наш.— Ф. С.).

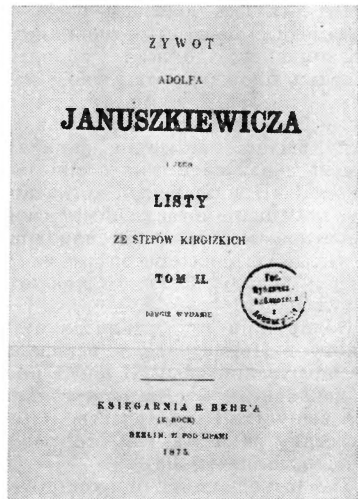
⁵ О жизни и творчестве Г. Зелинского см. статью Ф. Стекловой «Густав Зелинский и его поэма», напечатанную в «Альманахе библиофила», вып. 2 (1975, с. 177—182) (Ред.).

с Мицкевичем. По возвращении в 1830 г. на родину, Янушкевич узнал о начале восстания в Варшаве и поехал туда, вступив добровольцем в один из отрядов. Тяжело раненный, он был взят в плен царскими войсками.

Едва оправившегося от ранений Янушкевича привлекают к суду. И здесь выясняется, что его старший брат, бывший одним из организаторов восстания, бежал во Францию, имени его конфисковано, а сам он заочно приговорен к смертной казни; второй брат — Ромуальд тоже бежал в Париж от преследований царских властей. Адольф Янушкевич выказал на суде необычайную твердость воли и преданность революционным идеалам. Он был приговорен к смертной казни через повешение, но после конфирмации сослан в Сибирь без указания срока ссылки. Забегая вперед, скажу, что ни разу за 25 лет своего изгнания Янушкевич не обратился к царю с просьбой о помиловании, а ходатайства видных прогрессивных деятелей — А. Н. Карамзина, известного мецената М. Ю. Виельгорского и других — не возымели действия. Только благодаря настойчивым просьбам вдовы А. Н. Карамзина Янушкевича освободили и он вернулся к престарелой матери, на руках которой умер через год после возвращения.

В ссылке Адольф Янушкевич сблизился с поэтом-декабристом Александром Одоевским, посвятившим своему другу несколько стихотворений⁶.

Уже будучи ссыльнопоселенцем, Янушкевич одно время служил в Омске в управлении си-

Титульный лист
книги А. Янушкевича

бирскими киргизами, подолгу и не раз бывал в казахских степях. Его дневники, его письма родным и Густаву Зелинскому, написанные во время этих путешествий, и легли в основу книги.

Янушкевич сумел создать подлинный шедевр — первое обстоятельное произведение, появившееся на иностранном языке в Европе, — о жизни и природе далекого Востока, о людях казахских степей. Увидеть книгу вышедшей из печати ему не удалось... Истинный его друг Г. Зелинский сумел вывезти рукописи и письма в Париж, к его братьям, подготовившим книгу к изданию.

Адольф Янушкевич с глубокой симпатией пишет о бедняках,

⁶ Впервые в нашей печати о дружбе декабриста с Янушкевичем писал Е. И. Осетров в очерке «Ветка Лауры», напечатанном в одноименной книге, выпущенной в 1960 г. Владимирским книжным издательством (с. 67—75).

стонущих под двойным игом — казахских баев и чиновников-казнокрадов; описал обряды, обычаи, одежду, нравы и быт казахов, воспел прекрасную природу — горы, реки, озера, казахские бескрайние степи, записал имена сказителей и их песни. Он пишет: «Придет время, когда кочующий ныне номад займет свое почетное место среди народов, которые сегодня смотрят на него сверху вниз». Каким пророком он оказался!

Обнаружив эту удивительную книгу в Ленинграде, я перевела ее на русский язык. И когда она в декабре 1966 г. вышла в свет (ее выпустило издательство «Казахстан» в Алма-Ате), то разошлась молниеносно.

На выход книги широко отзывалась печать. В статьях газет и журналов на русском и казахском языках в Алма-Ате, в Мо-

скве, в Караганде, на польском языке в Варшаве и других городах отмечалась ее необычайная ценность как памятника истории казахского народа, как дань уважения польскому революционеру.

Видный польский ученый профессор Юлиан Кжижановский писал в письме о книге, переведенной в Алма-Ате, что он «никогда не думал, что этот писатель оживет в казахских степях, о которых говорил с такой симпатией».

Писатель Вениамин Каверин высказал надежду, что «исторический жанр обогатился бы, если бы кто-нибудь из талантливых писателей увлекся этой необыкновенной биографией — так много душевной силы, энергии, столько мужества и какой размах светлого разума!»

Алма-Ата

ЭКСЛИБРИС РАССКАЗАЛ...

Однажды в Кяхте, старинном сибирском, некогда гремевшем на всю Россию приграничном городке, автору этих строк попало в руки несколько старых изданий. Это оказались в основном учебники начала XX в., уставшие, не представляющие для книголюба никакого интереса. Но была среди них тонкая книжица в зеленоватом полукожаном переплете — «Зоологический учебник для гимназии», изданный в 1853 г., привлечший к себе внимание тем, что снабжен был двумя экслибрисами.

Один из них — синего цвета, шрифтовой, оттиснутый на форзаце мастичным штемпелем — указывал на принадлежность тома библиотеке Троицкосавского уездного училища. Экслибрисы некогда богатой библиотеки одного из старейших училищ Восточной Сибири встречаются на книгах XIX в. довольно часто. Все экслибрисы объединяет одно — это чисто шрифтовые знаки, лишённые намека на художественность. Другой экслибрис был гравирован, отпечатан типографским способом и, как то положено, аккуратно наклеен в левом верхнем углу оборотной стороны обложки. Он выгодно отличался от первого: в прямоугольной рамке, заштрихованной продольными темными линиями, с декоративным обрамлением по

бокам, стояли число, месяц, год — вероятно, дата основания библиотеки и ее название, скрытое, как показалось, за инициалами Н. П. Б. Было очевидно, что это книжный знак какой-то публичной библиотеки, иначе зачем же владельцу держать в ней учебник для гимназий, да еще наклеивать на него экслибрисы. Дата открытия библиотеки читалась почти без затруднений — 15 февраля 1858 г., а расшифровка инициалов напрашивалась сама собой — Нерчинская публичная библиотека.

Однако предположение о том, что «прописка» экслибриса — Нерчинск, оказалось ложным — в те годы в Нерчинске частной публичной библиотеки не было, и это чуть не завело поиски в тупик. Ряд признаков говорил о том, что экслибрис — сибирского происхождения, но в середине XIX в. города на Н., который мог бы открыть библиотеку, в Сибири не было. Тайна инициалов книжного знака раскрылась неожиданно и легко — на одной из страниц книги сделана четкая карандашная запись: «Курс 3-го класса Иркут(кой) Губернск(ой) Гимнази(и)» (буквы, взятые в скобки, попали при переплете книги под обрез). Заглавная буква «И» в слове «Иркутской» по написанию была похожа на современную заглавную «Н». Учеб-

ники палеографии подтвердили — да, в середине прошлого столетия букву «И» писали наподобие современного «Н». Тщательное исследование экслибриса окончательно развеяло все сомнения — правильным будет читать не Н. П. Б., а И. П. В. Точная расшифровка инициалов дала верное направление поискам.

Действительно, 15 февраля 1858 г. в губернском городе Иркутске видным представителем передовой местной интеллигенции М. П. Шестуновым была открыта частная публичная библиотека, которая официально вначале относилась к торговой фирме купца С. Д. Протопопова. Помещалась она в доме ее организатора на Медведниковой улице, затем, в июне, была переведена на главную улицу города Большую в дом купца Титова, и здесь поступила в полное распоряжение Шестунова, видного прогрессивного деятеля. Не чуждый литературных интересов, он поместил в «Иркутских губернских ведомостях» (1857, № 29) статью «Мысли об устройстве в Иркутске публичной библиотеки», в которой высказал свои взгляды на состояние современной общественной жизни и литературы в России. В статье Шестунов развивал смелую мысль о том, что книга способствует не только просвещению всех классов общества, но и «достижению равенства через образование».

В 1859—1860 гг. Шестунов принимал активное участие в организации и работе первой частной сибирской газеты «Амур». В 1873 г. им выпущен в свет «Первый Восточно-Сибирский календарь на 1874 год»². Член Военно-Сибирского отделения

Русского географического общества, Шестунов интересовался фольклором, записывая народные песни, легенды и предания. Надо полагать, что значительное воздействие на становление идейно-политических воззрений Шестунова оказали декабристы. С многими из них он был знаком лично, с некоторыми, например с Д. И. Завалишиным, состоял в дружеской переписке. Очевидны и тесные связи Шестунова с петрашевцами, в частности с самим М. В. Буташевичем-Петрашевским, Н. А. Спешневым и Ф. Н. Львовым, поселившимися после того, как отбыли срок каторги, в Иркутске. Вместе с ними он сотрудничал в «Иркутских ведомостях» и газете «Амур». Петрашевцы несомненно активно влияли на формирование передового направления шестуновской библиотеки.

По данным «Иркутской летописи» Н. С. Романова, ко дню открытия библиотеки состояла, примерно, из 926 названий книг, а к октябрю в ней было уже около 1295 названий (4064 книги и брошюры). Журналов библиотека выпускала 28 экземпляров 22 названий. Если учесть, что Иркутская губернская библиотека, созданная еще в 70-х гг. XVIII в., имела к 1860 г. всего лишь 958 названий книг, а Иркутская городская публичная библиотека в 1864 г. состояла всего лишь из 760 названий в 1212 томах (без периодических изданий), то следует признать книжный фонд шестуновской библиотеки весьма значительным. При подборе литературы для библиотеки акцент был сделан на книги по различным областям знания. Среди периодических изданий были жур-

² В газете «Амур» Шестунов вел отдел общего внутреннего обозрения и управлял конторой издания, которая располагалась в помещении библиотеки.

налы «Современник» и «Отечественные записки». Все это вполне соответствовало просветительским целям созданной библиотеки.

Значительный интерес вызывает сообщение Романова о приобретении Шестуновым для своего собрания большого числа книг из коллекции известного русского издателя, книгопродавца и библиографа А. Ф. Смирдина.

Невысокая плата за пользование библиотекой лишний раз говорит нам о том, что, открывая ее, Шестунов руководствовался не коммерческими, а просветительскими соображениями.

Начинание Шестунова встретило горячее одобрение и поддержку со стороны местных жителей. Библиотека быстро стала популярной, принимая в некоторые дни до 120 посетителей, чем никак не могла похвастаться губернская публичная библиотека, имевшая всего около полусотни читателей, из которых годовыми подписчиками было восемь человек. Особым спросом у иркутян пользовалась литература по родному краю. В октябре 1859 г. Шестунов обращается ко всем издателям и редакторам русских периодических изданий с просьбой выслать в адрес библиотеки отдельные оттиски статей по Восточной Сибири. Это свидетельствовало не только о возросшем у сибиряков интересе к краеведению, но и об ограниченных денежных ресурсах библиотеки, не позволявших выписывать все нужные издания.

О библиотеке как чрезвычайно отрадном явлении в культурной жизни Иркутска писали в своих мемуарах путешественники, писатели, ссыльнопоселенцы. Но в канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского на этот счет придерживались иного мнения. Очень беспокоило «власть пре-

державших» то обстоятельство, что библиотека стала своеобразным клубом для людей «свободного» направления мыслей. В письме декабристу Завалишину от 5 апреля 1860 г. Шестунов писал: «Почти под надзором полиции находится моя библиотека, как сборище демократов». Летом 1860 г., найдя удобный повод, начальство вовсе закрыло библиотеку.

В воспоминаниях Б. А. Милютина, служившего в те годы чиновником особых поручений при генерал-губернаторе, человека во всех отношениях благонадежного и близкого к Муравьеву, имеются строки, как нельзя лучше иллюстрирующие истинные причины закрытия библиотеки. «Надо знать, — пишет он, — что в те времена в Иркутске существовала частная библиотека, которая, по вечерам, заменяла для известных лиц клуб. В этот клуб собирались так называемые интеллигентные лица, которые почему бы то ни было имели зубок против администрации, а подобных лиц было в то время не мало. К этому клубу примыкали вновь прибывающие, не имеющие знакомств в городе, чающие места. Первоприсутствующим в клубе был, конечно, Петрашевский, тип агитатора...»

Характеристика, данная Милютиным библиотеке, исчерпывающая. Далеко не случайно называет он и фамилию ранее приговоренного за «противуправительственную» деятельность к смертной казни, а затем помилованного и сосланного в Сибирь М. В. Буташевича-Петрашевского, находившегося в те годы в Иркутске под неусыпным полицейским надзором. Яркая, сильная личность блестяще образованного тех, кто оппозиционно настроен к деятельности администрации Муравьева, и была одним из

магнитов, притягивавшим в библиотеку людей радикальных взглядов. Нередко захаживали к Шестунову и петрашевцы Н. А. Спешнев, Ф. Н. Львов.

«Не дреманное» жандармское око безусловно не могло мириться с тем, что «вновь прибывающие, не имеющие знакомств» (читай — политические ссыльные), имели возможность регулярно собираться и свободно обсуждать различные «запретные» вопросы.

Официальным поводом к закрытию библиотеки явились последствия на шумевшей, трагически окончившейся ссоры двух чиновников Главного управления Восточной Сибири. Один из чиновников, по фамилии Беклемишев, фаворит и, кажется, родственник генерал-губернатора, вызвал на дуэль за пощечину Неклюдова, принадлежавшего к оппозиционной части иркутского общества, и смертельно ранил его. Иркутяне считали, что это была не дуэль, а заранее подготовленное убийство. Масла в огонь подлила обличительная статья литератора М. В. Загоскина, напечатанная в «Иркутских ведомостях». Иркутское общество было возбуждено. Штаб-квартирой недовольных была, конечно, библиотека Шестунова. Значительную роль в событиях сыграл и Петрашевский. Он, воспользовавшись отсутствием Муравьева, добился у начальства разрешения отпечатать в типографии повестки о похоронах, что было делом дотоле неслыханным, и приготовил гневную надгробную речь, в которой называл истинных виновников трагедии. Похороны Неклюдова вылились в бурную демонстрацию протеста против самодурства всего российского чиновничьего аппарата. «Целый город, — свидетельствует Милютин, — шел за гробом. Власти было показались, но предпочли ретироваться. И над могилой раз-

далась речь того же Петрашевского». Все эти события произвели на начало сто «удручающее впечатление по милости Петрашевского, который своими воззваниями и речью на могиле возбуждал все слои общества и поднял их на ноги».

Вскоре все явные и тайные подробности дуэли стали известны доктору Н. А. Белоголовому. Бывшему в то время за границей. Всецело находясь на стороне противников администрации Муравьева, Белоголовый решил предать историю огласке. И вот во втором номере «Под суд» (приложение к «Колоколу»), вышедшем 15 ноября 1859 г., Герцен публикует его разоблачительную статью «Убийство Неклюдова в Иркутске», в которой все вещи были названы своими именами.

Трагические события, развернувшиеся в далеком сибирском городе, стали известны русской общественности. Отголоски иркутской истории попали и на страницы легальной российской прессы. Так, в газете «Искра» была помещена карикатура без подписи, изображавшая полицейских, которые подглядывали в подзорную трубу за двумя дуэлянтами, — прозрачный намек на то, что иркутские блюстители порядка, великолепно осведомленные о дуэли, ничего не сделали для того, чтобы ее предотвратить.

Корреспонденция Белоголового, появившаяся анонимно, произвела в Сибири, где читали почти все герценовские издания, доставляемые через Кяхту, впечатление разорвавшейся бомбы. В лагере приверженцев генерал-губернатора на нее прореагировали скрежетом зубным, пожелав найти виновника столь неприятного разоблачения. Позднее, с помощью М. А. Бакунина, только что перемещенного в Иркутск на поселение и не успе-

шего разобраться в существовании конфликта, Муравьеву удалось напечатать в «Колоколе» опровержение. Но уже сам факт, что всемогущий Муравьев добивается опровержения в далеко не официальном органе, — яркое свидетельство того, насколько прислушивались в то время к набатным ударам «Колокола», боясь попасть на его бичующие страсти.

Наделенный всеми атрибутами диктаторской власти, «владыка» Восточной Сибири Муравьев поспешил расправиться с неугодными ему лицами. М. В. Загоскину за статью в «Иркутских ведомостях» был сделан выговор, Петрашевский без всяких предупреждений выслан в Енисейскую губернию, библиотека Шестунова закрыта, а сам он арестован и в административном порядке отправлен за Байкал. Стремясь изгладить у иркутян память о библиотеке и связанных с нею событиях, местное начальство, с личного одобрения Муравьева, в декабре 1860 г. срочно приступило к организации городской общественной (читай контролируемой) публичной библиотеки.

Как же попала книга из библиотеки Шестунова в Кяхту и какова судьба всего его собрания?

После закрытия библиотеки владелец ее вынужден был, в августе 1860 г., опубликовать в «Иркутских ведомостях» объявление о продаже 2000 названий книг и журналов. Большую часть книг и приобрело кяхтинское купечество для библиотеки Троицкосавского уездного училища, меньшая же часть была куплена прогрессивным общественным деятелем В. И. Вагиным, открывшим в начале 1862 г., вместе с вернувшимся из ссылки Шестуновым, новую частную публичную библиотеку. Но и последняя просуществовала недолго. В мае 1866 г. библиотека была взята властями в «аренду», а по сути дела закрыта. Книги библиотеки были влиты в фонды городской общественной библиотеки и вместе с ними погибли в огне знаменитого иркутского пожара 1879 г. Именно поэтому экслибрис частной публичной библиотеки Шестунова сохранился лишь на книгах, попавших в Кяхту. И по сей день немало изданий, помеченных «визитной карточкой» погибшей библиотеки, стоит на полках богатого книжными редкостями собрания тамошнего краеведческого музея.

Вот как много открыл нам скромный книжный знак...

О Н. И. МАЦУЕВЕ

Николай Иванович Мацуев (1894—1975) — библиограф, литературовед, критик. В минувшем году исполнилось пятьдесят лет с того времени, как вышел первый том его библиографического указателя советской художественной русской и переводной литературы (с 1917 по 1925 гг.). Н. И. Мацуеву пришлось преодолеть немалое сопротивление, чтобы эта работа увидела свет — он вынужден был выпустить ее за свой счет... Мы благодарны ему за этот решительный шаг, ибо с него и началась библиографическая деятельность Н. И. Мацуева, получившая затем полное признание...

К труду Николая Ивановича — а он довел его до 1965 г. — обращается множество людей, как у нас в стране, так и за ее пределами. Без библиографических указателей Н. И. Мацуева не могут обойтись ни библиотекарь, ни писатель, ни литературовед, ни историк, ни библиофил, ни просто книголюб. В них — своего рода концентрат истории отечественной художественной литературы от дня ее рождения до наших дней, бесценный источник для познания прошлого советской книги.

В центре жизни и работы Н. И. Мацуева всегда стояла Книга как высшее проявление человеческого разума, как величайшее чудо, созданное руками человека, как нетленное сокровище, обладание которым доставляет человеку радости познания и необыкновенное наслаждение. Всю жизнь он служил книге. После окончания историко-филологического факультета Петербургского университета, он с первых шагов самостоятельной жизни отдал себя книге. В каждом его произведении — будь то библиографический указатель, рецензия или статья — обязательно присутствует книга, люди книги или судьбы, связанные с книгой.

Он любил книгу бескорыстной, преданной до последнего дыхания любовью. В годы Великой Отечественной войны, уходя на фронт, он положил в свой вещевой мешок, вместе со всем необходимым, и томик Пушкина... Защищая Родину, он защищал и Книгу.

Он был господином и слугой книги, ее сюзереном и вассалом, книжником в самом высоком и благородном понимании этого слова. «Книгу нужно уметь слушать и понимать как живого человека. Здесь мало профессиональных знаний, надо обладать еще особым чутьем, какое присуще охотникам, рыболовам...» — писал Н. И. Мацуев. Он обладал этим шестым чувством Книги и оно никогда не подводило его...

В жизни Николай Иванович был добрым и отзывчивым человеком, остроумным, жизнерадостным и мягким, но в оценках книг не признавал компромиссов. В его архиве остались статьи, заметки, наброски, не

увидевшие света при жизни автора. Различно их содержание, но они едины в одном — в вере в непреходящее значение книги для человека, неколебимой любви к ней... Одну из этих статей мы помещаем ниже. Ее передала нашему «Альманаху» Ольга Сергеевна Лелькова, вдова Н. И. Мацуева, верный и многолетний помощник его...

«Третий лишний» — спорная вещь. Прочитав ее, многие не согласятся с автором, а некоторые может быть и вознегодуют... Мы скажем им — подождите возмущаться, вдумайтесь в то, что написал Николай Иванович. Человек одержимый, он не боялся идти в разрез с устоявшимися воззрениями, увлекался, порой ошибался, но не таил своих взглядов. Прочтите внимательно «Третьего лишнего» и вы убедитесь, что рукой Николая Ивановича двигало не стремление быть оригинальным, а искренняя любовь к книге и ее читателю, глубокая заинтересованность в том, чтобы между книгой и читателем никого не стояло, чтобы ничто не мешало читателю понять авторский замысел, войти в мир героев книги, вжиться в то, что выстрадал и передал в книге ее автор.

Публикуя статью Н. И. Мацуева, мы отдаем дань замечательному знатоку, подвижнику книги, чье имя навсегда останется в книжных летописях нашей страны, чьими трудами будут пользоваться многие и многие поколения...

Москва

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Каждый читает по-своему, у каждого читателя одно и то же произведение вызывает различные мысли, а если это произведение художественной литературы, то и свои зрительные образы. Приближаясь к замыслу писателя и видению им своих героев, читатель «строит» свое произведение, в котором все имеет свой вид и свою стройность.

Каждый человек вправе иметь свое суждение, но это не значит, что он может в любое время это свое мнение высказывать. Никому и в голову не придет, слушая певца, время от времени выкрикивать различные замечания об отдельных моментах исполнения, смущая тем исполнителя, мешая слушателям, которые могут быть и не согласны с этой оценкой. Однако при чтении книги находятся подобные лица, они считают себя вправе постоянно перебивать чтение, нарушать созданное читателем свое видение, свою картину прочитанного. Эти люди — художники-иллюстраторы. И странное дело — иллюстрированные издания больше ценятся, чем издание, не испорченное вмешательством художника, как бы говорящего: «А вот как я понимаю это место в данном произведении. А вот как я представляю себе такого-то героя» и т. д.

Все дело в том, что читатель не нуждается в том, чтобы ему навязывали, да еще во время чтения, мнение кого бы то ни было. Кроме того, восприятие художественного произведения происходит в движении, как и слушание живой речи или музыки, а иллюстратор искусственно останавливает внимание на определенных моментах произведения, задерживает внимание читателя на том, что сам читатель может быть не считает главным и интересным.

Нужно ли говорить о том, что произведения художника-живописца и художника-писателя — вещи разные. И если

художник может дать только зрительное восприятие его произведения, то у писателя, поэта к этому присоединяется язык, стиль, музыкальность, не говоря уже о содержании самого произведения. Иллюстрация всегда беднее того места из литературного произведения или литературного героя, которого она изображает.

К этому следует добавить, что иллюстраторы литературного произведения должны не только обладать таким же талантом, как и иллюстрируемый им писатель, но и талантом сходного характера, т. е. конгениальным. А это почти невозможно. Даже в тех, чрезвычайно редких случаях, когда писатель сам иллюстрирует свою книгу, это единство недостижимо, ибо художник пера может быть гораздо выше по своей одаренности сравнительно с самим собой — художником-иллюстратором.

Художник-иллюстратор всегда (и в этом нет ничего отрицательного) высказывает свои мысли, свое восприятие литературного произведения. И чем оригинальнее, талантливее его рисунки, навеянные чтением данного произведения, тем больший диссонанс вносит он в то восприятие писателя, какое имеется у читателя.

Согласимся на минуту с тем, что иллюстрация способствует более правильному и глубокому восприятию произведения, чем чтение книги без иллюстраций. Что же получится? Если вам в руки попадет книга с рисунками одного художника, у вас создастся впечатление одно, если другого — совершенно другое. Можно ли это считать правильным? Конечно — нет. Пушкина иллюстрировали многие художники. Сравнивая рисунки к роману «Евгений Онегин», мы видим, что это совершенно различные толкования художниками одних и тех же мест произведения.

Рисунок художника, невольно обращая внимание читателя, является какой-то, хотя бы и временной, стеной между ним и текстом художественного произведения. Имеет ли право иллюстратор так грубо вмешиваться в такой глубоко интимный процесс, каким является чтение?

Представим себе следующее: художник дал огромное полотно, результат работы не одного года, и поместил его на выставке. Сюда приходит писатель, произведение которого иллюстрировал этот художник, и начинает проделывать над картиной то же, что делал иллюстратор. С самыми добрыми намерениями писатель, взяв кисть, на том же холсте начинает писать о своих впечатлениях, делать всякого рода за-

мечания, касающиеся картины. Что сказал бы, увидев это, художник? Что подумали бы посетители выставки, увидя «работу» писателя над работой художника. Писатель может свое мнение оставить в «Книге отзывов», здесь же обменяться своими впечатлениями со зрителями, поместить критические отзывы в газете и т. д. Картина же должна оставаться неприкосновенной.

Часто в книге, кроме самого произведения, имеются вступительная статья и примечание. Они совершенно отделены от произведения. Их можно не читать (если читатель является достаточно осведомленным) или же заглядывать тогда, когда это потребуется, не только не разбивая процесса чтения, но иногда даже получая необходимые разъяснения. Может быть и иллюстрации следует помещать на последних страницах книги, после «Примечаний»? В таком случае иллюстрации можно и не смотреть, чтобы не разбивать своего впечатления от прочитанного, как делают читатели, не посещающие киноинсценировок произведений великих писателей, чтобы не ослаблять (или во всяком случае не изменять) впечатления от прочитанного.

Где действительно нужны, даже необходимы, иллюстрации, так это в книгах для детей. В книгах для дошкольников рисунки являются основой, ибо начинающие читатели еще не обладают способностями отвлеченного мышления и для них изображение «Дяди Степы» С. Михалкова, «Усатого-Полосатого» С. Маршака и т. д. необходимо. Но чем взрослее становится читатель, чем серьезнее характер читаемого произведения, тем менее ощущается нужда в иллюстрации, ибо в таком случае читатель уже и сам является в какой-то степени автором и художником.

Из сказанного не следует делать вывод, что художник не имеет никакого отношения к книге. Напротив, он имеет самое близкое отношение, но к книге, а не к тому произведению, которое находится в книге. Следует «оформлять» только книгу. А для удачного оформления книги от художника требуется и талант, и профессиональные навыки, и такт. Не будет же художник отрицать того, что рама для картины не такая незначительная вещь. Что же делать художнику со своими иллюстрациями к произведению писателя? То же, что он делает и со своими другими картинами, навеянными не чтением произведения писателя, а природой, созерцанием событий, свидетелем которых он является, событиями истории своего народа и т. д. Он помещает эти кар-

тины и рисунки на художественных выставках, в специальных журналах и сборниках по искусству, в монографиях, посвященных творчеству отдельных художников. И если издательство выпускает сочинения писателя с иллюстрациями, то таковые следует давать не в тексте, а только в качестве приложения в конце книги...

12 ноября 1971 г.

Москва

Раим Фархади

Клей, которым склеивают книги,
Любят муравьи.
Был в отъезде. И они проникли
В книжные владения мои.

Клей изъели. Но цела бумага,
Переплет, страницы и слова.
Муравьев несносная ватага
Перезимовала. И жива!

Быстренько страницы переклею,
Здесь работы мне на пару дней.
Вновь прочту Вольтера, Апулея,
Стану сам, как мудрый муравей!

АЛЬБОМ ЛЕВКИЯ ЖЕВЕРЖЕЕВА

Квартиру Левкия Ивановича Жевержеева, известного мецената искусств, коллекционера живописи, театральных декораций и костюмов, редких и запрещенных царской цензурой книг, знал весь Петербург. Здесь, в Графском переулке, на его «пятницах» собирались писатели и актеры, художники и режиссеры. Со своих многочисленных посетителей гостеприимный хозяин неизменно собирал одну и ту же дань — экспромт в Альбом. По «пятницам» сверкал фейерверк остроумных разговоров, блистательных диалогов, искрометных шуток...

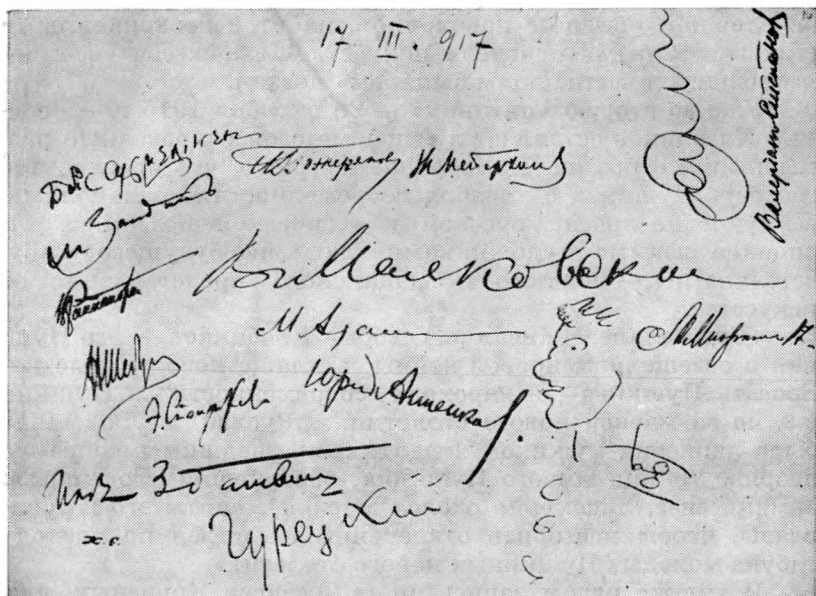
Взгляните на факсимильное изображение в Альбоме записи собравшихся у Левкия Ивановича на одну из «пятниц» после Февральской революции. Прежде всего ваше внимание привлечет один автограф — это автограф Маяковского. Поэт пришел возбужденный и сразу же поднял общее настроение. Он явно симпатизировал Жевержееву. Маяковского, который «жирных с детства привык ненавидеть», не смущало богатое убранство купеческой квартиры. Он понимал, что книги, собранные Жевержеевым, будут нужны народу.

Дружбу с Жевержеевым Маяковский пронес через всю жизнь. Под номером 1324 в «Описи моего собрания» купца-мецената значится первая книжка поэта «Я» с дарственной надписью: «Многоуважаемому Левкию Ивановичу Жевержееву. В. Маяковский».

В декабре 1913 г. Жевержеев организовал и финансировал постановку трагедии «Владимир Маяковский» в опереточном театре «Луна-парк». Так продолжалась дружба поэта и коллекционера.

Они неизменно помнили друг друга и не раз оказывали друг другу знаки внимания.

Автограф В. Маяковского

В жевержеевском Альбоме сохранились и приметы этой дружбы:

Вдвое больше б написал для Жевержеева,
 Каб не боялся попортить «верже» его.

Четырьмя маленькими рисунками Маяковский пародирует свою собственную манеру рисунка, широко известную по Окнам РОСТА. В декабре 1922 г. Жевержеев был в Москве, часто встречался с Маяковским. Совместный обед с Жевержеевым в только что открытом ресторане «Ампир» помешал Маяковскому успеть на поезд, которым он должен был ехать в Харьков на выступления.

Гостеприимный дом Левкия Ивановича был открыт и для других поэтов из окружения Владимира Маяковского. Поэзия Велемира Хлебникова многим казалась лишенной содержания, сплошной заумью. Но для Жевержеева, как и для Маяковского, Хлебников был «Колумбом новых поэтических материков», и странный, не от мира сего путник,

исходивший Россию с наволочкой, набитой неоконченными стихами, был для ценителя искусств Жевержеева «великолепнейшим и честнейшим рыцарем» поэзии.

Уже во вторую «пятницу» — 26 октября 1915 г. — Велемир Хлебников оставляет в Альбоме свои сокровенные размышления о поэзии. Из них еще раз ясно, что пресловутое сбросить Пушкина с корабля современности — означало не выступление против русской классической поэзии, а отрицание левыми художниками, людьми будущего — «будетелянами», — пошлого и мещанского представления об искусстве.

«Будетеляне, — писал в Альбоме Хлебников, — это Пушкин в освещении мировой войны, в плаще нового столетия. Бросать Пушкина „с парохода современности“... Пушкин же, но за маской нового столетия... „Руслан и Людмила“ была написана мужиком в лаптях, пришедшим в собрание дворян. Убийца живого Пушкина, обagrивший его кровью зимний снег, лицемерно оделся маской защиты его (трупа) славы, чтобы повторить отвлеченный выстрел по восходу табуна молодых Пушкиных нового столетия».

И тут же рядом запись поэта Алексея Крученых, сделанная через несколько лет, 4 сентября 1921 г., на квартире у Осипа Брика в Москве (в присутствии Маяковского). Дело в том, что жевержеевская «хроника» путешествовала вместе со своим хозяином. И записи в альбоме могли быть сделаны и на заседании театральной комиссии Наркомпроса, и на выставке художников, и в фойе во время театральной премьеры, и на дому писателя.

Из поэтов, близких к Маяковскому, в Альбоме мелькают шуточные надписи Василия Каменского, Сергея Третьякова, Николая Асеева.

Вот одно из таких шуточных стихотворений Асеева, где, по примеру всех «маяковцев», поэт удачно обыгрывает знакомые фамилии и имена:

Принесши в поле вина,
Печенье и тянучек,
Выдавали Веру за Левина.
В ожидании: будет внучек.
Хоть Вера за Левина выдана,
Но трудно заметить в потемках,
И, думаешь, непредвиденно
Третьяк пребудет в потомках.
Сие предсказание мрачное

Даю я на веки веков
Затем, что свидетельство брачное
Писал, пыхтя, Третьяков!
Смотри же, Алеша,
Не сядь в калошу,
Гляди на Веру
В меру,
Ибо Третьяк
Як!
Что подтверждается подписом!

Ник Асеев

Собрание в марте 1917 г. было особенным. Здесь подготавливалась организация так называемого левого блока «Союза деятелей искусств». И пусть собрались люди не одинаковых политических убеждений, разных художественно-эстетических взглядов. Их всех объединяла готовность отдать свой талант и свои знания революционному народу. Здесь были Всеволод Мейерхольд, один из создателей советского театра, Осип Брик, который стал в 1918 г. членом коллегии ИЗО, а впоследствии заместителем комиссара Академии художеств, художник Юрий Анненков, журналист Н. Г. Шебуев, известный своим крамольным журналом «Пулемет» — в 1905 г. по приговору царского суда был посажен в Петропавловскую крепость...

Записи некоторых писателей встречаются в Альбоме всего лишь один раз. Но, пожалуй, каждая запись заслуживает анализа и при внимательном рассмотрении добавляет какие-то новые штрихи к общественному портрету ее автора.

Полная иронии аттестация выдана талантливому юмористом Аркадием Аверченко незадачливому Александру Керенскому — Главкомверху и кандидату в русские Наполеоны.

Вот что пишет Аверченко о Временном правительстве: «Если это ребенок, то странный ребенок: у него две ноги, но обе левые, и голова взрослого человека — Керенского. Благодаря такому устройству ребенок ходит, переваливаясь со стороны на сторону, и голова часто перевешивает хилое туловище.

Вот как».

Александр Блок не принадлежал к числу посетителей жевержеевских «пятниц», и сведений о его знакомстве с меценатом и позже с директором советского театрального

музея в Петрограде не сохранилось. Тем любопытнее блоковская запись в Альбоме от 19 июня 1918 г.:

Год минул. Сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.
Но за любовью зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Это известные стихи из «Ямбов». Дата написания этих строк — 6 февраля 1914 г. Крайне интересно, что Блок, призывавший в 1918 г. «слушать музыку Революции», повторяет именно эти свои стихи. В первой строке поэт заменяет старый текст: «Земное сердце стынет вновь...» Это изменение позволяет ощутить, как поэт слышал «ритмы эпохи» и как Блок верил в торжество социалистической революции, которая длилась *уже год*. Ведь именно в эти дни (1—6 июня 1918 г.) Блок написал свой ответ Зинаиде Гиппиус при получении сборника ее «Последних стихов»:

Высоко — над нами — над волнами, —
Как заря над черными скалами
Веет знамя — Интернационал!

Такова любопытная проекция Блоком своих стихов в «современность» — из 1914 г. в 1918 г. И стихи «работают» на революцию.

Здесь уже можно очертить в жевержеевском Альбоме новый пласт. Условно назовем его «блоковским», или «алконовостским». В 1918 г. совсем молодому Самуилу Миновичу Алянскому, который еще гимназистом вместе с Васильевым несколько лет приводил в порядок ценнейшую книжную коллекцию Жевержеева, принадлежала инициатива организации маленького кооперативного издательства «Алконост». В первую очередь рассчитывали издавать произведения Александра Блока, Андрея Белого, Вячеслава Иванова и др. Жевержеев передал молодому издателю некоторую сумму денег и клише для будущих изданий, приняв, таким образом, участие в создании «Алконоста».

Жевержеев всем, чем мог, старался помочь издательским начинаниям писателей. Так, он был одним из организаторов «Книжной лавки писателей» на углу Морской ул.

и Невского проспекта в бывш. доме Елисеева. Лавка действовала в 1918—1919 гг., довольно продолжительный срок по тем бурным временам. День открытия Лавки — 23 апреля 1918 г. — конечно же, отмечен в Альбоме. Есть записи поэта Михаила Алексеевича Кузмина, а также поэта и актера (из труппы Радлова) Константина Ляндау.

Что же касается отношений Жевержеева и Алянского, то наиболее вещественный след их — корректура «Соловьинного сада», вышедшего в издательстве «Алконост» и преподнесенного Алянским Жевержееву с красноречивой надписью: «Дорогому Левкию Ивановичу Жевержееву, одному из главных виновников появления на свет изд. «Алконост», первая корректура первого издания. С. Алянский. 17. XII. 1918 г.».

Пожалуй, наиболее ярким изданием «Алконоста» была поэма А. Блока «Двенадцать» с рисунками Ю. Анненкова. Поэма выходила тремя изданиями, получила бесконечное число откликов во всем мире и до сих пор сохраняет для нас значение ярчайшего произведения печати первых лет революции.

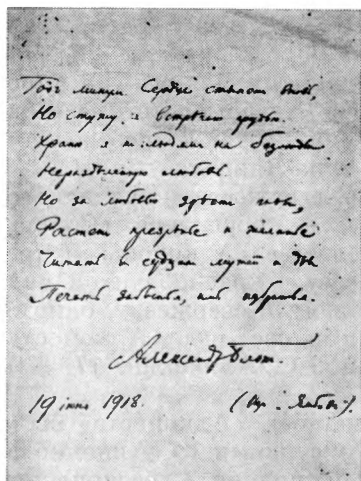
А между тем именно Л. И. Жевержеев рекомендовал для иллюстрирования «Двенадцати» Юрия Павловича Анненкова (через Алянского). Ю. Анненков был частым посетителем «пятниц» Жевержеева. Один из рисунков художника выполнен в Альбоме уже в первую жевержеевскую «пятницу» — 9 октября 1915 г. Анненков в то время был декоратором в Троицком театре. Достаточно посмотреть рисунок Анненкова «Зачеркнутый театр», и станет ясно, что Жевержеев имел все основания предугадать совместимость творческой манеры художника и создателя революционной поэмы «Двенадцать».

Как известно, это содружество оказалось чрезвычайно плодотворным. Анненков упорно и с увлечением интерпретировал строй блоковских образов. Что касается самого поэта, то он в целом одобрял работу художника. Однако «Двенадцать» были так важны для Блока, что поэт просил художника об изменении отдельных рисунков, которые представлялись Блоку нарушением замысла поэмы:

«Многоуважаемый Юрий Павлович.

. . . . .

Рисунков к „Двенадцати“ я страшно боялся и даже говорить с Вами боялся. Сейчас, насмотревшись на них, хочу сказать Вам, что разные углы, части, художественные мы-

Запись в Альбоме
 А. Блока.
 Публикуется впервые

сли — мне невыразимо близки и дороги, а общее — более чем приемлемо, — т. е. просто я ничего подобного не ждал, почти Вас не зная.

Для меня лично всего бесспорнее — убитая Катька (большой рисунок) и пес (отдельно — небольшой рисунок). Эти оба в целом доставляют мне большую артистическую радость, и думаю, если бы мы, столь разные и разных поколений, — говорили с Вами сейчас, — мы многое сумели бы друг другу сказать полусловами...»¹

... Пришла революция... И уже не для франтоватых снобов открылись богатства петербургских дворцов и музеев.

Толпой идет смотреть жевержеевские коллекции рабоче-крестьянская молодежь, жадно ищущая революционных путей в искусстве.

И потому для историка культуры органически слиты Жевержеев — дореволюционный меценат и Жевержеев — директор Театрального музея в годы Советской власти.

Тяга широких кругов народа к искусству не могла не привлекать, не радовать Левкия Ивановича.

Потому-то и друзья Жевержеева — писатели и художники — были из тех, кто сразу принял революцию и после Октября 1917 г. отдал свой талант и свои знания трудовому народу.

В декабре 1918 г. коллегия отдела изобразительных искусств Наркомпроса в Москве обсуждает вопрос, стоит ли издавать рукопись умершего художника В. Маркова об архаической африканской культуре. Холод. Нечем отапливать квартиры и государственные учреждения. Скудный паек

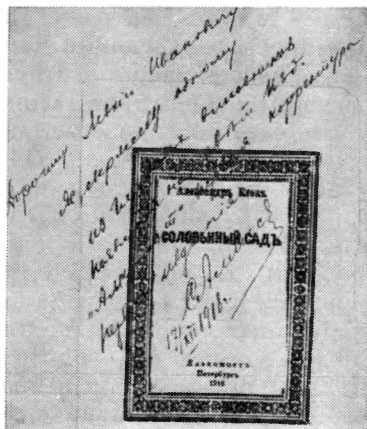
¹ Блок А. Собр. соч. В 8-ми т. Т. 8. М.— Л., 1963, с. 513.

служащие съедают в один присест. Собравшиеся в нерешительности. И тогда встает Маяковский. Он, как всегда, тверд и безапелляционен: «Это поступает от товарища Жевержеева, которого мы все знаем: он во время самой мрачной реакции в области искусства высоко держал знамя искусства. Издать эти изыскания — наш долг, а если принять в соображение, что они представляют высокий интерес как единственные снимки африканского искусства, то тем более это является необходимым».

Мир живописи, рисунка отображен в жевержеевском Альбоме так же полно, как и мир художественного слова. По свидетельству Самуила Алянского, главными посетителями жевержеевских «пятниц» были все-таки художники. Жевержеев был одержим интересом к театральному искусству, яркому, самобытному оформлению спектаклей... Воссоздать живой дух разных времен и народов на сцене — вот что для Жевержеева было главным. Спектакли, которые уже давно канули бы в неизвестность, сохранились от тлена времени благодаря заботам коллекционера.

По альбому рассыпаны рисунки Натана Исаевича Альтмана. В 1917 г. Альтман был членом так называемой «сермерки» (коллегии отдела ИЗО). Одно время он был комиссаром Эрмитажа — хранителем несметных художественных ценностей. В первые революционные годы на каком-то из заседаний Натан Альтман сделал две зарисовки наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского. Верже своего альбома вовремя предложил Альтману Левкий Жевержеев (261).

В Альбоме находится набросок портрета Иосифа Соломоновича Школьника работы художника Шлейфера. Школьник — друг Жевержеева, секретарь общества «Союз молодежи», в 1913—1917 гг. декоратор Троицкого театра, за-

Обложка книги
А. Блока
«Соловьиный сад»
с автографом С. Алянского

тем — Малого театра, с 1918 г. — член коллегии ИЗО Наркомпроса, заведующий Декоративным институтом.

Альбом свидетельствует о том, что Жевержеев был первооткрывателем талантливых художников в театре. В 30-е гг. Жевержеев организовал выставку работ тогда еще молодых художников Николая Павловича Акимова и Валентины Михайловны Ходасевич. Известный режиссер и блестящий художник, Николай Павлович Акимов был частым гостем Жевержеева. На многих страницах альбома — его рисунки. Неудивительно, что свой автопортрет, тот самый портрет, который теперь знают все и который сейчас висит в Ленинградском театре комедии на Невском проспекте, художественным руководителем которого долгие годы был Николай Акимов, написан именно в Альбом Левкия Жевержеева. В альбоме находится и редкая акварель (260) костюма для оперы «Фальстаф» (1925 г.) в бывшем Михайловском театре, выполненная Акимовым. В каждом рисунке Николая Акимова ясность и завершенность мысли.

То, что Акимов и Жевержеев были друзьями, не оставляет сомнений автограф художника: «Настоящим удостоверяю, что этот рисунок не украден, но действительно подарен Левкию Ивановичу автором (рисунка). Н. Акимов».

Интересны акварель Дмитрия Исидоровича Митрохина и рисунок Исаака Израилевича Бродского. Рисунки Мстислава Валериановича Добужинского и Василия Васильевича Кандинского — больше наброски, если угодно, — «проба пера», незавершенные штрихи... Зато такие штрихи, которые вобрали в себя приметы времени...

Один из первых рисунков Альбома — рисунок известного режиссера Всеволода Мейерхольда, сделанный на вечере «веселой канарейки» (актеров и художников) в помещении Троицкого театра. Тогда же, на одной из «пятниц», 20 ноября 1915 г., В. Э. Мейерхольд оставляет в Альбоме такую запись: «Город Петра — С. Петербург — Петроград (так теперь он именуется), только он, только его воздух, его камни, его каналы способны создавать таких людей с таким влечением к строительству, как хозяин „пятниц“ Жевержеев.

Жить и умереть в С. Петербурге!

Какое счастье!»

Жевержеев вспоминал, что первое знакомство с Мейерхольдом состоялось еще в 1910 г. в Доме интермедий. Довольно частые встречи продолжались и потом, в 1917—

1918 г., в Академии художеств и ТЕО.

Известно, что В. Мейерхольд был очень требователен к людям. Тем более интересно его письмо Л. И. Жевержееву по поводу телеграммы труппы актеров Эрмитажного театра. Из письма ясно, что Мейерхольд считает Жевержеева человеком, способным руководить коллективом художников в трудные времена, и человеком, пользующимся авторитетом:

«Можно ли говорить о неопределенности правового и материального положения, когда смета проводится (теперь уже и проведена) и жалованье (хотя и с запозданием повсюду) выдается. Надо бы внушить Комитету не посылать таких телеграмм в Центр через голову и рабочей Коллегии и представителей отделов, подписавших доверенность Вам вести дело.

Думаю, что дело не будет в стадии такой нервности, если Вы — именно Вы и *единолично* возьмете все дело администрирования в свои руки и будете поудерживать сепаративные постановления Ваших ближайших помощников. И комитету надо сказать „поделовитее“!

Ваш

В. Мейерхольд»

«Присутствие руки» отдельных деятелей культуры на страницах Альбома кажется случайным, поскольку прочного знакомства с хозяином они не имели. Но их общий перечень, их, если так можно выразиться, интегральная сумма свидетельствует, что Альбом Левкия Жевержеева был интереснейшей художественно-исторической *хроникой* эпохи, а сам хозяин выступал *не случайным* связующим звеном для «хороших и разных» представителей искусства и литературы...

Вот еще одна из записей, позволяющая оценить Альбом

Рисунок Н. Акимова

как панораму эпохи,— запись писателя Юрия Николаевича Тынянова, помеченная «28 июня 1930 г., Старый Петергоф»:

«Они узнавали друг друга потом в толпе тридцатых годов, люди двадцатых,— у них был такой „масонский знак“, взгляд такой и в особенности усмешка, которой другие не понимали» (о 1830-м).

Эта фраза из знаменитого «преддверия» к роману Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», имевшему большой успех и выдержавшему, начиная с 1929 г., несколько изданий. Само «преддверие» начиналось так: «На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось...»¹

Интересно, что записи в Альбоме часто перекликаются друг с другом. И какая-то мажорная, жизнерадостная нота звучит на страницах жевержеевского Альбома, хоть времена, когда заполнялись его страницы, были подчас трудными. Патриотизм, вера в могучую силу искусства, способную управлять сердцами и переделывать мир,— вот чувства, движущие корреспондентами жевержеевской Хроники.

В наше время творческая дружба писателей, художников, актеров самых разных стран стала обычным явлением. Советское, русское искусство завоевало симпатии народов всего мира. В прежние годы общение художественной интеллигенции разных стран было затруднено. Тем интереснее нынешнему исследователю обнаружить в жевержеевском Альбоме росписи посланцев чужих земель. Они приезжали в Москву и Ленинград демонстрировать свое искусство. Они учились в русском Театре, у русской Литературы, у русской Живописи. И воодушевленный регистратор искусств Левкий собрал кое-какую дань с пришлых мастеров в свой Альбом. Интернационализм обладателя Альбома вполне совмещался с его страстной любовью к русскому искусству. Больше того, он понятен. Только человек, участвующий в создании своей, отечественной культуры, ценит художественный дар других народов...

В самом начале Альбома оставил запись (113) болгарский режиссер театра в Софии Павел Николаевич Ивановский. Сезон 1915—1916 гг. он активно работал в качестве режиссера в Троицком театре в Петрограде.

¹ Тынянов Ю. Н. Соч. В 3-х т. Т. 2. М.— Л., 1959, с. 9.

А вот прекрасная запись (223) японского писателя и драматурга Удзяку Акиты (по-японски «Воробышек во время сильного дождя»), бывшего в Ленинграде в 1927 г.: «Симпатичное лицо Жевержеева, которое я нашел под красивым солнцем в Ленинграде. Дух творчества разных народов танцует в комнате Музея академических театров. Там много слов танцуют. О, дорогой товарищ, здесь нет ни жизни ни смерти. Здесь нет разницы стран. Здесь один поток красоты и поток жизни».

И совсем по-современному звучит автограф чехословацкого режиссера Г. Харта во время посещения им ленинградского Театрального музея: «Да здравствует смычка чехословацкого и русского искусства», помеченный 10 ноября 1925 г.

Так что же такое жевержеевский Альбом? И только ли это альбом? Может быть, это какой-то *новый жанр*?

И уж наверное, Альбом Жевержеева стоит в одном ряду с другими собраниями коллекционера — его книгами, его картинами, декорациями, театральными костюмами.

Москва

Вс. Рождественский

Друзья мои! С высоких книжных полок
Приходите ко мне вы по ночам,
И разговор наш — краток или долог —
Всегда бывает нужен мне и вам.
Как много вас! Здесь все века и страны,
Раздумий ваших и тревог цветы,
Скитальцы в бесконечном, капитаны,
Поэты и алхимики мечты.

А. Блюм, И. Мартынов

ПЕТРОГРАДСКИЕ БИБЛИОФИЛЫ

По страницам сатирических романов
Константина Вагинова

Имя даровитого прозаика и поэта 1920-х гг. Константина Константиновича Вагинова (1899—1934), к сожалению, мало известно современному читателю. Между тем, четыре книги его стихов — «Путешествие в хаос» (1921), «Стихи» (1926), «Опыты соединения слов посредством ритма» (1931) и неопубликованный сборник «Звукоподобие» — и четыре романа — «Козлиная песнь» (1928), «Труды и дни Свистонова» (1929), «Бамбочада» (1931) и незавершенная «Гарпагонниана» — оставили след в истории советской литературы¹. Короткий творческий путь этого «непонятого и ломкого» художника, как метко назвал его Леонид Борисов², был насыщен неустанными, мучительными поисками новой формы и нового содержания.

Семнадцатилетним юношей ученик известной в Петербурге классической гимназии Гуревича Константин Вагинов начал писать слабые подражательные стихи «под влиянием» Овидия, Эдгара По и Бодлера³. Воспитанный в эстетской замкнутой среде, он мог стать хорошим ученым-филологом, вспоенным книжной премудростью, или пополнить плеяду поэтов-неоклассицистов. 12 мая 1917 г. Вагинов получил аттестат зрелости и два месяца спустя поступил на первый курс Петроградского университета⁴. Недолго он но-

¹ Несколько стихотворений из сборника «Звукоподобие» были опубликованы в альманахе «День поэзии. 1967» (Л., 1967, с. 77—79). Этот сборник стихов Вагинова и рукопись романа «Гарпагонниана» сохранились в архиве Н. С. Тихонова, с разрешения которого мы помещаем здесь отдельные отрывки из них.

² «Жизнь искусства», 1924, № 25, 17 июня, с. 17.

³ См. автобиографию К. К. Вагинова (1923 г.) — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома), Р 1, оп. 4, д. 2, л. 1.

⁴ Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, ф. 3026, оп. 1, д. 329, лл. 3, 4.

сил студенческую форму. После Октября поэт ушел в Красную Армию и четыре года воевал на фронтах гражданской войны.

«Помню последнюю ночь в доме покойного детства, книги разодраны, лампа лежит на полу...», — таким остался в памяти Вагинова час прощания с беззаботной устоявшейся жизнью. Вернувшись в 1921 г. в Петроград, поэт активно включился в пеструю жизнь литературных кружков, возникших тогда, как грибы после дождя. Он был участником эфемерного «Аббатства гаеров», состоявшего всего лишь из четырех юных поэтов (В. В. и Б. В. Смиренские, Вагинов и К. М. Маньковский), «Кольца поэтов», «Звучащей раковины», группы «обериутов». Однако наиболее тесное и плодотворное общение установилось у него с «островитянами» — Н. С. Тихоновым и С. А. Колбасевым. В новом Вагинове причудливо сочетался большой жизненный опыт человека и художника, прошедшего сквозь бури гражданской войны, с неизбывной тягой к утонченной книжной культуре, литературной архаике, классицизму. Этот сплав, казалось бы, диаметрально противоположных творческих импульсов способствовал рождению своеобразного и яркого поэта.

Был еще один мир людей, близких Вагинову, мир библиофилов, букинистов, антиквариетов. С начала 1920-х гг. в Петрограде одно за другим начали работу несколько объединений коллекционеров. Среди них особенно выделялось своей интенсивной деятельностью и колоритнейшим составом участников Общество библиофилов. На его заседания регулярно собирались маститые ученые и молодые поэты, известные книготорговцы и собиратели, чудаки-оригиналы и просто любопытствующие⁵. Помимо «организованных» книжников эпоха нэпа породила немало «холодных» букинистов, продававших в темных закоулках Александровского рынка на вес остатки барских библиотек, мелких спекулянтов — «жучков», торговцев обломками старого быта. Среди их клиентов можно было встретить литературоведа и философа Л. В. Пумпянского, искусствоведа Э. Ф. Голлербаха, безработного литератора С. А. Мухина, доктора-библиомана Ф. С. Авиновицкого и десятки других. Каждый искал здесь свое...

Как вспоминали друзья Вагинова, поэт и сам отдал

⁵ См.: Ласунский О. Г., Мартынов И. Ф. К истории создания Ленинградского общества библиофилов (1923—1924 гг.). — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 295—302.

дань увлечению библиофильством. «Он был,— отмечал в его некрологе Н. К. Чуковский,— по натуре коллекционер, собиратель, любил собирать все следы человеческой жизни, на чем бы они ни запечатлелись, хоть на спичечных коробках, хоть на конфетных бумажках. У него была толстая тетрадь, которую он называл „Семячки“. В нее он записывал все характерное, смешное и странное, что узнавал о людях»⁶.

Вполне понятно, что именно Вагинов стал бытописателем библиофильской жизни Петрограда 1920-х гг., иногда доброжелательным, но нередко откровенно саркастическим.

Его внимание чаще привлекали странные, иссушенные библиоманией люди, для которых собирательство становилось болезненной самоцелью, наивной и бесплодной попыткой отгородиться от жгучих проблем современности. И не библиофильство — объект сатиры Вагинова, а извращенные его формы. В героях «Козлиной песни», «Бамбочады», «Трудов и дней Свистонова» нередко проступают автобиографические черты. Высмеивая и доводя до полного гротеска слепую страсть к собиранию материальных атрибутов ушедшего быта, поэт стремился освободиться от груза прошлого, найти свое место в новой жизни. Вот что он писал в конце 1924 г.:

«Да, целый год я взвешивал,
Но не понять мне моего искусства.
Уже в садах осенняя прохлада,
И дети новые друзей вокруг меня.
Испытывал я тщетно книги
В пергаментях суровых и новые
Со свежей типографской краской.
В одних — наитие, в других же — сочетание,
Расположение — поэзией зовется...
В своей библиотеке позлащенной
Слежу за хороводами народов.
И между строк прочитываю книги,
Халдейскою наукой увлечен.
И тот же ворон черный на столе —
Предвестник и водитель Аполлона.
Но из домов трудодлюбивый шум
Рассеивает сумрак и тревогу,
И новый быт слагается,
Совсем другие песни
Поют в сумерках в одноэтажных городах.
Встают с зарей и с верой в первородство,
Готовятся спокойно управлять
До наступленья золотого века.
И принужденье постепенно ниспадает,
И в пеленах проснулося дитя...»

⁶ «Литературный Ленинград», 1934, № 20, 30 апр., с. 3.

В романах Вагинова представлена целая галерея различных типов собирателей книжных редкостей. У каждого из его героев свое оригинальное «лицо», своя «мания». Но их роднит одна общая черта — все они люди, живущие в иллюзорном, надуманном мире, где подлинная деятельность подменяется ее «тенью». «Ты сам великолепно понимаешь, — писал Вагинов рецензенту своего последнего, неопубликованного романа «Гарпагониана» М. Э. Козакову, разъясняя подлинную сущность его героев, — что люди, уходящие от современности, становятся, по большей части, музейными экспонатами»⁷.

Итак, перед нами «Труды и дни» первого «экспоната» вагиновского паноптикума — писателя Андрея Николаевича Свистонова. На протяжении всего повествования герой Вагинова собирает материал для своего романа. Далеко не последнее место в его жизни занимает литературная и окололитературная возня: кулуарные разговоры, интриги, сплетни. Центром их сосредоточения служит гротескно изображенный писательский клуб — ранний предшественник булгаковского «грибоедовского дома».

Творческая манера Свистонова довольно своеобразна. Это — ярко выраженный тип «книжного» писателя, ищущего вдохновения в литературных реминисценциях.

Жизнь представляется Андрею Николаевичу подсобным материалом для собственного творчества и не более того. Все рассматривается им сквозь призму его будущего романа, а все окружающие люди ценны для него только как потенциальные персонажи. «Литература, — рассуждает он, — более реальна, чем этот распадающийся ежеминутно мир» (с. 35).

«Все его вещи, — пишет Вагинов, — возникали из безобразных заметок на полях книг, из украденных сравнений, из умело переписанных страниц, из подслушанных разговоров, из повернутых сплетен. Свистонов лежал в постели и читал, т. е. писал, так как для него это было одно и то же» (с. 10).

Естественно, что процесс подбора и приобретения книг — этого единственного «инструмента» его творческой лаборатории — занимал большое место в жизни Свистонова. Сочтя, что будущий роман немислим без завлекательных

⁷ Черновик письма хранится в архиве Н. С. Тихонова.

сцен европейской жизни XVII в., он решает: «...И Париж прихватим... Завтра надо пойти к букинистам...»

«Утром, побывав в редакции, он отправился на проспект Володарского, стал заходить с портфелем в книжные лавки, как дама в Гостиный двор с ридикюлем. Хозяйва и приказчики спрашивали об его новом романе, говорили о том, что интересно будет почитать, что вот есть любопытная книжечка и что, может быть, он посоветует кому-нибудь из своих знакомых вот эту книжку.

Книжная вакханалия кончилась, и редкие книги снова стали редкими. Дела книгопродавцев в общем шли плохо. Библиотеки не продавали им больше книг по 1 руб. 20 коп.

за пуд. Свистонов рылся и искал польских и эмигрантских книг, искал книг по Грузии, по Остзейскому краю. Книжники, отходя в уголок, пили водку, беседовали с постоянными покупателями, смотрели издали на улицу».

На сей раз книжный «улов» превзошел все ожидания писателя. «Довольный Свистонов вернулся домой. Он нашел:

1. Recueil de diverses pièces, servant a l'histoire de Henry III roy de France et de Pologne. A Cologne, chez Pierre de Marteau, MDCLXII (1662). На этой книге был перечеркнутый экслибрис с гербом Д. А. Бенкендорфа; на гербе был девиз: «Avec Honneur»⁸.

2. Русское Балтийское поморье, выпуск I. Издание Ю. Самарина, Прага, 1868.

3. Essai critique sur l'Histoire de la Livonie... par C. C. D. V. MDCCXVII (1717) и еще много других в нежных свиных и телячьих переплетах» (с. 13).

Константин Константинович Вагинов.

Фотография публикуется впервые

⁸ «С честью».

Далее Вагинов с большим юмором нарисовал сцену «освоения» литературных материалов, собранных Свистоновым. Процесс этот заключался в следующем. Писатель лежал на диване, а его жена Леночка, сидя за столом, читала вслух: «...лег я на драгоценную постелю и спал часа четыре очень покойно, а проснувшись, увидел лежащую на окне флейту, которую я, взяв, заиграл в честь видимой на портрете красавицы арию, не зная, что сия флейта сделана чудною хитростию, ибо, как скоро я заиграл, то в ту минуту все фонтаны с великим шумом пустили воды...» «Эту затрепанную и презираемую книжку Свистонов купил на вербе (т. е. на вербном базаре. — А. Б. и И. М.), среди прочего барахла, несколько лет тому назад, когда он интересовался литературными стилями» (с. 14).

«Презираемая» книжка, как удалось нам установить, была пресловутым сочинением жителя города Москвы Матвея Комарова — «Повестью о приключении аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе».

Затем настала очередь газетных вырезок. Их у Свистонова была целая коллекция. Все вырезки писатель расклеивал в альбомы, тщательно нумеровал, снабжал только ему одному понятными пометами. Леночка читала Свистонову все подряд — от известий с фронтов первой мировой войны до уголовной хроники и рекламы папирос «Осман». Эта странная смесь из монологов кавалера восемнадцатого столетия и газетных курьезов недавнего прошлого оказалась на удивление «питательной», как он сам любил говорить. «Она растолкала его воображение.»

После ухода мужа на «охоту» за недостающими для будущего романа литературными типажамы жена занялась уборкой его кабинета: «Леночка провела тряпочкой по корешкам книг. Теперь здесь так много книг, но боже мой, каких книг: рукописные дневники неизвестных чиновников, книжки „на каждый день“ похотливых студентов, переписка какого-то мужа с женой, по-видимому, железнодорожного служащего, тоненькие брошюрки, изданные графоманами, философские книги, с кондачка написанные актерами; длиненькие, в кожаных переплетах, альбомы восторженных подростков; Санкт-Петербургский календарь на лето от Рождества Христова 1754, с записями: 6. Пускал кровь из ноги, 19. Шол снег, 28. Куплено соломы. ...Кулинарные книги, лечебники, книги, посвященные давно уж не

существующим танцам, карточным играм, и полочки с классиками, и томы и пачки кое-как поставленных и положенных книг» (с. 14—15).

Роман Свистонова подвигался туго. И он решил устроить в своей библиотеке перестановку, надеясь, что новые сочетания книг подскажут ему выход из творческого тупика. «Распределение книг по отделам, как известно, тяжелый труд,— размышлял писатель,— так как каждое разделение условно.» «Он разделил книги по степени *питательности*.»

«Прежде всего он занялся мемуарами. Мемуарам он отвел три полки. Но ведь к мемуарам можно причислить и произведения некоторых великих писателей: Данте, Петрарки, Гоголя, Достоевского,— все ведь это в конечном счете мемуары, так сказать, мемуары духовного опыта. Но ведь сюда же идут произведения основателей религий, путешественников... и не является ли вся физика, география, история, философия в историческом разрезе одним огромным мемуаром человечества! Свистонову не хотелось разделять книги по мнимому признаку.

Все для писателя одинаково питательно, не единственный ли принцип — время. Но поместить издание 1573 года с изданиями 1778 и 1906... тогда вся его библиотека превратится в цепь одних и тех же авторов на различных языках. Цепь Гомеров, Вергилиев, Гете. Это оказало бы, безусловно, вредное влияние на его творчество. С героев его внимание перенеслось бы на периферию, на даты изданий, на комментарии, на качество бумаги, на переплеты. Такая расстановка, быть может, и понадобится ему когда-нибудь, но не сейчас, когда он работает над фигурами. Здесь нужны резкие линии. Тут надо идти не от комментариев, а от самых вещей. Комментарии же должны быть только аккомпанементом и для того, чтобы образовать огромные масштабы, Свистонов освободил полку, взял „Мертвые души“ Гоголя, „Божественную комедию Данте“, творения Гомера и других авторов и расставил их в ряд» (с. 118).

Из романов Вагинова остается неясным, насколько помогли Свистонову тени великих художников. Думается, что нет, поскольку избранный им художественный метод был изначально бесплоден. «Труды и дни Свистонова» завершаются печальной встречей писателя с библиотекой, на которую он возлагал такие надежды:

«Слои пыли уже успели улечься на книгах после недавней перестановки, и рассыпчатые жучки и мокренские бу-

кашки грызли, точили, просверливали книги. Вперебой с часами тикали жучки. Под аккомпанемент жучков Свистонов выпрямился, творческий порыв его иссяк» (с. 148).

Эти «тикающие» жучки, пожирающие старые книги и отмеряющие бесплодно прожитые годы, появляются и в стихах Вагинова. Для него они — символ «искусственной», выдуманной жизни:

«...Интеллигентен, тих и чист,
Смотрю, как дремлет букинист.
В подвале сыро и темно,
Семь полок, лестница, окно.
Но что мне делать в вышине,
Когда не холодно здесь мне?
Здесь запах книг,
Здесь стук жуков,
Как будто тиканье часов.
Здесь время снизу жрет слова,
А наверху идет борьба...»

* * *

Сродни Свистонову герой вагиновского романа «Козлиная песнь» — философ, историк литературы и утонченный библиофил Тептелкин. Он пишет трактат о «каком-то неизвестном поэте, чтобы прочесть его кружку засыпающих дам и восхищающихся юношей». Тептелкин — признанный кумир околелитературных снобов, благоговеющих перед его удивительной эрудицией, изяществом вкуса, возвышенностью интеллектуальных интересов. Если у Свистонова еще сохранялся какой-то интерес к реальной жизни, хотя он и видел в ней всего лишь подсобный материал для своего творчества, то герой «Козлиной песни» целиком погружен в мир античности и ренессанса. Тептелкин даже не пытается понять как ученый исторический смысл и значение ушедших эпох, он упоенно любит прошлым, и оно постепенно становится реальнее настоящего.

Среда, в которой вырос этот эстет и библиофил, была крайне далека от высокой духовности. Вот ироническое описание библиотеки отца Тептелкина — типичный круг чтения полубразованного обывателя предреволюционных лет:

«В шкафах помещались великолепные книги, которые можно было встретить в любом интеллигентном семействе: приложение к „Ниве“, страшнейшие романы Крыжанов-

ской⁹, возбуждающий бессонницу граф Дракула¹⁰, бесчисленный Немирович-Данченко¹¹, иностранные беллетристы на русском языке. Были и научные книги: „Как устранить половое бессилие“, „Что нужно знать ребенку“, „Трехсотлетие Дома Романовых“» (с. 16—17).

Юный Тептелкин читал, конечно, Крыжановскую и Немировича-Данченко, но не они стали его наставниками. Странствия по книжным развалам, знакомство с зубрами букинистического мира, таинственный аромат старинных фолиантов в телячьей коже сформировали этот неповторимо странный характер. Со временем, накопив обширные, хотя и односторонние познания в области антикварной книги, он приобрел большой авторитет у букинистов новой формации. Тептелкина встречали как желанного гостя и владельцы респектабельных книжных магазинов на Невском проспекте и жалкие старьевщики с Александровского рынка. Вот как изображает Вагинов одну из прогулок своего героя по излюбленному книжниками Литейному:

«Тептелкин стал рассматривать книги, развешанные на решетке сада при Мариинской больнице.

— Если бы у вас были деньги, вы, пожалуй, всю мою библиотеку купили бы,— и уличный торговец стал показывать Тептелкину книги.

Действительно, книги были замечательные: почти лубочный, недавний французский перевод Марка Аврелия был переплетен в роскошный пергамент, тисненый золотом Зодиак жизни — карманная книжечка с синим обрезом с прекрасным орнаментом на заглавном листе уносила в позднее Возрождение.

— Нет ли у вас „Утешения философии“ Бозция? — спросил Тептелкин. — Я бы взял у вас в долг¹².

⁹ «Оккультные» и псевдоисторические романы ныне заслуженно забытой Веры Ивановны Крыжановской («Маги», «Бенедиктинское аббатство» и др.) пользовались необычайным успехом у русских обывателей начала XX в.

¹⁰ Граф Дракула — герой многочисленных «романов ужасов» (см.: Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.—Л., 1964).

¹¹ Известный бытописатель В. И. Немирович-Данченко (1844—1936), автор 250 книг.

¹² Анниций Манлий Торквато Северин Бозций — римский философ I в. н. э. Его нравоучительное сочинение «De consolatione philosophiae», написанное Бозцием в темнице перед казнью, имело большое влияние на философскую мысль эпохи Возрождения.

Книжники охотно давали книги в долг Тептелкину, с которым можно было посидеть и поговорить. Боэция не оказалось» (с. 24).

Побывав на книжном развале у Мариинской больницы, Тептелкин задумался над тем, куда бы ему еще пойти. «Сейчас уже 11 часов,— размышлял он.— Книжные лавки открыты, из районных библиотек туда свезли книги. Может быть, мне попадетсЯ Дант в одном из первых изданий или хотя бы энциклопедический словарь Бейля...¹³

— Милости просим, милости просим,— запел книжник.— Вас уже три дня не было видно. Вот у нас книги для вас; не угодно ли — по лесенке.

— А, эти шагающие римляне, рассуждающие греки, воркующие итальянцы? Нет ли у вас, случайно, Филострата „Жизнь Аполлона Тианского“? ¹⁴.

— Выбирайте, выбирайте.

— А не дорого?

— Дешево, совсем дешево.» (с. 102—103).

Этот же эпизод, но уже опозитизированный, подернутый дымкой таинственности, мы находим в неопубликованных фрагментах поэмы Вагинова «Лавка книжника».

Книжник: Вот «Ночи» Юнга ¹⁵. Дешево я уступлю
Вам. Получите Вы наслажденье сильнейшее.
Зажжете вечером свечу или иное
В наш век необычайное изобретете освещенье,
Повесите Помпей изображенье,
Заглянете в альбом Пальмиры,
Вздохнете об исчезновеньи Вавилона
И в свинцовом скиптре мрачныя царницы
Читать начнете.

Филострат ¹⁶: Я не за ним. Другого автора
Я как-то пропустил,
Он мне сегодня снился ночью.
Я вспомнил: года два тому назад
Он был у вас на книжной полке.

¹³ Имеется в виду знаменитый «Dictionnaire historique et critique» (1695—1697) французского философа XVII в. Пьера Бейля.

¹⁴ Флавий Филострат — греческий философ III в. н. э., живший в Риме. Его основное сочинение — «Жизнь Аполлония Тианского» — впервые познакомило римских читателей с учением этого знаменитого неопифагорийца, главы религиозно-мистической школы, противостоявшей раннему христианству.

¹⁵ См.: Альманах библиофила. Вып. 2. М., 1975, с. 212.

¹⁶ Филострат выступает в романе «Козлиная песнь» как некое «alter ego» Тептелкина.

Его аттические ночи ¹⁷ я ищу.
 Должны вы были настоять,
 Чтоб я купил их.
 Помните в тот вечер,
 Когда шел снег и дождь,
 И красною была луна.
 Я забегал в своей крылатке мокрой
 За Клавдианом ¹⁸ в серых переплетках.

Книжник: Вы каждый день заходите.
 В крылатке, насколько помню,
 Не забегали вы. А книги
 В мышинных переплетках все проданы.
 Вот «Ночи» Юнга, редкий экземпляр,
 С французского на итальянский.
 Он вам необходим для постиженья душ —
 Его для вас я выбрал в куче хлама ¹⁹.

Готовя к выпуску в свет второе издание «Козлиной песни», Вагинов намеревался включить в него ряд колоритных эпизодов, характеризующих круг чтения Тептелкина и его отношение к книге. В задушевных разговорах философа с друзьями, затягивающихся за полночь, мелькают имена знаменитых французских издателей, ученых, библиофилов. Особенно любопытен диалог Тептелкина и его жены, только что вернувшейся от букинистов:

«...А после, после,— взволнованно рассказывала Марья Петровна,— вижу у старушки, рядом с картинками, лежит маленькая книжечка, ну, думаю, „Дама с камелиями“ ²⁰ или французский молитвенник. А все же остановилась и подняла... и вдруг — „Аркадия“.

— Джакомо Саннедзаро!!! ²¹,— воскликнул Тептелкин. Кивнула супруга головой и вынесла книжечку. Посмотрел Тептелкин...

— Да, ведь это совсем не „Аркадия“, зачем же меня обманывать?

Сконфузилась и покраснела Марья Петровна.

— Это я для себя купила, здесь есть французский перевод, хочу я снова итальянским языком заняться. Для тебя я купила „Аркадию“.

¹⁷ Имеются в виду «Noctium atticarum» римского писателя II в. н. э. Авла Геллия.

¹⁸ Речь идет о сочинениях римского поэта IV в. н. э. Клавдия Клавдиана.

¹⁹ Поэма включена в неопубликованный сборник стихов Вагинова «Звукopodobие». — Архив Н. С. Тихонова.

²⁰ А. Дюма-сына.

²¹ Итальянский поэт и прозаик Якопо Саннадзаро (1455—1530), автор известной пасторали «Аркадия».

Но Тептелкин уже не выпускал Баттиста Гварини²². Он любовался проколотым двумя стрелами сердцем... Затем принялся рассматривать две фигуры в длинных одеждах, как бы выходящие из пещеры. Толстощекий эрот, козлик, барашки, ангелочек — все приводило его в восхищение. ...Сама тряпичная бумага, приобретающая от времени запах старого вина, пергаментный переплет — все уносило Тептелкина в любимую им эпоху.

Конечно, это уже был совсем не XV век и не совсем XVI; книжечка была издана в 1610, но ведь во Франции в это время все еще был итальянский язык в почете. И Тептелкин принялся читать перевод знаменитой в свое время пасторали²³, сделанный учителем итальянского языка.

— Дай, я хочу поучиться, — прервала молчание Марья Петровна. — Это моя книжечка. Тебе же я купила „Аркадию“.

Марья Петровна вынула другую книжечку с золотым обрезом, в черном переплете. Это был переплет новый, восьмидесятых годов прошлого столетия, внутри же улыбалась Венеция, правда, это не был удивительный шрифт Альдов, даже не бедного Манучия Младшего, у которого был только один ученик и великолепная библиотека, но все же...»²⁴

На грустной ноте заканчивается «Козлиная песнь» — роман о крахе иллюзий эрудита и библиофила, решившего отгородиться от действительности за опьяняющими переплетами старинных книг:

«Тептелкин читал фолианты, которые некогда так волновали человечество. Боже мой, ведь всегда книги волнуют человечество. И чем лучше новые книги старых? И они станут когда-нибудь старыми. И над ними когда-нибудь будут смеяться. А в старых книгах солнце и душевная тонкость, и смешные чудачества, и невежество, и чудовищный разврат — все есть в старых книгах. Но Тептелкин в них видел только солнце и душевное изящество. Разврат и невежество для него как-то темнели и становились случайным явлением, не становились неотделимой частью мироздания и Возрождение для него сияло одной своей стороной. Вполне све-

²² Итальянский поэт XVI в. Баттиста Гварини, автор изысканных мадригалов и пасторалей. Сочинения Гварини еще при его жизни были переведены на все европейские языки.

²³ Имеется, вероятно, в виду трагикомическая пастораль Гварини «Il pastor fido» («Верный пастух»).

²⁴ Из архива Н. С. Тихонова.

тоносным было для него Возрождение. Вот Тептелкин сидит, а вокруг летают мухи и садятся на его шею и на страницы книги. Сидит у его ног на скамеечке Марья Петровна и чистит картошку...»²⁵

Если Свистонов и Тептелкин — люди мыслящие, искренне преданные книге, — подчас вызывают у читателя романов Вагинова чувство симпатии, смешанной с жалостью, поклонники и подражатели этих оригинальных людей поистине смешны и нелепы. Не обладая культурой и способностями своих учителей, они слепо копируют их слабости, превращаясь в живые пародии. Таким изображен, например, один из героев романа «Труды и дни Свистонова», «культурный молодой человек» Ваня Галченко. Он «умел немного играть на рояле, слегка пел, мог потанцевать, любил, после чтения Курбатова, Петербург и его окрестности» (с. 56). Вагинов беспощаден к этому глупому снобу, не способному оценить строгую красоту Петрограда без подсказки автора модной, эстетской книги²⁶. Столь же ничтожен «эпигон» Тептелкина — Костя Ротиков, юноша неопределенного возраста, гонящийся за знаменитостями. Книжки и гравюры для него — лишь деталь «интеллектуального» интерьера, дающего, по мнению Кости, право на причастность к избранным. Стены его жилья были украшены гривуазными картинками, на полках стояли книги XVIII в. с гравюрами, «сочинения Гонгора и Марино в марокеновых зеленых и синих переплетах»²⁷.

В следующем «зале» вагиновской кунсткамеры представлены экспонаты совсем иного рода. Прежде всего это герой романа «Бамбочада», инженер Торопуло.

«Вся жизнь добряка была посвящена еде... Театра он не любил: любимым чтением его были кулинарные книги. Библиотека Торопуло состояла из бесчисленных кулинарных книг, каталогов фирм, иностранных и русских, альбомов с

²⁵ Из архива Н. С. Тихонова.

²⁶ Книга В. Курбатова «Петербург. Художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы» (СПб., 1913) была издана «Общиной св. Евгения» ограниченным тиражом, преимущественно для библиофилов.

²⁷ Гонгора (1561—1627) — испанский писатель, основатель утонченного, вычурного стиля. Обилие преувеличенных гипербол, нелепых и неясных метафор делало его поэзию абсолютно непонятной без пространственных комментариев.

Джамбатиста Марино (1569—1625) — знаменитый итальянский поэт, автор манерных, кокетливо изломанных стихов.

золотистыми, бронзовыми, серебряными, звездчатыми, апельсинными обложками... На кулинарные книги Торопуло поглядывал со сладострастием. Отойдет на три, на четыре шага, обернется и посмотрит, и вдруг томно станет у него на душе от скрывающихся за любительскими переплетами яств. Хотя много на своем веку перепробовал блюд Торопуло, но еще более скрывалось неиспробованных. Сидя перед своими книгами и смотря на них, вздыхал Торопуло о кратковременности человеческой жизни, о том, что всего нельзя перепробовать.

У Торопуло была собственная дача в русском стиле, с фруктовым садом. Торопуло был инженер, и неплохой инженер, только это его не интересовало. Конечно, он читал английские, немецкие и американские журналы и сконструировал даже какой-то мощный двигатель. „Да все это не то, это все пустяки, о которых и говорить не стоит; это так легко: посмотрел, почитал, повозился... ну их к черту!“ — говорил Торопуло своим гостям» (с. 52—53).

Зная десяток иностранных языков, Торопуло никогда не цитировал вслух труды зарубежных специалистов по кулинарии. Жажда скорее прочесть все книги о вкусной пище вынудила его «презреть точную фонетику».

Постепенно вокруг лукуллова стола библиофила-гастронома организовался целый кружок любителей вкусно поесть. Каждый из них, по мере своих сил, старался пополнить эту удивительную коллекцию. Один приносил экзотические фантики, другой — купленную на толкучке «драгоценную» для хозяина «книгу о чае и кофе Мейснера, в переплете XVII века, реставрированном в XVIII веке с суперэкслибрисом города Парижа»²⁸.

Коллекция Торопуло была поистине всеобъемлющей. Историк быта первых десятилетий XX в. мог бы найти здесь уникальный подбор конфетных оберток, рекламные объявления, картины на гастрономические сюжеты. Предметом особой гордости Торопуло служила «редчайшая» газета «Эхо столичной пивоторговли»²⁹, заполненная «хвалебными

²⁸ По-видимому, имеется в виду книга Леонарда Фердинанда Мейснера «De caffè, chocolatae, herbae thee ac nicotianaе natura, usu et abusu anacrisis medico-historico-diaetetica». В фондах крупнейших европейских библиотек есть только нюрнбергское издание этой книги 1721 г.

²⁹ Как всегда, Вагинов исключительно точен в своих библиографических сведениях. Газета под таким названием действительно выходила в свет в Петербурге в 1908 г. (имеется шесть ее номеров).

гимнами тем гласным городской думы, которые внимательно и чутко относились к вопросам пивного промысла». «Здесь были и хроника, и анекдоты, и карикатуры — все, все здесь связывалось с пивом» (с. 49—50).

Тем временем у одного из почетных гостей Торопуло — профессора Пуншевича родилась поистине замечательная идея. А что, если расширить рамки коллекционерства? Ведь собирать можно практически все... Эта мысль встретила одобрение у всех участников обеда. И они тут же решили создать «Общество собирателей мелочей» и выработать его устав и программу. Под звон бокалов председателем единогласно был избран Пуншевич.

«Перед Торопуло возник музей, где будут покоиться конфетные, апельсиновые бумажки, меню. Торопуло подошел и обнял Пуншевича.

— Вы молодец, — сказал он, — действительно назрела потребность в создании общества. Необходимо добиться его легализации. Нам следует пропагандировать идеи нашего общества.

— Я примусь за это дело, — ответил Пуншевич. — Теперь наметим несколько областей нашего собирания и изучения. Конфетные бумажки — у нас уже есть фонд, — кивнул он в сторону Торопуло. Бумажки от мыла, у меня есть родственница, она уже собирает бумажки от мыла, коробки из-под папирос, у нас уже есть одна, чрезвычайно важная. Значки организаций, учебных заведений, вносите предложения... Так, тексты вывесок, действительно, вывески бывают разные...

— Попутнические вывески „Самтруд“.

— Новобуржуазные — «Сад „Фантазия“», „Аркадия“, „Родник“.

— Приспособленческие: „Красная синька“, «Красный одеяльщик»» (с. 75).

Вагинов беспощаден в изображении членов «Общества собирателей мелочей», и читатель может невольно поддаться его настроению. Однако нужно иметь в виду «сверхзадачу» писателя — показать бессмысленность псевдоинтеллектуальной деятельности. Вот почему он так зло и саркастично высмеивал безобидные занятия своих героев.

Мы специально старались не затрагивать вопроса о реальных прототипах персонажей вагиновских романов. Это вообще довольно сложная задача, особенно когда речь идет о собирательных, гротескных образах. И все-таки среди ге-

роев «Бамбочады» — постоянных гостей Торопуло — есть один человек, списанный прямо с натуры. Это Евгений Фелинфлеин.

Коллекция Евгения была собрана в основном на толкучках Александровского рынка, «куда свезены были остатки одинаковых в основном библиотек двух старших братьев (царя Николая I.— А. Б. и И. М.), состоявшие из книг по военному делу, мемуаров полководцев, нравственных историков в роде Плутарха, географических атласов, книг по математике, мифологии и словарей. Бабушкин вкус (т. е. Екатерины II.— А. Б. и И. М.) преобладал. Но среди книг с супер-экслибрисом Константина попадались и польские изящные альманахи, может быть, принадлежавшие его жене».

Известно, что человеком, скупившим «обломки» книжных собраний Александра I и его брата Константина Павловича, был молодой литератор, активный участник Ленинградского общества библиофилов Сергей Александрович Мухин. В 1929 г. он выпустил подробное книговедческое описание этой коллекции под названием «Судьба одной библиотеки». Как показало время, работа Мухина, по мнению современников (в том числе и Вагинова) «малоактуальная» и нелепая, сыграла важную роль в поисках библиотеки и архива М. В. Ломоносова³⁰. И в наши дни она служит прекрасным образцом для исследователей, занимающихся описанием и изучением редких книг.

Безвременная смерть помешала Вагинову завершить последний и, может быть, лучший его сатирический роман «Гарпагониана». Здесь мы снова встречаем старых знакомых — Торопуло и Пуншевича. Но в центре внимания автора другие персонажи — чудовищные пародии на тех невинных чудаков, которые изображены в «Бамбочаде». Открывает эту галерею «систематизатор» Жулонбин, «коренастый человек с длинными, нежными волосами, в расстегнутой студенческой тужурке». Ночи напролет в холодной, заплеванной комнате он любовался своими «сокровищами».

«В шкафу Жулонбина хранились бумажки исписанные и неисписанные, фигурные бутылки из-под вина, некоторые из которых должны были изображать великих поэтов, писателей, деятелей науки, политики³¹, высохшие лекарства

³⁰ См.: Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975, с. 21.

³¹ Кстати, в коллекции современного астраханского библиофила В. Б. Баланюка имеются подобного рода курьезы. Вагинов и здесь точен.

с двуглавыми орлами, сухие листья, засушенные цветы, жуки, покрытые паучками, бабочки, пожираемые молью, свадебные билеты, детские, дамские, мужские визитные карточки с коронами и без них, кусочки хлеба с гвоздем, папиросы с веревкой, наподобие рога торчащей из табаку, булки с тараканом, образцы империалистического и революционного печенья, образцы буржуазных и пролетарских обоев, огрызки государственных и концессионных карандашей, открытки, воспроизводящие известные всему миру картины, использованные и неиспользованные перья, гравюры, литографии, печать Иоанна Кронштадтского, поддельные и настоящие камни (конечно, настоящих было крайне мало), пригласительные билеты на комсомольские и антирелигиозные вечера, на чашку чая по случаю прибытия делегации, на доклады о международном положении, пачки трамвайных лозунгов, первомайских плакатов, одно амортизированное переходящее знамя, даже орден черепахи за рабские темпы ликвидации неграмотности был здесь.

С гордостью Жулонбин окинул взглядом комнату. Все это он должен был систематизировать и каталогизировать, распределить по рубрикам.»

Как показывает дальше Вагинов, этот маньяк-собира- тель не был одинок. «Бухгалтер Клейн, например, копил все с изображением Петербурга, от открыток до пивных этикеток. Престарелый дон-жуан — режиссер небольшого театрика — свистульки — дамские перчатки. Были собиратели об- рывков кружев, кусочков парчи, бисеринок, дамской отделки.

Для всех этих людей город являлся золотым дном, се- верным Эльдорадо, новым Геркуланумом и Помпеей.

Названные лица все свободное и не совсем свободное время тратили на раскопки. Они раскапывали комнатки еле двигающихся старушек и старичков, у которых что-либо еще сохранилось.

Одолеваемые страстью к собственности, другие собира- ли не предметы, а нечто нематериальное, но обладающее известным вкусом и запахом, например, ругательства, анек- доты, красивые фразы из книг, обмолвки, ошибки против русского языка...

Так жил систематизатор среди этих своеобразных капи- талистов, бандитов и разбойников, не брезговавших кражей, похищением ценных для старичков и старушек, часто лишь по воспоминаниям, предметов. Эти собиратели были настоя- щие эксплуататоры, неуловимые, жестокие и жадные...»

Но всех своих друзей превзошел тридцатипятилетний туняец Локонов, «живший на положении несовершеннолетнего» при старой матери-медсестре. Снедаемый безденежьем и скукой, он начал собирать чужие сны... Своих у него не было. Чтение «Азоланских бесед» Пьетро Бембо³², трактата об искусстве лести Бальдассаре Кастильоне³³ и Кама сутры³⁴ не помогли Локонову найти счастья. Он мечется в поисках реальной жизни и в конце концов погибает от руки своего единственного «друга» и наперсника Анфертьева.

Спрос, даже самый фантастический, всегда рождает предложение. Поэтому неудивительно, что находились люди, готовые погреть руки на безумных увлечениях Жулонбиных и Локоновых. Среди коллекционеров «существовала нерегламентированная государством меновая и денежная торговля, купля и продажа, неуловимая для финансовых органов. Здесь платили довольно дорого за какую-нибудь фабричную марку, покрытую позолотой. Эти эксплуататоры не брали патента, они жили вольной разбойничьей ассоциацией. В невозможных для частного накопления условиях, они все же, обойдя все законы, удовлетворяли свою страсть».

«Королем» этого черного рынка был Анфертьев, пьяница и циник. Долгие годы он выманивал на бутылку водки детские ботиночки у Жулонбина и недорогие побрякушки матери Локонова, поставляя им свой «товар». Случай свел его с создателями «Общества собирателей мелочей» Торопуло и Пуншевичем. Заранее предвкушая, какой куш можно сорвать с этих чудаков, ошеломленный видом картин, зеркал, ковров, книг в «любительских, мозаичных, тисненых нежнейших переплетах», он постарался показать будущим покупателям товар лицом:

«Видите ли, я торгую всем тем, что никому не нужно, — начал Анфертьев оживленно. — То есть я не совсем точно выразился, я торгую тем, что сейчас не имеет цены, а в будущем будет иметь огромную ценность. Я торгую сновиде-

³² Итальянский писатель эпохи Возрождения, автор трактата о любви «Asolani».

³³ Имеется в виду его трактат «Il cortegiano» («Придворный»).

³⁴ Вернее «Камашастра». Транскрипция: «Камасутра» указывает на то, что Локонов пользовался французским изданием книги — произведение санскритской литературы (III в. н. э.), посвященное «искусству любви».

ниями, я торгую конфетными бумажками, уличными песнями, воровским жаргоном, я всем торгую, что не имеет веса, и как будто не имеет никакой ценности в современности. У меня есть свой круг покупателей, они мне заказывают, и я достаю им все то, что почему-либо интересно для них. Вот для вас я могу доставать конфетные бумажки, спичечные коробки и вообще все, что вы пожелаете.

— Да вы сказочный человек, — сказал Торопуло. — А как вы узнали о нашем существовании? Да, мы все это собираем, но до собирания сновидений мы не додумались! Это идея, неправда ли, — обратился он к Пуншевичу.

— Не стоит растекаться, — ответил Пуншевич»...

Планам Анфертьева не суждено было осуществиться. Убив в пьяном угаре Локонова, он бежал из Петрограда. «Общество собирателей мелочей» распалось после того, как анфертьевский друг — вор Вшивая Горка — обобрал до нитки гостеприимного Торопуло. Иллюзорный мир петроградских чудаков — коллекционеров исчез как сны, которые тщетно пытался удержать покойный Локонов...

* * *

Перед нами прошли герои четырех романов Константина Вагинова, с разными вкусами, привычками, странностями. Самой важной и точной деталью, которая их характеризует, являются книги. Можно только удивляться широте и глубине книжных познаний автора, позволяющим ему упоминанием двух-трех названий нарисовать предельно емкий и точный образ человека. В его романах книга становится реальнее тех живых, которые, как сказал Петрарка, «только потому считают себя живыми, что видят собственное дыхание в холодном воздухе»³⁵.

³⁵ См. посвящение «старой книге» А. В. Мезьер в ее «Словарном указателе по книговедению» (Л., 1924).

Кайсын Кулиев

С букваря
Все книги мира предо мной
открыты.
Простор дорог открылся
вместе с ними.
По тем путям, как озаренья миги,
Летели в мир из каменных
теснин
Мои стихи и собственные
книги.

* * *

Расул Гамзатов

Плод бессониц моих и забот,
Книга, что я беру тебя в руки.
Так, наверно, ребенка, рожденного в муке,
Мать впервые на руки берет.

Книжный развал

Б. Шиперович

КНИГИ-БОРЦЫ, КНИГИ-ПОБЕДИТЕЛИ

Из личного собрания

Они стоят на полках моей библиотеки не в марокене и не в сафьяновых с золотыми обрезами переплетах, а в серых, поблекших от времени бумажных обложках. Это книги — ветераны, овеянные ветрами революции и обожженные порохом великих сражений... Живые свидетели и участники Великого Октября.

С волнением перелистываю невзрачную на вид брошюру. Она посвящена открытию памятника А. Н. Радищеву в революционном Петрограде: «Александр Николаевич Радищев — первый пророк и мученик революции! Речь, произнесенная на открытии памятника в Петрограде 22 сентября народным комиссаром А. Луначарским. С приложением снимка с памятника Радищеву работы Шервуда, его портрета и избранных страниц из книги его: „Путешествие из Петербурга в Москву“». Издание Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. В левом верхнем углу обложки портрет А. Н. Радищева с его факсимильно воспроизведенной подписью.

История издания этой брошюры такова. В один из пасмурных осенних дней голодного 1918 г. по Невскому проспекту шли колонны демонстрантов со знаменами и лозунгами: «Свобода, Равенство и Братство», направляясь к Зимнему Дворцу на открытие памятника А. Н. Радищеву. В. И. Ленин считал, что нужно, не откладывая, ставить как можно скорее хотя бы в непрочном материале возможно больше памятников великим революционерам. Пусть изваяния предшественников революции — говорил В. И. Ленин, — послужат краеугольным камнем в здании трудовой социалистической культуры. На митинге выступил А. В. Луначарский. «Пусть искра великого огня, — сказал он, — который горел в сердце Радищева и ответ которого

ярко освещает вдохновенное лицо его, упадет в сердце каждому из вас, присутствующих на этом открытии». На следующий день Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов вынес решение выпустить специальную брошюру, посвященную этому событию.

В моей библиотеке хранится несколько книг Демьяна Бедного, изданных в годы революции и гражданской войны. Несмотря на высокие тиражи, они расходились молниеносно. Их с жадностью читали в окопах, на привалах красноармейцы.

История одной из книг Д. Бедного, хранящихся в моей библиотеке, представляется мне особенно интересной. Называется она «Обманутым братьям в белогвардейские окопы. Послание 1-е» (М., ВЦИК, 1918, 200 тыс. экз.). Второе издание вышло тоже двухсоттысячным тиражом. За два года 400 тыс. экземпляров! Брошюра адресована тем, кто воевал против Советской власти. Разными путями забрасывали ее в тыл врага:

Гудит, ревет аэроплан,
Летят листки с аэроплана,
Читай, белогвардейский стан,
Послание Демьяна...

На обложке — красноармеец, отсекающий голову гидре контрреволюции. На задней сторонке обложки — резолюция рабочих Краснопресненского района г. Москвы, в которой говорится: «... Присоединить свою подпись к братскому призыву тов. Дем. Бедного с выражением нашей горячей надежды, что обманутые братья действительно опомнятся и что близок тот час, когда они, совместно с беднейшим крестьянством и рабочим пролетариатом Советской России, будут бороться против мироедской шайки наших общих угнетателей».

А эта книга издана позже, уже в 1930 г., но посвящена она событиям, которые предшествовали Октябрю.

«Нелегальная поездка в Россию» — так называется книга В. Д. Бонч-Бруевича, в которой он рассказывает, как по заданию В. И. Ленина отправился из Женевы в Россию, чтобы установить связь с подпольными большевистскими комитетами и наладить выпуск партийной газеты. Поездка была опасной, но необходимой: большевики готовили третий съезд партии...

Перед читателем проходят яркие страницы тех лет. В России нарастала волна революционного движения, гото-

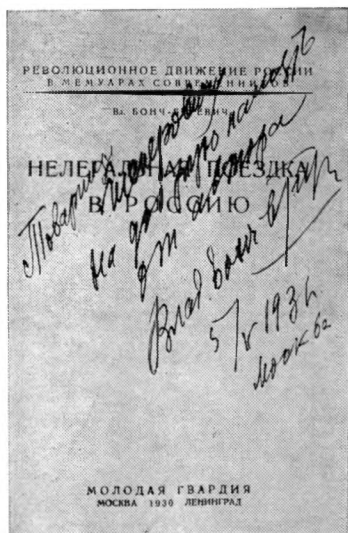
вился Октябрьский переворот. Стало очевидным, что только такая грозная сила, как пролетариат, способна свергнуть царизм. «Мы большевики, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — отлично знали, что далеко не все рабочие так чувствовали и так понимали, как те, кто уже был скован с нашей партией единой и нераздельной крепкой цепью самой близкой солидарности, единой борьбы за единый социалистический идеал... что лозунг диктатуры пролетариата... должен превратиться в закон истории». Революция свершилась. В России победил новый строй — строй рабочих и крестьян. В. Д. Бонч-Бруевич увлекательно рассказывает о своих встречах с Горьким, Скитальцем, Чириковым, с русскими революционерами.

В 30-х гг. мне посчастливилось познакомиться с В. Д. Бонч-Бруевичем. Он часто бывал в магазине научно-марксистской книги Комакадемии, где я работал в то время библиографом-консультантом. По его просьбе я подбирал необходимые ему книги. Однажды мне довелось увидеть его библиотеку. На полках стояла прекрасно подобранная Лениниана, партийные нелегальные издания, выходившие за границей, книги по религиозно-общественному движению, философии и литературе. В. Д. Бонч-Бруевич любил книгу, и это не удивительно — ведь вся его жизнь связана с печатью. Книга его с дарственной надписью — для меня память и свидетель тех дней.

Есть в моей библиотеке уникальное издание поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», вышедшей в Госиздате в 1925 г. Смерть вождя глубоко потрясла поэта. Под впечатлением тяжелейшей утраты В. Маяковский и создал это удивительное по силе и глубине воздействия произведение.

Обложка
брошюры-речи
А. В. Луначарского,
посвященной открытию
памятника А. Н. Радищеву

Книга
В. Д. Бонч-Бруевича
с дарственной надписью

увидел брошюрку в цветной обложке. Изображенный на ней буденновец с обнаженным клинком мчался в атаку. Это была поэма Н. Асеева «Буденный», вышедшая в Екатеринбурге в 1923 г. На обложке ни тиража, ни цены. На титуле с трудом можно разобрать карандашную надпись: «Фастов-Казатин» (это, очевидно, памятная запись участника боевого рейда Первой конной на Польском фронте). Поэма была задумана как биография С. Буденного. Главы поэмы, сюжетно слабо связанные между собой, не составляли органического целого. Видимо, автор считал поэму не совсем удачной, так как в последующие издания своих стихов ее не включал. Но последняя, заключительная глава — «Марш Буденного»: «С неба полуденного жара — не подступи...» как бы получила вторую жизнь. В те боевые годы ее пели красноармейцы, популярна она и сейчас.

Такова история нескольких книг моей библиотеки — книг-ветеранов, книг-борцов.

Издание другой, имеющейся у меня книги В. Маяковского относится ко времени гражданской войны: «Московская галерея. (Те, кого я никогда не видел). Пуанкаре, Муссолини, Керзон, Пилсудский...» («Красная новь», 1923). Поэт высмеял и заклеил тех, кто рассчитывал задушить молодую Советскую Республику.

Библиофилы любят повторять, что книги, как и люди, имеют свою судьбу. И это действительно так. Об одной счастливой находке мне хочется здесь рассказать. После Великой Отечественной войны я приехал в Одессу навестить своего друга — поэта Виктора Бершадского. Случайно мы оказались на толкучке, где среди старых разложенных на земле тарелок, медных подсвечников и другой мелочи я

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Нет, это не праздное коллекционирование книг, подаренных мне их авторами, не просто увлечение собирателя-библиофила. С каждой из них у меня связаны сонмы воспоминаний, любое из которых могло бы послужить сюжетом для интереснейшей новеллы. Фадеев, Хикмет, Светлов, Маршак, Эренбург... Когда, при каких обстоятельствах попали их творения в мой книжный шкаф?..

Достаю с полки двухтомник Назыма Хикмета, всматриваюсь в размашистый почерк поэта на титульном листе и вспоминаю...

Назым беседует с моим товарищем. Изредка он торопливо отстукивает несколько строк на своей «Эрике», не обрывая при этом нити разговора. Похоже — между делом рождаются стихи и я становлюсь свидетелем этого великого таинства. С волнением прислушиваюсь к тому, что он говорит, слежу за каждым жестом поэта — порывистым и выразительным.

Вот он вынимает лист из машинки и пробегает глазами напечатанный текст... Вот он подходит к шкафу и берет оттуда какую-то книгу. Он перелистывает ее, шагая по комнате, и, найдя нужное место, останавливается и углубляется в чтение. Лицо его делается то веселым, то грустным, то задумчивым... Вот он подходит к окну и глядит на весеннюю улицу, полную радостного света. Есть что-то детское в его широко открытых глазах: они смотрят на мир с такой же неутолимой жадностью. Их ясная голубизна сливается с сияющей голубизной торжествующего апрельского неба. Нежной сыновней любовью любил он Москву. Здесь прошли лучшие годы его беспокойной молодости. Здесь закалился его неукротимый революционный дух. Здесь его заметил и обласкал вниманием Маяковский...

А разговор все продолжается. О литературных новинках. О новых стихах молодых поэтов. О студенческих волнениях в Турции. Далеко до его родной Анатолии, но она постоянно в его душе и мыслях. Он показывает нам снимки, которые прислал ему один французский журналист, побывавший в Турции. Видно, и до нашей встречи он не раз всматривался в эти фотографии — в узкие улочки Стамбула, в перекошенные хибарки ремесленников, в изможденные лица портовых грузчиков. Много раз бывал он в этих местах, ему до боли знакомо все. Но он еще и еще вглядывается в фотографии, и мне кажется, что я слышу, как рыдает его сердце...

Через месяца два мне снова посчастливилось встретиться с Хикметом. Узнав от моего друга, что я посвятил стихотворение своей пишущей машинке «Эрика», он попросил меня прочесть его.

Читаю, волнуясь:

...Тебя, «Эрика», мною воспетая,
Видел и у Назыма Хикмета я,
Прикасался, как к пальцам товарища,
К твоим он зеленым клавишам,
На твоей, словно траурной, ленте
Писал стихи о студенте,
О юноше, скошенном пулей
В бурлящем от гнева Стамбуле...

Поэт протягивает мне шариковую ручку, похожую на перо жар-птицы:

— Подпишите мне это стихотворение на память...

Прошло еще некоторое время. На дворе уже вовсю хозяйничала осень. Вечером у меня дома, на Садово-Кудринской, раздался телефонный звонок:

— Подойдите, пожалуйста, к памятнику Маяковскому. Я удивился: было уже около одиннадцати.

— Зачем так поздно? Давайте перенесем встречу на завтра.

— А меня просили сделать это именно сейчас.

— Что сделать? Кто просил? — еще больше удивляюсь я.

— Придете — узнаете...

И я пошел. Благо до площади Маяковского было не так уж далеко.

— Примите подарок от Назыма, — сказал знакомый поэт, вручая мне объемистый пакет. — Он просил передать

вам, что сожалеет, что не сделал этого раньше, когда вы подарили ему стихотворение...

Дома развернул пакет. Это был двухтомник Назыма Хикмета с дарственной надписью автора...

Вот о чем напомнила мне надпись на книге, стоящей на заветной полке в моем книжном шкафу. Впрочем, напомнила и еще об одном эпизоде... Надвигалась гроза. В комнату ворвался ветер, надув, точно парус, белую гардину. Хлопнула распахнувшаяся дверь и что-то со звоном упало на письменном столе поэта. Вместо того чтобы поспешно закрыть дверь, Хикмет спокойно вышел на балкон, и когда он взглянул на грохочущее небо, я щелкнул затвором фотоаппарата, который был у меня в руках.

Таким запомнился мне поэт. На фоне грозы. С развевающимися на ветру рыжеватыми волосами. С отблесками молний в глазах...

*Назым Хикмет.
Снимок сделан
при вспышке молнии.
Фотография автора.
1960 г. Публикуется впервые*

Москва

СЕВЕРНОЕ ЧУДО

У вологодских художников экслибриса

— В благословенном краю нашем немало сейчас превосходных изографов. Вас удивляет это слово? Да, да, изографами называли старинных иконописцев. Но я слышал это определение применительно и к нашим теперешним художникам — особенно графикам, ксилографам. Слово-то какое: изо-графы! Будто слышится в нем, как режет человек деревянную гравюру.

Мой собеседник на минуту замолкает, мечтательно глядя в окно. А я... я чувствую, что не могу не согласиться с моим спутником — старым учителем Иваном Лукьяновичем Мурашовым. Не могу, потому что слишком живо в памяти увиденное и услышанное мною на Вологодчине.

* * *

Какое-то особенное, трудно передаваемое словами настроение охватывает вас при виде Кирилло-Белозерского монастыря. Богатырский белокаменный город встает вдруг из синевы Си-

верского озера, точно из сказки появляется. Стены его и башни (кстати, высотой и толщиной превосходящие стены и башни Московского Кремля) зыбко отражаются в водах.

Иное чувство испытываешь при входе в монастырскую крепость. Гулками воротами, на которых еще виднеются многоцветные следы древней росписи, по отшлифованным столетиями плитам проходишь во двор.

Тишина... Под монотонное жужжание шмелей в высоких травах дремлет деревянная церквушка.

— Церковь Ризположения. Перенесена из села Бородавы. Пятнадцатый век! — очевидно, кто-то неподалеку вслух читает надпись. Стайки экскурсантов, негромко переговариваясь, гуськом идут от одного сооружения к другому. По каменной, выдавшей виды лестнице бывшего храма поднимаюсь в музей. Внимания невольно привлекают книги. Иные в окладах с крупными, бледно-розовыми, розово-матовыми драгоценными камнями.

Остатки знаменитой монастырской библиотеки, не раз описанной учеными историками! Не она ли привлекла «взыскующего мудрости книжной» славного живописца Дионисия в эту далекую северную обитель из Москвы, где был он по-царски обласкан? И не здесь ли уж была сокрыта легендарная библиотека Ивана Грозного? Сам-то царь не раз приезжал сюда...

Впрочем, конечно, нет; я-то давно считаю, что она замурована в Александровой опричной слободе. Но и тут, в Кириллове, бродят разные таинственные предания.

А вот и реальность. Узнаю, что не так давно здесь прошла выставка современного книжного знака. Неожиданное известие!

— Выставка состояла из коллекций директора вологодской картинной галереи, искусствоведа Семена Георгиевича Ивенского, — сообщили музейные сотрудники. — Он передал ее нам в дар. Кстати, издания книжной графики, выпускаемые по инициативе Ивенского, славятся на весь мир.

Да, я знаю, что Ивенский не только устраивает в Вологде интереснейшие выставки гравюр, но и блистательно издает каталоги, полиграфическому качеству которых завидуют даже центральные издательства.

У меня имеются его каталоги гравюр бельгийского графика Герарда Годуэна, итальянского художника Ремо Вольфа, чешского мастера Ярослава Водражки и других. С ними у Ивенского и у вологодских ксилографов постоянная творческая связь. Но я знаю также и то, что Ивенский — инициатор ряда выставок и изданий работ вологодских книжных гравюров, а с этими своеобразнейшими мастерами мне и хотелось познакомиться поближе. В Вологде — с супругами Николаем и Генриеттой Бурмагиными, в Череповце — с Анатолием Наговицыным и Владиславом Сергеевым.

* * *

Бурмагины¹ не очень охотно показывают книги, проиллюстрированные их гравюрами. Это вчерашнее, пережитое. Но гостю неудобно отказать, и вот вырастает передо мной стопка оформленных ими книжек. Среди них одна, за которой я тщетно «го-нялся» в Москве — «Северные фрески» Валерия Дементьева.

Оформить ее было не просто. Внешне рассказы несколько разноплановы: воспоминания о детстве и описания фресок. Но берешь книгу и видишь, что художники почувствовали единый внутренний стержень ее литературного содержания. «Книга на-

¹ Эта встреча состоялась незадолго до трагической смерти Николая Бурмагина.

чинается с обложки», — утверждается в одном крылатом изречении. И переплет этой маленькой книжицы оригинален. Художники решили подарить читателю как бы живой кусок славной вологодской резьбы. Эти ритмически повторяемые фигурки молодич и молодцов словно перешли сюда с пожелтевшей от солнца стены вологодского дома.

На шмуцтитуле — гравюра многоглавой деревянной церквушки. В ее, на первый взгляд, нестройной, ассиметричной пестроте — живописная прелесть, исконная красота русского северного зодчества. Но искушенный зритель найдет и другое. В артистическом сочетании черно-белых линий и узоров как бы увидит он вологодское кисейное кружево и домовую резьбу.

Подобный эффект становится еще более заметным при встрече с гравюрой к новелле «Земля заволоцкая». Изображения скачущих оленей, человека на лошади, ажурных вышек высоковольтных передач сплетаются в узорчатую игру, так свойственную здешнему прикладному искусству.

Последняя в книге гравюра — «Дионисий». И тут художники сумели прочесть «между строк»... Есть что-то живописное в этом суровом облике, но нет мертвой статичности «лика», все дышит внутренней динамикой образа. И опять в изысканном декоративном убранстве гравюры, в бирюзовых брызгах света между де-

ревьями, в затейливо завихренном облаке выступает знакомое вологодское узорочье.

Все эти гравюры свидетельствуют о собственном оригинальном восприятии художниками текста, свеобразном «видении» его.

— Эскибрисами мы специально не занимаемся, — говорят Бурмагины. — Но как-то само собой получилось, что мы стали делать и книжные знаки. Кому? Конечно, только друзьям, людям, чем-то нам интересным. Несколько эскибрисов сделали самим себе. Это тогда, когда хотелось выразить то, что в книжном знаке другому лицу показалось бы неуместным и чужеродным, а понятно и близко только нам. Тем-то хорош эскибрис, что дает такую возможность.

Мне посчастливилось познакомиться с процессом работы Бурмагиных над эскибрисом. Их совместную деятельность в этой области хочется до известной степени сравнить с постройкой в старые времена дома или храма, где один мастер — плотник — ловко рубил и подгонял бревна, а другой украшал сооружение тонкой искусной резьбой, так гармонирующей со стилем постройки.

Общий замысел обыкновенно принадлежит Генриетте Николаевне. Она делает легкий, «воздушный» набросок. А Николай Васильевич строго критически всматривается в рисунок. И оставляет только основное. Так по-

Гравюра и экслибрисы
работы Н. и Г. Бурмагиных

лучается строгий абрис, сохраняющий, однако, нежность и лиричность первоначального замысла. Завершающую работу — изготовление клише или, как говорят, «доски» — выполняет обычно Николай Васильевич.

Мне особенно нравится их экслибрис для Р. и В. Григорьевых. Известно, что основой «Ревизора» послужил рассказанный Гоголю случай, который произошел в небольшом северном городе

Устюжне. Об этом Григорьевы однажды поведали Бурмагиным. И вот какой книжный знак делают Бурмагины людям, влюбленным в творчество Гоголя. Справа они дают неповторимый остроносый профиль Гоголя, как бы сардонически усмевающегося, а налево — пошатнувшиеся от взрыва хохота постройки Устюжны. Ценно и то, что в Гоголиану, изобилующую портретами Гоголя, введен новый и

Экслибрисы работы
А. Т. Наговицына

вместе с тем правдивый образ бессмертного творца «Ревизора» и «Мертвых душ».

Или экслибрис для знатока искусства древней Руси А. Рогова: женский иконописный образ. Удивительно одяние женщины, необыкновенно богато испещренное народными вологодскими узорами. Трогательно мечтательный женский лик, да и весь лирическо-музыкальный строй гравюры выражают искренность чувств художников к А. Рогову, пламенному пропагандисту незаслуженно забытого творчества наших предков...

Добрую улыбку вызывает знак для Галины Леонтьевой: не то «живые» вологодские бабы, не то игрушки-матрешки, ажурная избушка и огромная тарелка подсолнуха, выглядывающего из палисадника. Все говорит о том, что экслибрис сделан для любителя народного творчества.

А экслибрис для Я. Ловменского — целая гравюрная симфония: мимо старинной Вологды с ее мощными башнями и стенами под колокольный перезвон пронесится карета, вся в кружевах, запряженная парой резвых рысаков. Мотив гостеприимства — основа экслибриса; как не вспомнить подобные по теме работы А. Калашникова для зарубежных гостей, но они в другом стиле.

Изящество, артистизм — вот какие определения приходят в голову, когда любишь книжными знаками Бурмагиных.

И еще: поэтичнейшее, своеобразное претворение мотивов северного народного творчества: архитектуры, фольклора...

* * *

... В просторной, прекрасно оснащенной мастерской Анатолий Терентьевич Наговицын показывает мне экслибрисы своей работы. Они ярко повествуют о большом и разнообразном мире интересов, в котором живет современный человек, рассказывают о его досуге, увлечениях.

Вот знак оливкового цвета, пестрый декоративный ковер из рыб, в центре которого раскрытая книга с фамилией владельца. Изгибается, плавно очерчивая круг, трепещущая зубастая щука, сонно застыли в водорослях пузатые караси, бойко шныряют по верху щетинистые ерши. Не нужно быть ни психологом, ни искусствоведом, чтобы понять: знак сделан для страстного рыболова.

Много удовольствия доставляет собирателям этого вида графики исполненный юмора экслибрис для гравера В. Григорьева, где инструменты его труда — штихели — изображены в виде человека с разными выражениями лиц (им придано, верно, шаржированно-портретное сходство), или «гостеприимный» книжный знак для Г. Минаевой — груда книг, накрытая узорчатым полотенцем, квасник,

Гравюра
В. Сергеева

каравай да солонка. Здесь и интереснейший экслибрис «Есениана»² Валерия Поликарпова. И еще об одном книжном знаке, на этот раз для самого себя. Голубая метель заносит избушку и одинокий мольберт.

— Вы забросили живопись? — спросил я Анатолия Наговицына, пытаюсь угадать смысл изображения.

— Да, в «краю деревянного узорочья» и меня увлекла ксилография. А вообще-то я из Кировской области. Между прочим, оформлял там книгу о местах, связанных с жизнью и деятель-

² Правильнее «Есениниана».

Гравюра
В. Сергеева

ностью С. М. Кирова. Сюда на-
правлен после окончания худо-
жественного училища. Делаю
панно, рекламные щиты, оформ-
ляю витрины. А весь досуг, как
и мой друг Владислав Сергеев,
отдаю гравюре.

* * *

Творческий диапазон Влади-
слава Сергеева тоже широк. Он
и монументалист, и выполняет
станковую графику в разнообраз-
ной технике — офорт, ксилогра-
фия, карандашный рисунок. Ху-
дожник часто уезжает в Фера-
понтово и там на берегу бирюзо-
вого Бородаевского озера пости-
гает загадки волшебной кисти
Дионисия.

Если историки и библиофилы
полагают, что Дионисий пересе-
лился сюда, «взыскав книж-
ности мудрой», то поэты и ху-
дожники видят в этом и другое...
Свои бессмертные перламутровые

фрески, доступные всем благо-
даря удивительной музыке цве-
та, иконописец мог писать толь-
ко здесь. Апостолов — со здеш-
них крестьян, рыбаков, а за-
думчиво-нежную богородицу — с
местных крестьянок.

Своим изысканным резцом
Сергеев поэтизирует все лучшее,
что было в давно ушедшей эпо-
хе. Его «Рыбаки» в просторных
одеяниях мужественны и благо-
родны, его «Любовь в древнем
городе» прекрасна, как сам го-
род, его «Кони» легки и огнен-
ны, как в «Битве при Кержен-
це». А «Кузнечики» и «Травы»
Владислава Сергеева могут сме-
ло состязаться с акварелями на
подобные сюжеты прославлен-
ных японских художников. Даже
растениям и цветам придает он
форму храмов-шедевров, подчер-
кивая органическую связь народ-
ного искусства с мотивами при-
роды.

Сравнительно с другими графиками, экслибрисов у В. Сергеева гораздо меньше. Но каждая его работа в этом виде искусства — безусловно значительна. Он вкладывает в нее много труда, тонкого искусства резьбы и, главное, мысли.

Таким произведением представляется, к примеру, его книжный знак для В. Д. Королюка. В. Д. Королюк — известный советский ученый, славист. Он подлинный энтузиаст советского экслибриса. Его многочисленные выступления о книжном знаке — устные и печатные, его статьи привлекают внимание новаторством, серьезностью и глубиной.

В. Сергеев изобразил голову ученого. Внутренний свод черепа напоминает свод какого-то древнерусского сооружения. Пусть экслибрис В. Сергеева несколько ребусен, но разве плохо, если он заставляет призадуматься, а что-то и поразгадать?

Следует подчеркнуть, что экслибрис великолепно вырезан, пропитан духом вологодской гравюры. И мне известно, что

В. Д. Королюк особенно ценит эту работу и охотно ее воспроизводит в своих статьях (например, в сборнике «Книга и графика». М., 1972, с. 285).

* * *

Мы много говорили с Наговициным и Сергеевым о стихах, об отечественных писателях, об умерших вологодских художниках Н. П. Дмитриевском (авторе удивительных гравюр на темы Блока) и Ф. М. Вахрушеве, не повторимом певце вологодского зодчества и природы, о том, как много дает художнику творческое «переосмысление» образов литературы. И, конечно, спорили об экслибрисах...

Вологодские мастера искусства собираются устроить музей или, еще лучше, постоянную передвижную выставку «Русский север» и достойное место отвести на ней гравюрам и экслибрисам. Произведения современных вологодских «изографов» будут выглядеть на этой выставке подлинными жемчужинами.

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

НАША АНКЕТА

<i>Евгений Осетров.</i> Глазами времени	6
<i>Сергей Баруздин.</i> Книга останется книгой... . . .	11
<i>Татьяна Маврина.</i> О сказках	13
Путешествие по старым рукописям	15
<i>Алексей Овсянников.</i> А возможно ли без книг само будущее?	17
<i>Николай Кузьмин.</i> Воспоминания о книгах	20

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>А. Глухов.</i> «От всей души рекомендую...»	27
<i>Я. Бейлинсон.</i> История и жизнь страны в экслибри- сах	33
<i>П. Почтовик.</i> Заметки о советских миниатюрных из- даниях	48

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>А. Сидоров.</i> Московские книголюбцы	65
<i>Н. Иващенко.</i> История одного собрания	93
<i>О. Русс.</i> Книжная сторона	101
<i>Е. Цейтлин.</i> «Тайнственное дело — книги»	109

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>О. Ласунский.</i> Судьба экземпляра	127
<i>Ю. Акутин.</i> Ротмистр-Чернокнижник	134
<i>Лев Анисов.</i> Письмо. Рассказ	141

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Е. Немировский</i> . По следам первопечатника. Главы из документальной повести	155
<i>Владимир Лазарев</i> . «Жизнь и приключения Андрея Болотова»	182
<i>Ф. Стеклова</i> . Адольф Янушкевич и его книга	189
<i>М. Белокрыс</i> . Экслибрис рассказал...	193
<i>В. Утков</i> . О Н. И. Мацуеве	198
<i>Н. Мацуев</i> . Третий лишний	200
<i>Г. Дрюбин</i> . Альбом Левкия Жевержеева	204
<i>А. Блюм, И. Мартынов</i> . Петроградские библиофилы. По страницам сатирических романов Константина Вагинова	217

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>Б. Шиперович</i> . Книги-борцы, книги-победители	239
<i>Борис Зорин</i> . Надпись на книге	243
<i>В. Осокин</i> . Северное чудо	246

СТИХИ О КНИГАХ

<i>Христо Радевский</i> . Советская книга	24
<i>Валерий Брюсов</i> . Терцины к спискам книг	107
<i>Леонид Мартынов</i> . Летописец	151
<i>Раим Фархади</i> . Стихотворение	203
<i>Всеволод Рождественский</i> . Стихотворение	216
<i>Кайсын Кулиев</i> . Стихотворение	236
<i>Расул Гамзатов</i> . Стихотворение	236

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск четвертый

ИБ № 204

Редактор *В. Ф. Ларина*

Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*

Технический редактор *Н. И. Аврутис*

Корректор *О. И. Поливанова*

A13601 Сдано в набор 11.III. 1977 г. Подписано к печати 19.VIII. 1977 г.
Формат бум. 60×84^{1/4}. Бумага № 1 Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 14,55
Тираж 30 000 экз. Изд. № 2374. Заказ № 1368 Цена 1 руб.

Издательство «Книга»
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Ордена Октябрьской Революции и Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28.